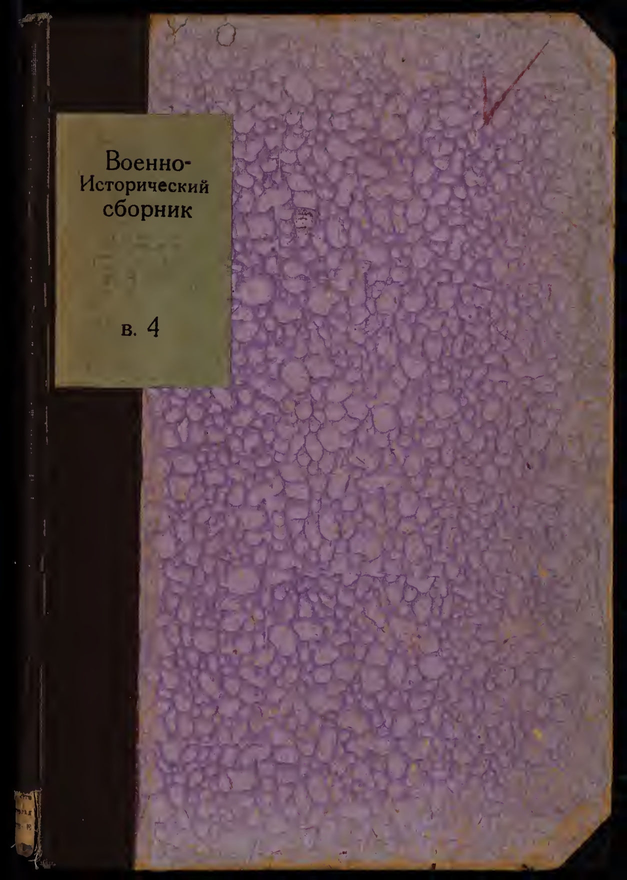

Военно-
Исторический
сборник
в. 4

РСФСР

Военно-исторический сборник

Труды военно-исторической комиссии.

Цена 250 руб.

Выпуск 4.

Москва
1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

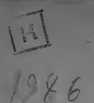
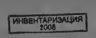
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

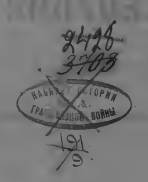
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

ТРУДЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

ВЫПУСК IV-й

МОСКВА.—1920.

Напечатано 4.000 экз.

1-я Государственная тип. (быв. Т-ва Сытина), Москва, Пятницкая, 71.

Русские войска во Франции и Салониках.

(По документам Ставки Верховного Главнокомандующего).

В сложном обзоре отношений России и ее союзников во время мировой войны представляет интерес, как с военной, так и с политической точки зрения, отдельный эпизод сношений русского и французского штабов по вопросу об участии русских войск в военных действиях во Франции и Салониках. Эпизод этот характерен, как один из штрихов в общей картине, рисующей нашу готовность во время войны нести все тяготы, необходимые для общего дела и той, в значительной степени утилитарной, точки зрения, с которой французские правящие круги были иногда склонны рассматривать наши усилия, запечатленные кровью и жизнью наших солдат. Такие стороны нашего участия в войне особенно следует подчеркнуть сейчас, когда на Западе склонны окончательно умалять роль России в войне и те жертвы, которые нам стоила последняя. Самый вопрос о посылке наших войск на запад был выдвинут союзниками.

В октябре 1914 года, прикомандированный к Главному Управлению Генерального штаба английский майор Кампбель доложил военному министру Сухомлинову о желательности, с политической точки зрения, командирования одного из наших казачьих полков в Англию. Предложение это было одобрено, вследствие чего Сухомлиновым были сделаны предварительные распоряжения по подготовке одного из казачьих полков для отправки в Англию. [1])

Вслед за этим в Петрограде была получена телеграмма от нашего военного агента в Англии, Ермолова, передающая ответ Китченера на это предложение. Китченер, выражая свою глубокую благодарность, сообщал, что кавалерия на англо-французском театре почти не имеет случая действовать в конном

---

[1]) Письмо Сухомлинова министру иностранных дел 17 октября (30 окт.) 1914 г. № 8678.

строе и даже постоянно спешивается. Китченер был бы весьма счастлив, если бы прислали в Англию бригаду пехоты [1]). Последняя имела бы большую ценность в виду морального впечатления, которое она произвела бы [2]).

Вскоре после этих предварительных переговоров вопрос о посылке русских войск на Запад входит в новый фазис. В январе 1915 года, в связи с тяжелым положением Сербии, Ллойд Джордж сделал предложение союзникам о посылке на помощь сербам русских, английских и французских войск. Об отношении к этому предложению Франции телеграфировал русскому председателю Совета Министров Горемыкину наш министр финансов Барк, находившийся в это время в Париже. Барк сообщал, что „по мнению англичан такая активная помощь побудит Грецию, Румынию и Болгарию примкнуть немедленно к нам. Считая с Сербией, такая армия, двинутая с юга против Австрии, составит не менее одного миллиона штыков и сразу изменит все положение, облегчая наше движение на Силезию, оттягивая войска от французского фронта и разрешая вопрос о проливах. Это предложение было немедленно рассмотрено в частном совещании у Рибо при участии Вивиани, Мильерана и Делькассе. Мильеран противится посылке французских и английских войск в Сербию, желая иметь возможно большие подкрепления здесь. Вопрос подвергнется дальнейшему обсуждению в Совете Министров“. Дальше министр финансов сообщал о своем разговоре с президентом республики, который признавал предложение Ллойд Джорджа заслуживающим большего внимания [3]). В этом же смысле было получено сообщение от нашего посла в Париже, оттеняющее сочувственное отношение к проекту французского министра иностранных дел Делькассе и возражения, делаемые Военным министром Мильераном [4]). Французский Совет Министров, рассматривавший этот вопрос под председательством президента Республики, высказался в принципе за принятие английского предложения. Президент Республики высказал нашему послу свое сочувствие этому плану, но выразил при этом опасение, что после того, как будет послан на Балканы союзнический контингент, будут пред'являться требования об его усилении [5]).

Об отношении русского правительства к этому проекту можно судить по имеющимся данным. Наш посол в Париже,

1) Телеграмма Ермолова 24 окт. (6 нояб.) 1914 г., № 514.
2) Телеграмма посла в Лондоне 24 окт. (6 нояб.) 1914 г., № 645.
3) Телеграмма Барка Горемыкину 22 янв. (4 февр.), № № 29, 30.
4) Телеграмма Извольского 21 янв. (3 февр.) № 32.
5) Телеграмма Извольского 22 янв. (4 февр.), № 34.

на вопрос, обращенный к нему о взгляде на это дело России, ответил, что не имеет никаких указаний о взгляде Императорского Правительства на этот вопрос, но что, по его личному мнению, высказанные Ллойд Джорджем соображения имеют несомненный вес и что появление на Балканах французских, английских и особенно русских войск, действительно, может возыметь теперь решающее действие [1].

Однако, отношение Ставки к вопросу о посылке союзных войск на Балканы было не столь сочувственное. Самое возникновение этого вопроса путем переговоров политических деятелей и с выдвижением политического момента было встречено отрицательно в Ставке, особенно ревниво оберегавшей свою компетенцию в военных вопросах от всякого вмешательства других ведомств. На телеграммах Извольского о решениях, принятых в Англии и Франции, мы находим резкие надписи наштаверха Янушкевича: „Просим в это дело без нас не пускаться. Это не дело синьора Извольского", и „лучше бы г-н Барк занимался своим делом". По существу Верховный Главнокомандующий и его начальник штаба не считали желательным посылать большие силы на Балканы и предполагали ограничиться посылкой туда казачьего полка, предназначенного раньше для Англии. „Появление об'единенных войск союзников на Балканском полуострове",—телеграфировал Янушкевич Горемыкину 24 янв. (9 фев.) — „могло бы иметь несомненное политическое и военное значение только при условии, что с прибытием этих войск успех оружия перейдет на нашу сторону. Нельзя ставить войска союзников в такое положение, при котором они могли бы потерпеть на Балканах неудачу, так как такой поворот дела произвел бы впечатление как раз обратное тому, на которое рассчитывают инициаторы предложения, а именно к падению нашего престижа. Так как никто не может помешать нашим врагам также перебрасывать свои силы на Сербский фронт, то необходимо заранее предвидеть такую обстановку, при которой, вслед за отправкой союзных войск на Балканский полуостров, придется посылать им подкрепления, причем размер таковых трудно даже предвидеть. Не говоря уже о том, что при таких условиях будут до крайности затруднены вопросы управления и снабжения всем необходимым союзных войск, следует иметь в виду, что посылка сколько-нибудь значительных сил на Балканы поведет к ослаблению войск нащих и наших союзников на главных театрах, что совершенно

[1] Телеграмма Извольского 21 января (3 февраля), № 32.

противоречит самым элементарным условиям правильной стратегии, требующей сосредоточения всех войск и усилий на главном театре, хотя бы в ущерб положению дел на второстепенных театрах".

Далее генерал Янушкевич сообщал, что Верховный Главнокомандующий, оценив общую обстановку на всех фронтах, решительно признает нецелесообразным отправку более или менее значительных сил союзников и наших на сербский театр. Его Высочество при этом высказал свое крайнее сожаление, что наш посол в Париже и министр финансов признали для себя возможным войти в обсуждение и даже высказывать свои соображения представителям иностранных правительств по вопросу, едва ли относящемуся к их компетенции, так как вопрос этот касается прежде всего ведения военных операций, вверенного, волей Государя Императора, Августейшему Верховному Главнокомандующему. Вопрос о помощи Сербии уже был поднят главнокомандующим сербской армией, королевичем Александром, причем, по докладе Государю Императору, Его Величеству благоугодно было указать на возможность, исключительно в целях нравственного воздействия, предложить сербам отправку к ним одного казачьего полка. Дальше этого решительно итти не следует [1]).

Вскоре, в виду несогласия Греции допустить высадку союзных войск в Салониках, проект посылки союзного контингента на помощь сербам был оставлен [2]).

Вопрос о посылке русских войск на Балканы возникает вновь в октябре 1915 года, когда, в связи занятием Сербии германцами и выступлением Болгарии, франко-английские войска были высажены в Салониках и началось образование салоникского фронта. Россия согласилась послать на Балканы свой отряд, в состав которого должны были войти одна из туркестанских стрелковых бригад, горный артиллерийский дивизион из двух батарей и одна сотня 53. Донского казачьего полка. Отряд должен был быть сосредоточен в Архангельске, откуда он должен был отправиться на Балканы. В начальники отряда предназначался командир 6. корпуса, генерал Ромейко-Гурко, или же генерал Нотбек или Дельсаль [3]).

Однако уже через несколько дней выяснилось, что события на Балканах развиваются столь быстро, что отряд, отправляемый через Архангельск, прибудет в Сербию слишком поздно. Поэтому

[1]) Телеграмма Янушкевича Горемыкину 24 января (6 февраля) 1915 г.
[2]) Телеграмма посла в Лондоне 6 фев. (19 фев.) и 8 фев. (21 фев.) 1915 г.
[3]) Письмо генерала Алексеева военному министру 4 окт. (17 окт.) 1915 г.

решено было отказаться от посылки отряда этим путем и выдвинуто предположение об оказании Сербам помощи посредством отправки значительного количества войск южным путем [1]). Но разгром Сербии и потеря Дуная, перешедшего всецело в руки противника, сделали и этот план неосуществимым.

Вопрос об отправлении русских войск на Запад и на Балканы поднимается снова в декабре, уже по почину Франции. Вопрос этот был возбужден французским политическим деятелем Полем Думером во время поездки его в Россию осенью 1915 года. Думер представил план перевозки русских солдат во Францию в большом количестве, в качестве материала для пополнений. В основу его предложения ложились соображения об исчерпании Францией собственных источников людского материала для пополнений и наличность в России большого количества пригодных к строевой службе людей, которых Россия, по неимению вооружения и снаряжения, самостоятельно использовать не может. Предположения эти родились не среди французских военных кругов, а среди парламентских политиков, которые, за счет русских пополнений, хотели уменьшить бремя, возложенное войной на французский народ; эта мера должна была сразу явиться и средством борьбы с французскими антимилитаристическими настроениями, которые под тяжестью жертвт унесенных боями, уже начинали сказываться, и средством завоевать популярность политической партии, которая бы его провела. Мысль эта была встречена нашим военным командованием весьма несочувственно. 30 нояб. (13 дек.) военный министр генерал Беляев телеграфирует по этому поводу начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву: „Вследствие последовавшего вчера от'езда в ставку Поля Думера, считаю долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству, что, подробно ознакомившись личными переговорами с сущностью его просьбы, полагаю признать ее во всех отношениях безусловно не подлежащей исполнению... При переговорах с ним я старался вселить убеждение, что наш боеспособный контингент далеко не безграничен, как думают во Франции и привел рассчет, что к концу первого полугодия будущего года будут исчерпаны все средства до 30-летнего возраста. Указал на громадные потери у нас, каковых нет на Западе. В виду крайней настойчивости его домогательств, считаю долгом телеграфировать Вашему Высокопревосходительству мои опасения, что он заявит, что в Петрограде его предложение не было принято,

[1]) Телеграмма генерала Алексеева военному министру 9 окт. (22 окт.) 1915 г. № 5038

в Ставке, как невыполнимое, и будет настаивать хотя бы на частичном его осуществлении в виде опыта. Лично я считаю, несмотря на действительную, может-быть, потребность французской армии, что настоящее предложение не может быть принято ни под каким видом“ [1]).

Генерал Алексеев также отнесся несочувственно к предложению Думера. К тем мотивам ограниченности нашего боеспособного контингента, которым руководствовался генерал Беляев, генерал Алексеев добавляет мотив нравственного характера—невозможность относиться к людям, как к предметам материальной части. „Лично признаю исполнение просьбы Думера совершенно нежелательным“, пишет генерал Алексеев генералу Беляеву,—„она не считается с нравственной стороной, рассматривает человека, как предмет материальной части“. Однако рядом с этим генерал Алексеев признавал нашу зависимость от французов и необходимость некоторых уступок. „Если мы слишком зависимы в отношении материальной части“,—продолжает он, „и решительный полный отказ, который следовало бы дать, признается нежелательным, то считал бы нужным произвести опыт формирования не более двух полков с двумя запасными батальонами обязательно из числа желающих офицеров и нижних чинов, командировав части с придачею на место дополнительного кадра другой армии, начальствующих лиц, команды связи, пулеметчиков. Этот опыт даст указания относительно будущих действий. Повторяю, что это крайность, на которую можно итти только в силу особой необходимости и желания сохранить добрые отношения. Свои предположения, в виде только уступки, изложил Думеру и считаю нужным поставить вас в известность, дабы моим словам, при передаче Думером, не было придано неправильного толкования“ [2]).

В таком же смысле телеграфировал генерал Алексеев русскому военному представителю во Франции, генералу Жилинскому, просившему ознакомить его с положением вопроса о посылке русских войск во Францию. „Речи об этом нет“, отвечал генерал Алексеев, „Думер просил 300 тысяч укомплектований, тысяч по 30 ежемесячно. Просьба встречена несочувственно. Быть может, в виду нашей материальной зависимости, будет сделан опыт формирования двух наших полков придачею французского кадра. Лично против такой даже меры; желал бы, чтобы этот опыт, если он неизбежен, был ограничен“ [3]).

---

[1]) Телеграмма генерала Беляева за ноябрь 1915 г., № 300.

[2]) Телеграмма ген. Алексеева ген Беляеву 30 ноября (13 декабря) 1915 г., № 6255

[2]) Телеграмма генерала Алексеева Жилинскому в Париж, 4 дек. (17 дек.) 1915 г. № 6369.

Таким образом, Россия, на которую исключительно пала вся тяжесть борьбы с Германией в периоде с октября 1914 года по октябрь 1915 года и которая за этот год войны истощала силы своей армии и материальные ресурсы, не являлась уже свободной в своих решениях; отдохнувшие союзники, снабжавшие нашу расстроенную отступлением лета 1915 года армию оружием и снаряжением, почувствовали зависимость, в которой находилось от них русское правительство, и производили давление, которое было немыслимо еще весной 1915 года, когда Ставка и Верховный Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, сохраняли еще свободу действий. Несмотря на все несочувствие русского военного командования, предположение Думера, общая обстановка войны и необходимость поддержать Францию заставляли нас итти на уступки, о которых говорит генерал Алексеев. Политический характер такого решения особенно явственно выступает из телеграммы министра иностранных дел послу в Париже от 9 дек. (22 дек.) 1915 года.

„Думер просил здесь о посылке во Францию русских невооруженных солдат в числе сорока тысяч ежемесячно. Это было признано нашим военным ведомством невыполнимым, вследствие невозможности уделить столько обученных войск, необходимых на русских фронтах. Однако, чтобы доказать наше желание итти навстречу просьбам союзников, было решено отправить в виде опыта во Францию через Архангельск бригаду пехоты, если только условия плавания по Белому морю это позволят. Вооружение и продовольствие бригады, а также пополнение офицерского состава должны быть приняты на себя Францией. Наши военное и морское ведомства делают все от них зависящее для осуществления этого предложения, но особенно ранняя и холодная зима в нынешнем году создает этому большие затруднения. Имея основание опасаться, что в Париже склонны преувеличивать достигнутый Думером успех, прошу Вас на основании вышеизложенного, своевременно рассеять возможность недоразумений на этой почве в будущем“ [1]).

Весьма интересно отметить, что вопрос о посылке русских войск во Францию, поставленный Думером в таком большом масштабе, в самой Франции встретил далеко не единодушное отношение. Тогда как Думер и с ним политические круги придавали ему огромное значение, мало считаясь в своих расчетах с техническими трудностями и с нравственной стороною вопроса, о которой упоминал генерал Алексеев,—высшее фран-

[1]) Телеграмма Сазонова послу в Париже 9/22 декабря 1915 г., № 6326.

цузское командование относилось к прибытию русских войск довольно холодно. Мы имеем телеграмму русского военного представителя Франции, генерала Жилинского, от 15 мар. (28 мар.) 1916 года по вопросу о направлении русских войск в Салоники, в которой выясняется подоплека выступления Думера.

„В феврале в Совете Государственной обороны", телеграфирует Жилинский, при Бриане возбудился вопрос о высадке прибывшей русской бригады не во Франции, а в Салониках, на что генерал Жоффр дал свое согласие. Должен сказать, что присылке этой бригады генерал Жоффр не придал большого значения, а к вопросу о присылке из России укомплектований относился совершенно отрицательно, повидимому, потому, что этот вопрос был поднят без его ведома его политическими противниками Галлиени и Думером. Тогда Бриан через Палеолога обратился к Сазонову, который и спросил высочайшее соизволение на высадку бригады в Салониках. Недели полторы тому назад, генерал По [1]) телеграфировал Жоффру свое сожаление, что он не был осведомлен об этом решении и сообщил, что предложение Бриана произвело крайне неприятное впечатление в Ставке, между прочим потому, что бригада знала о своем назначении во Францию и будет крайне недовольна перерешением. Эта телеграмма побудила Жоффра просить Бриана сделать новые сношения по этому вопросу и предложить направить первую бригаду во Францию, а вторую, о посылке которой только что узнали, высадить в Салониках. Однако Палеолог вновь ответил, что посылка обеих бригад в Салоники вполне соответствует видам Российского Правительства и изменение этого пункта высадки нежелательно. В этом смысле и Сазонов телеграфировал нашему послу и прибавил, что появление наших войск в Македонии опровергнет слух о том, что Россия не хочет выступления Великобритании против Болгарии. Поэтому французское правительство окончательно решило высадить обе бригады в Салониках, а ружья для них послать навстречу в Суэц. Сегодня говорил с Жоффром, который оказал содействие, не придавая особого значения прибытию бригады в Салоники, именно: он охотно согласился с представлением правительства о высадке ее в Салониках. В случае же желания Российского Правительства, во Францию может быть направлена вторая бригада" [2]).

Из этой довольно неясной телеграммы видно, какая атмосфера создалась во Франции вокруг вопроса о прибытии рус-

[1]) Французский военный представитель в России.
[2]) Телеграмма Жилинского 14 марта (27 мар.) 1915 г., № 117.

ских войск. С политической точки зрения дело это всячески раздувалось и им пользовались даже, как орудием во внутренней политической борьбе. На эту телеграмму последовал краткий ответ генерала Алексеева, из которого можно заключить, что Ставка вообще не придавала особого значения вопросу о высадке войск во Франции или в Салониках. Генерал Алексеев продолжал держаться своего прежнего взгляда, согласно которому мы должны вследствие нашей зависимости от Франции, итти на различные жертвы, и посылка наших войск рассматривалась как таковая. Из телеграммы генерала Алексеева видно, что если и было недовольство в Ставке, о котором писал Жилинский, то оно касалось не спора о месте высадки русских бригад, а тех колебаний и разногласий, которые отмечены в телеграмме Жилинского и об'ясняемых вышеуказанным внесением политики в вопрос о посылке русских войск. Генерал Алексеев заявляет, что это „вопрос совершенно второстепенный, которому вмешательство дипломатов придало неподобающее значение". Русское верховное командование считает, что, предоставляя две бригады Франции, предоставляет высшему французскому командованию решить, как их использовать: обе ли отправить в Салоники, или одну и какую именно. Генерал Алексеев заканчивает пожеланием: „Нужно только твердое окончательное решение" [1]).

В результате переговоров русские войска были отправлены во Францию и в Салоники. На французском фронте находились 1. и 3., на салоникском—2. и 4. бригады. Здесь нет возможности дать полный очерк пребывания этих частей заграницей и мы остановимся лишь на наиболее характерных отзывах об их работе на фронте, а также на сношениях с союзниками по дальнейшей организации русских частей на западном и салоникском фронтах.

Относительно 1. и 3. бригады мы находим ряд подробностей в отчете военного агента во Франции за 1916 год. Части 1. бригады (2 полка трехбатальонного состава и маршевый батальон шестиротного состава) формировались в период с 2 янв. (15 янв.) по 17 янв. (30 янв.) из запасных батальонов. Из пунктов формирования: Москвы, Самары и Иркутска части бригады были перевезены по железной дороге до порта Дайрен и далее морем вокруг Азии, Индийским океаном и Красным и Средиземными морями до Марселя. Переезд длился с 26 янв. (8 февр.) по 22 апр. (5 мая) когда последний транспорт был высажен в Марселе. 3. бригада (2 полка трехбатальонного со-

---

[1]) Телеграмма генерала Алексеева 18 мар. (31 марта) 1916 г., № 1559.

става при 6 пулеметных ротах и маршевый батальон 6-ти ротного состава) формировалась в Екатеринбурге и Челябинске из запасных частей и путем выделения целых рот из действующих частей. Формирование происходило в период времени от 13 мая (28 мая) по 24 июля (6 авг.). Переезд свой во Францию 3. бригада совершила по железной дороге до Архангельска и далее морем до Бреста, где была высажена в период с 19 авг. (1 сент.) по 28 авг. (10 сент.) Из портов высадки бригады для окончательного сформирования и обучения перевозились по железной дороге в лагерь Майи в Шампани, приписанный к району 4. французской армии. В этом лагере части обеих бригад получили обозы, конский состав, вооружение, пулеметы, телефонное имущество и пр., согласно штатам. 1. бригада закончила свою подготовку по обучению всем новым средствам борьбы с врагом, принятым на французском фронте, к 12 июля (25 июля) т.-е. ей понадобилось на это 6 недель (считая начало обучения с 1 мая (14 мая), а 3. бригада была готова к 28 сент. (11 окт.) т.-е. закончила подготовку в 4 недели (считая сентябрь месяц) [1]).

Относительно прибытия бригад и на салоникский фронт и подготовки их нет подробностей. Бригады находились уже на фронте летом 1916 года.

Относительно деятельности русских войск мы находим рядом с деталями донесений о тех или других отдельных действиях, некоторые отзывы, содержащие более общие характеристики, принадлежавшие как нашему, так и французскому командному составу; в всеподданнейшем рапорте русского военного представителя во Франции, генерала Палицына, от 31 янв. (13 февр.) 1917 г. № 15 мы читаем отзыв о первых неделях пребывания войск во Франции: „Молодые полки обеих бригад находятся в отличном состоянии, обильно снабжены всем необходимым, прекрасно обучены и за некоторым исключением, в начале, поведение личного состава хорошее и боевая служба несется доблестно. Отношение военных французских властей к войскам благожелательное и правильное и все наши нужды исполняются вообще охотно и предупредительно. Санитарное состояние весьма хорошее“.

Относительно салоникских бригад ген. Палицын пишет в том же рапорте, что из об'ездов его на юге Франции, куда поступают больные и раненые из салоникской армии, он вынес впечатление, что офицеры и нижние чины несут тяжелую службу с рвением и самоотвержением и ко всем ним французское начальство и население относятся с уважением.

---

[1]) Отчет военного агента во Франции за 1916 год.

Из отчета военного агента во Франции за 1916 год видно, что первая бригада в 1916 году имела потерь: офицеров убитых—2, раненых—2, солдат убитых и умерших—103, раненых—130. 2. бригада имела офицеров убитых — 1, раненых — 3, солдат убитых и умерших—67, раненых—404. Потери войск на салоникском фронте были гораздо значительнее. Из донесения военного агента в Сербии Артамонова от 29 окт. (11 нояб.) 1916 года явствует, что к 23 окт. (5 нояб.) 1916 года из одной 2. бригады эвакуировано во Францию около 180 человек, было больных 863, раненых 1116. За исключением нестроевых в 3. полку насчитывалось действительно штыков 1528, в 4. — 1184 [1]).

В связи с ходом событий потери вообще колебались в довольно значительной степени. В январе 1917 года генерал Лохвицкий просил укомплектований для вверенной ему бригады, ожидая потерь „около 30% нижнихъ чинов и до 45% офицеров." Во время газовой атаки 13 янв. (26 янв.) в 3. бригаде выбыло из строя 232 солдата и 3 офицера.

В марте 1917 года генерал Палицын доносит из Франции, что обе бригады были в серьезной работе, еще более напряженная предстоит впереди. Настроение хорошее при должном порядке [2]). В апреле французский главнокомандующий, генерал Нивель, в письме генералу Алексееву следующим образом отзывается о русских войсках: „Спешу довести до Вашего сведения что первая русская бригада во Франции, сражающаяся в Шампани с VII армейским корпусом, особенно отличилась, о чем и было дано в приказе по армии. Я был бы очень счастлив, если бы об этом отличии было доведено до сведения русских армий [3]).

Французский приказ о действиях 1. особой пехотной бригады гласил: „16 апр. (29 апр.) 1917 года под энергичной командой своего начальника генерала Лохвицкого, 1. бригада блестяще завладела поставленными ей целями и довела до конца свою операцию, несмотря на тяжелые потери, в особенности в числе офицеров, и сумела отразить все попытки противника вернуть завоеванную территорию". Согласно желанию генерала Нивеля, генерал Алексеев издал приказ по армиям, в котором он приводит текст французского приказа и пожелание генерала Нивеля; генерал Алексеев добавляет: „По донесению нашего представителя при французской главной квартире генерала Палицына, наша третья бригада работала так же доблестно, как и первая, но в условиях более трудных, между Бермирирук и рекой Эн.

[1]) Донесение полковника Артамонова 29 октября (11 ноября) 1916 г., № 172.
[2]) Телеграмма генерала Палицына 28 мар. (10 апр.) 1917 г., № 114.
[3]) Письмо генерала Жанен от 9 апр. (22 апр.) 1917 г.

Я счастлив об'явить русской армии о подвигах наших братьев, сражающихся на полях далекой Франции, бок о бок с нашими славными союзниками, против общего врага за право, свободу и светлое будущее народов“. Из донесения генерала Палицына от 10 апр. (23 апр.) видно, что потери нашихъ войск в этих боях были весьма чувствительны, достигая в общем 70 офицеров и 4472 солдат.

Сношения Ставки с французским командованием были особенно оживленные по организационным вопросам.

В июле 1916 года был возбужден французской главной квартирой вопрос об образовании из четырех русских бригад двух дивизий, в виду чего требовался личный состав для укомплектований. К этому решению пришли после того, как 5, 6 и 7 особые бригады, первоначально предназначенные для Франции, были отправлены на румынский фронт. Также пришлось отказаться от проекта посылки во Францию новых полков для образования 4. русских дивизий. Даже сведение имевшихся во Франции и в Салониках 4. бригад в 2. дивизии, представляло в то время для русского военного ведомства трудную задачу в виду недостатка в людях и средствах. Так, военный министр, генерал Шуваев, телеграфирует 12 дек. (25 дек.) 1916 года Наштаверху: „По вопросу высылки на французский и салоникский фронты личного состава для обеспечения артиллерией, техническими, санитарными и интендантскими средствами предположенных к формированию двух особых дивизий, сообщаю, что осуществление этой меры потребует командирования 303 офицеров и чиновников и 11 тысяч нижних чинов. С июля месяца, когда мною был возбужден вопрос о желательности сведения особых бригад в высшие организационные соединения, обстановка существенно изменилась: вместо 6 бригад на французский фронт командировано лишь 2, и кроме того, 2 бригады действуют на салоникском фронте. Французская армия богаче нашей снабжена артиллерией и техническими средствами, что, полагаю, даст ей возможность обслуживать в достаточной степени и наши бригады. Казалось бы, что при большей потребности в личном составе для нашей армии, было бы выгоднее помириться с существованием отдельных бригад, не сведенных в дивизии, только бы не посылать вновь за границу столь многочисленных укомплектований“ [1]).

Несмотря на эти возражения генерала Шуваева, решение об образовании двух дивизий осталось в силе, и были приняты

---

[1]) Телеграмма генерала Шуваева 12 дек. (25 дек.) 1916 г., № 642.

меры к ускорению этого дела, согласно настояния французского представителя в Ставке. Однако укомплектования не могли прибыть во Францию раньше открытия навигации в Архангельске, вследствие чего образование дивизий затянулось. Следует отметить, что русскому командованию в этом вопросе приходилось считаться с настроением французских военных кругов, которые желали возможно скорейшего увеличения русских частей на французском фронте, мало считаясь с теми трудностями, которые возникали в связи с этим для русского военного ведомства. 14 фев. (27 фев.) Палицын телеграфирует, что „переформирование обеих бригад в дивизию, взамен двух дивизий—трех-полкового состава, произведет здесь нежелательное впечатление". В другой телеграмме генерал Палицын сообщает, что главнокомандующий говорил с ним по этому вопросу „с грустью". 24 фев. (9 мар.) генерал Жанен сообщил телеграмму генерала Лиотэ, настоятельно требующую посылки русских укомплектований. Генерал Лиотэ телеграфировал: „Независимо от решения, которое будет принято русским правительством в вопросе о переформировании русских бригад во Франции в 3 полковые дивизии, прошу вас настоять на отправке в возможно непродолжительном времени личного состава, уже подготовленного, для предвиденного первоначально формирования одной 4. полковой дивизии, в частности же личного состава артиллерии. Главнокомандующий придает большое значение безотлагательной присылке этого личного состава".

В виду этой телеграммы в Ставке было решено остаться при первом решении (преобразовать две бригады в одну дивизию), но ускорить посылку укомплектований. Однако и здесь встретились существенные препятствия, — и чисто технические затруднения делали невозможным осуществление в скорый срок пожелания французского главнокомандующего. Из сношений нашего морского министра с французским морским министерством выяснилось, что перевезти во Францию 11.000 солдат, необходимых для формирования артиллерийских и технических частей, а также дивизионных учреждений для 1. и 2. особых дивизий, не представлялось возможным в течение одного марта месяца. В виду льдов в горле Белого моря, до конца мая или начала июня, отправление могло иметь место лишь через Мурман. При имеющихся же транспортных средствах этим путем можно было отправить 2000 человек в марте и 3000 в апреле [1]). Но рядом с этим, отправление частей было в значи-

[1]) Телеграмма начальника генерального штаба генералу Жанен 13 марта (26 мар.) 1917 г.

тельной мере затруднено внутренними событиями. Генерал Аверьянов намекал на это в телеграмме на имя генерала Жанен говоря: „однако при известных вам современных условиях, едва ли представится возможным подготовить личный состав к упомянутым срокам". В телеграмме генерал-квартирмейстера Ставки генералу Палицыну от 20 апр. (3 мая) запоздание в отправке частей приписывается нашим внутренним событиям: „к подготовке этого личного состава генеральный штаб приступил еще с осени минувшего года с таким рассчетом, чтобы начать перевозку с открытием навигации, однако волнения, имевшие место в Петрограде и его окрестностях, привели к невозможности отправить по назначению подготовлявшийся личный состав". Насколько, однако, широко предполагалось удовлетворить желание французского командования, видно из плана перевозки наших укомплектований, принятого, несмотря на все затруднения. „К перевозке будет приступлено с открытием навигации в Архангельске, т. е. в начале июня. В первую очередь будет отправлен личный состав 2. особой артиллерийской бригады, который ныне предназначается не на салоникский, а на французский фронт; затем по мере готовности будут отправляться личные составы для инженерных, санитарных и интендантских частей, а также для первой особой артиллерийской бригады" [1]). Вслед за этим предполагалась еще отправка 26 маршевых рот для пополнения убыли в особых полках.

В дальнейшем переговоры касаются, главным образом, наших частей на салоникском фронте. В июле было принято решение перевезти 1 особую дивизию из Франции на салоникский фронт. В связи с этим, наш военный агент в Македонии, полковник Артамонов возбудил вопрос о назначении общего начальника на салоникском фронте. В виду этого, Главное Управление Генерального Штаба поставило на очередь вопрос об образовании особого корпуса из наших двух дивизий на македонском фронте. Однако этот проект встретил возражения со стороны французов и было решено ограничиться назначением общего начальника для всех русских частей. В то же время шли переговоры об организации тыла русских войск в Македонии. Вопрос этот имел большое значение, при том, как видно из сообщений наших военных начальников, не только в смысле военном, но и в моральном и в политическом отношениях. Положение наших войск в Македонии было особенно трудным. Полковник Артамонов настаивал на том, что тыл должен быть образован „ибо

[1]) Телеграмма генерал-квартирмейстера Ставки генералу Палицыну 20 апреля (3 мая) № 3136.

до сего времени тяжесть условий службы здесь, вызывали, главным образом, недостатки материяльной части и неудовлетворительное устройство тыла, что создавало недовольство среди солдат и командного состава и служило поводом к трениям с французами" [1]). Сторона эта еще определеннее высказывается в телеграмме генерал-квартирмейстера ставки, генерала Дитерихса, начальнику главного управления генерального штаба, Марушевскому. Генерал Дитерихс рисует так положение русских войск в Македонии, которыми он одно время командовал: „Жизнь и служба наших войск на салоникском фронте, еще в бытность мою командующим нашими войсками, выяснила для всех нас там находившихся, необходимость смотреть на русские войска в Македонии не как на 2. особую пехотную дивизию в узком смысле, а как на почти самостоятельный русский отряд, представлявший собою одну из наций сводной армии. Таков был взгляд и всех союзников. Помимо чисто национальных чувств, к необходимости самостоятельности положения приводили и следующие две причины: первая — враждебность русских войск к французам вынуждала, где только возможно, в организации тыла и снабжения изолировать наших от соприкосновения с французами. Вторая: — бедность тыла и средств довольствия французов требовала от нас собственных организаций и заботы. Обе причины сознавались и разделялись и высшим французским начальством, которое помогало мне поскольку могло в проведении нужных мероприятий" [2]).

В связи с общим вопросом о роли русских войск в Македонии, стоят и переговоры об использовании этих войск и в других местах. Любопытным эпизодом служит переписка по вопросу о посылке русского отряда на остров Корфу. Дело началось с просьбы временного греческого правительства о посылке хотя бы небольшого русского отряда на Корфу, для придания союзному гарнизону международного характера. Это представлялось необходимым салоникскому правительству в виду вызывающих действий итальянцев на Корфу и в Эпире. Русское командование в принципе согласилось, но в виду подчинения русских частей на салоникском фронте французскому командованию передало дело в его руки [3]).

В октябре 1917 года возникает новый вопрос об отправлении 2. особой дивизии на мессопотамский фронт. В течение лета 1917 года англичане подготавливали обширные операции

[1]) Телеграмма полковника Артамонова 21 июля 3 августа 1917 г. № 1138.
[2]) Телеграмма генерала Дитерихса 10 окт. (23 окт.) 1917 года.
[3]) Телеграмма ставки генералу Артамонову 15 апр. (28 апр.) 1917 года, № 187.

в Мессопотамии, Сирии и Малой Азии. Вследствие растущей дезорганизации нашей кавказской армии, не могущей уже обеспечить фланг мессопотамской армии, англичанами был поставлен вопрос о переброске части английских войск с салоникского фронта против Турции. Это встретило возражения со стороны французского и нашего военного командования, опасавшихся ослабления салоникского фронта. Для нас этот вопрос был особенно серьезен, так как могла создаться угроза для нашего румынского и юго-западного фронта. Однако к осени положение настолько изменилось, что возникает уже предположение о переброске на мессопотамский фронт 2. особой дивизии. Генерал Дитерихс телеграфирует Артамонову: „Плохое моральное состояние войск кавказского фронта в связи с настоятельной необходимостью поддержать англичан в их мессопотамских операциях, вызывают необходимость изыскать способы содействия им другими нашими войсками, кроме кавказских. Казалось бы, что для этого могла быть использована 2. особая пехотная дивизия. Предварительно окончательного решения этого вопроса Наштаверх просит вас выяснить и телеграфировать, насколько в моральном смысле можно ожидать сочувственного отношения дивизии к переброске ее на мессопотамский фронт в распоряжение генерала Мода, имея в виду, что она в новом положении войдет в соприкосновение с нашими войсками, т.-е. как бы приблизится к России и будет отчасти работать со своими“ [1]).

Этот проект остался неосуществленным. События в России имели свое отражение на наших войсках за границей и на очередь был поставлен вопрос об их возвращении на родину.

По документам можно отчасти проследить влияние революции на наши части. Февральский переворот вызвал со стороны наших военных властей за границей желание быть осведомленными о происходящем в России. В виду этого Ставкой была 5 марта (18 мар.) отправлена нашим военным агентам следующая телеграмма, рисующая положение в России: „Начавшиеся в конце февраля в Петрограде беспорядки обратились вслед за роспуском Думы в вооруженное восстание, участие в коем постепенно принял весь гарнизон Петрограда и его окрестностей, Балтийский флот и гарнизон Москвы. Образованное Родзянкой временное правительство, первоначально требовавшее лишь назначения ответственного министерства, тотчас принуждено было итти на встречу более радикальным требованиям партии рабочих депу-

[1]) Телеграмма генерал-квартирмейстера ставки 5 окт. (18 окт.) 1917 г., № 7366

татов, и признали единственным способом прекращения разроставшейся анархии отречение от престола. С целью избежать позорной междуусобицы, сохранить возможность довести войну до конца и тем спасти Россию государь издал манифест об отречении, назначив предварительно Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича и председателем Совета Министров выставленного временным правительством кандидата—князя Львова. Текст манифеста, равно как таковой великого князя Михаила Александровича, вам, конечно, известны. Верховный Главнокомандующий, признав временное правительство, повелел своему штабу войти в тесную связь с новым кабинетом и согласовать с ним свои действия“ [1]).

Вместе с тем нашим военным представителям за границей были сообщены по телеграфу приказ Гучкова за № 9215 о реформах в армии и текст новой присяги.

О впечатлении, произведенном событиями в наших войсках, сперва имеется мало сведений. 17 мар. (30 мар.) полковник Артамонов телеграфирует из Салоник: „В виду происходящих в России событий, я считал необходимым свидеться с начальниками бригад. В бригаде генерала Леонтьева поддерживается строгий порядок, и переход к новым политическим условиям, повидимому, не вызовет никаких брожений. Вообще генерал Леонтьев проникнут горячим желанием сделать все возможное, чтобы русские войска на отдаленном фронте поддержали до конца честь русского оружия. Такими же чувствами исполнен и генерал Дитерихс, в бригаде коего тоже полный порядок. Нельзя, однако, не пожалеть, что продолжающееся отсутствие единства власти, особенно чувствительное в данную минуту, является досадной помехой планомерной и спокойной работе русских войск на здешнем театре... Очень прошу ускорить разрешить этот больной вопрос“.

Приблизительно через месяц, однако, сведения о настроении войск значительно ухудшились. В середине апреля наш генеральный консул в Салониках сообщил, что генерал Саррайль обратился к нему со спешной просьбой, как можно скорее вызвать отсутствовавшего начальника 4. бригады, генерала Леонтьева, в войсках коего заметно брожение и сильное недовольство солдат и офицеров против генерала. По сообщению консула, королевич Александр со своей стороны указывал на это Главнокомандующему, выражая опасение деморализации сербских войск, сражавшихся бок о бок с бригадой Леонтьева [2]).

[1]) Телеграмма генерала Лукомского русским военным представителям за границей 5 мар. (18 мар.) 1917 г. № 1971.

[2]) Телеграмма помощника Наштаверха. ген. Деникина 18 апреля/1 мая 1917 г., № 5766.

В то же время от генерала Палицына из Франции поступил ряд телеграмм, рисующих те затруднения, которые переход к новым условиям создавал для наших частей на западном фронте. Генерал Палицын сообщал в Ставку от 13 апр. (26 апр.) что „начальники бригад запрашивают о возможности допущения в полках комитетов. Сведения доходят сюда только из газет, смущают людей, выведенных теперь из боевой линии. Не откажите дать приказ и не полагаете ли, что надо предварительно спросит высшее французское командование, которому войска подчинены. Сообщите какие вопросы подлежат ведению комитетов, если таковые будут установлены и на каких началах они должны быть составлены“. В другой телеграмме от 18 апр. (1 мая) генерал Палицын, в виду выхода приказа с положениями о комитетах и дисциплинарных судах, испрашивает указаний военного министра о порядке введения таковых в войсках, находящихся во Франции и в Македонии. Далее следует ряд вопросов о комитетах, возбужденных начальниками бригад [1]).

Невыясненность вопросов новой организации и сильнейший рост революционного движения в войсках, создавали ряд недоразумений, ставивших наши военные власти за границей в затруднительное положение. 10 мая (23 мая) генерал Палицын телеграфирует генералу Алексееву, что начальник первой особой бригады издал в приказе за № 96 ряд положений, выработанных в виде временной меры до распоряжения временного правительства, и изменяющих правила внутренней гарнизонной службы. Честь заменена приветствием. Отменяется: 1) становиться во фронт начальникам, 2) коллективные ответы, 3) команда: „встать“ и „смирно“ вне служебного времени. Команда для отдания чести сохраняется только при приближении прямых начальников, а остальным—приветствие. Приветствие выражается прикладыванием руки к головному убору. Отдание чести караульными и часовыми на основании существующих уставов. Генерал Палицын добавлял: „Начальники бригады служебно осведомлены, что то, что временным правительством и военным министром не отменено, то должно сохранить силу закона. Необходимо остановить бессистемное и произвольное изменение частными начальниками уставов, на коих покоится служба и дисциплина. О том, что приказом за № 96 начальник первой бригады нарушил закон, протелеграфировал ему“ [2]).

Генерал Алексеев согласился с этим заключением и сообщил свое мнение военному министру: 1) что такие своевольные

[1]) Телеграмма генерала Деникина Главковерху 20 апреля/3 мая 1917 г.
[2]) Телеграмма ген. Палицына 10 мая (23 мая) 1917 г. № 199.

распоряжения отдельных начальствующих лиц являются недопустимыми, 2) что на начальника 1. особой бригады за приказ, отданный им до об'явления временным правительством новых указаний о правах военнослужащих, казалось бы необходимым наложить взыскание и 3) что во избежание подобных отдельных правонарушений совершенно необходимо своевременно и с достаточной полностью ориентировать начальников находящихся за границей наших войск [1]).

В виду общего недостаточного осведомления за границей о русских событиях, была сделана попытка создать особый комитет для распространения правильных сведений. Комитет этот должен был поставить себе, в числе задач, и освещение положения для наших частей, находившихся во Франции. Комитет этот был образован в Лондоне, при чем председателем его был избран П. Крапоткин, а секретарем С. Р. Гавронский [2]).

Однако, никакие меры не могли остановить процесса проникновения революционных идей в наши войска. В июле военное ведомство уже выдвигает необходимость решительных мер для водворения порядка в наших частях, находящихся за границей. Вместе с тем становится вопрос о возвращении этих частей в Россию. В этом смысле министр иностранных дел телеграфировал послу в Париже 14 июля (27 июля) 1917 года: „В виду брожения и нарушения дисциплины в первой русской бригаде во Франции, военный министр находит необходимым восстановить в этой части порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни. Задача подчинения первой бригады воинскому долгу возлагается на нашу вторую бригаду, дабы избежать, если возможно, вмешательства в это дело французских войск. По вопросу о возвращении нашей дивизии в Россию военный министр находит, что если французское правительство, после водворения в наших войсках строгого порядка и устранения вредных элементов, также будет настаивать на их отозвании, то части эти надлежало бы перевести в Салоники, где усиление наших войск является крайне желательным. Перевозка эта могла бы производиться эшелонами, это позволит выяснить в пути и устранить остальных нарушителей и таким образом окончательно оздоровить войска. Эвакуация последних в Россию чрезвычайно нежелательна с общей точки зрения, так, в частности, и в виду недостатка тоннажа,

[1]) Телеграмма генерала Алексеева 14/25 мая 1917 г. № 3669.
[2]) Телеграмма военного агента в Лондоне 22 мая (4 июля) 1917 г. № 383.

ибо перевозка войск пойдет в ущерб доставке в Россию заказанных в Англии и Франции военных материялов [1]).

Вопрос о возвращении наших войск в Россию с этого времени был поставлен, но получил затяжной характер. Как видно из телеграммы нашего военного представителя во Франции, генерала Занкевича от 5 окт. (18 окт.), главным препятствием к отправке являлись — с одной стороны недостаток тоннажа, с другой—нежелание английского правительства пропустить через Англию дезорганизованные войска.

В этом положении застал наши войска за границей октябрьский переворот.

Н. Валентинов.

---

1) Телеграмма министра иностранных дел 14 июля (27 июля) 1917 г., № 3172.

Отступление 80. пех. дивизии от Прута к Днестру в конце мая (в начале июня) 1915 г.

(Составлено по сохранившимся документам и воспоминаниям).

Небольшой эпизод этот, представляющий собою лишь одну из частностей широкой картины нашего отхода в Галиции в 1915 году, является, как нам кажется, довольно поучительным образщиком упорной обороны при отступлении среди самой неблагоприятной обстановки.

С 19—24 мая (1—6 июня) 80. пех. дивизия, во главе сборного отряда XXX. арм. корпуса, с целью облегчить тяжелое положение нашего фронта, переходит в стремительное наступление и, проявив нечеловеческие усилия, успешно выполняет возложенную на нее задачу; она бьет неприятеля на Пруте и в Карпатах и тем притягивает на себя часть его сил [1]). Потеряв за это время не менее $^1/_4$ своего состава и отойдя за Прут лишь по приказу начальства, в силу создавшейся общей обстановки, она вслед за тем в течение шести дней подряд ведет ряд упорных боев с обрушившимся на нее значительно превосходным противником на крайне широких, постепенно увеличивавшихся фронтах и с ничтожным количеством артиллерийских снарядов, отражая его настойчивые атаки и нанося ему большие потери. Наконец, в последнем бою, решившим участь дивизии, полки ее, почти лишенные поддержки своих батарей, дрались до последнего, переходя не раз в контр-атаки, и только задавленные в полном смысле слова, были отброшены за Днестр, сохранив, однако, все свои орудия, а главное, — порядок и крепкий боевой дух.

Предшествовавшая этому отступлению обстановка была такова.

---

[1]) См. № 3 сборника, статья моя «Операция частей XXX. арм. корпуса на Пруте и в предгориях Карпат между Делятынь—Коломыя 19—24 мая (1—6 июня) 1915 г.».

К полудню 25 мая (7 июня), после отхода за Прут, части 80. дивизии расположились следующим образом. [1])

320. полк занял позицию от выс. 447 до выс. 399, а 317.— от этой последней до д. Тлумачик включительно. На линии Прута были оставлены только передовые части и разведчики. 318. п. составил резерв дивизии, размещенный в двух группах,

[1]) Приказы 80. пех. див. от 5—10 июня (18—23 июня) 1915 г. №№ 114а и 116а.

по 2 бат-на в каждой, за флангами боевых частей, близ д. Кубаювка и у д. Слободка-Лесна. 319. п. был отправлен, по требованию свыше, в М. Оттыниа, в резерв корпуса. Штаб дивизии оставался в д. Кубаювка.

Положение трех наших полков, сильно ослабленных кровопролитными боями за Прутом, было крайне тяжелое; т. к. указанная позиция растянута по пересеченной местности на 14 верст; боевой же состав всей дивизии к этому времени не превосходил 7.500 чел. Внезапное распоряжение об отходе за Прут, после одержанного блестящего успеха, было непонятно для массы, вызвало неудовольствие всех участников и несомненно сказалось на состоянии боевого духа дивизии.

Западнее нас стояли части 71. пех. див., а на юго-восток— XXXIII. корпуса; с последними после отхода за Прут тесной связи установить еще не удалось.

Конницы при дивизии не было, т. к. участвовавшая с нами в Прутской операции Терская казачья бригада была вскоре отозвана; при штабе дивизии оставалась лишь полусотня казаков.

Таково было положение перед происшедшим в тот же день вечером наступлением австрийцев. Чувствовалось, что, в связи с общим положением дел на фронте, назревает какой-то неблагоприятный для нас перелом, что неприятель, встревоженный нашим ударом на Пруте и в Карпатах, собрал здесь значительные силы и с минуту на минуту перейдет в решительное наступление, что и случилось в действительности.

Из корпуса было указано, что следующую позицию при отходе мы должны занять на линии Оттыниа-Корзув, в расстоянии 13—18 верст к сев.-востоку.

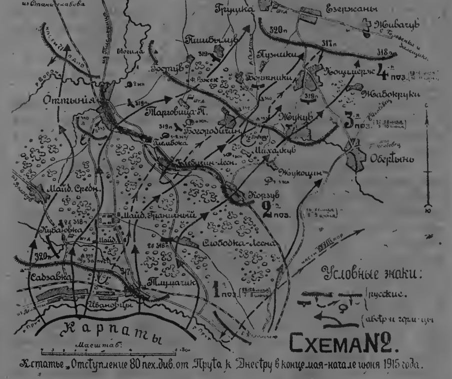
Сложившаяся к этому времени обстановка привела начальника дивизии к заключению, что первоначальный напор неприятеля скорее всего будет произведен в направлении на Оттыниа, т. е. на наш правый фланг. Поэтому, предвидя, что отступление придется совершать, быть-может, в тяжелых условиях, он просил корпус о заблаговременном занятии 319. полком заранее намеченного района высот 340—343, к юго-зап. от Оттыниа, весьма выгодного для обороны, а затем и участка следующей позиции Оттыниа—Хлебичин Лесный, для прикрытия отступления [1]). Хотя эта последняя просьба и была отклонена, но батальон 319. полка с пулеметами было разрешено выдвинуть в указанный район для облегчения отхода смежных

[1]) Телеграмма нач. 80. п. див. Ком-ру XXX. корп. 25 мая (7 июня) 1915 г. 19 ч. 30 м. № 1221.

флангов 80. и 71. дивизий [1]); мера эта, как увидим ниже, оказалась вполне целесообразной.

Первый наш бой после отхода за Прут на позиции выс. 477 — Тлумачик произошел при следующей обстановке:

К вечеру 22 мая (7 июня) обнаружилось, что соседний полк 71. дивизии (Александрийский), который должен был примыкать к нам с запада, по неизвестным причинам не занял условленной позиции, о чем не предупредил нас. Поэтому ме-

Къ статье „Отступление 80 пех. див. от Прута к Днестру в конце мая-начале июня 1915 года.

жду флангами обеих дивизий образовался разрыв протяжением больше 3 верст; в последнем начальник 80. див. непосредственно убедился путем высылки на свой правый фланг особой конной разведки.

Неожиданный отход соседа сказался крайне неблагоприятно на положении нашего правого фланга, оказавшегося на весу: ближайшим батальонам 320. п. пришлось спешно и круто изменить свой фронт и отойти ближе к району д. Кубаювка,

---

[1]) Телегр. нач. штаба XXX корп. 25 мая/7 июня, 18 ч. 45 м. № 4047.

заняв там новую и весьма неудобную позицию в лесу. Это было уже перед самой темнотой.

Между тем неприятель перешел в энергичное наступление превосходными силами и, быстро оттеснив наши передовые части, успел проникнуть в район южнее д. Кубаювка и к Уроч. Запуст; часть его войск, воспользовавшись образовавшимся указанным выше промежутком, направилась туда и ударила в наш открытый правый фланг [1]).

В обоих полках боевой части завязался упорный бой. Группа дивизионного резерва (318. п.) была тотчас же двинута для поддержки правого фланга, положение которого сразу стало тяжелым, т. к. на него неприятель особенно сильно напирал. Внезапность отхода Александрийского полка, вызванное им и наспех произведенное изменение в расположении нашего правого фланга, в связи с наступившей темнотой и пересеченной лесистой местностью — все это до крайности затруднило управление боем, который невольно распался на ряд частных столкновений.

В результате, с помощью поддержки правого фланга из резерва и личного воздействия на него энергичного и доблестного командира 320. п. п. Даценко, удалось предотвратить охват и проникновение неприятеля в тыл, отбиться от него и отвести войска на линию большой разбросанной деревни Майдан-Граничный; здесь арьергардами 320. полка были заняты позиции на двух главных путях, ведущих к М. Оттыниа. Под прикрытием их отошли части 317. полка; фланговые направления прикрывали батальоны 318. п., причем напор неприятеля происходил против западной группы резерва, восточная же отходила совершенно спокойно. Артиллерия еще ранее была отправлена на новую позицию, а обозы к этому времени уже успели отойти за линию Оттыниа-Корзув.

Этот неожиданный бой в лесах, среди полной почти темноты, расстроил и без того уже сильно потерпевшие полки и причинил им не малые потери. Батальоны были крайне слабого состава, многие роты имели не более 35—60 штыков и ни одного офицера. Просьба начальника дивизии о подкреплении, или, по крайней мере, о возможном сокращении следующей позиции была отклонена [2]).

Дальнейший отход на позицию Оттыниа-Корзув был произведен в порядке и без особого давления неприятеля; насту-

---

1) Телегр. нач. 80. п. див. 25 мая (7 июня), 23 ч. 50 м. № 1225.

2) Донесения нач. 80. пех. див. от 25 мая (7 июня), 23 ч. 50 м. № 1225 и от 26 мая 8 июня № 1227.

пление его обнаружилось только в направлении М. Оттыниа, да и на арьергарды 320. г. п., отходившие от линии Майдан-Граничный, но оно было успешно отбито. Особенно сильный напор шел в разрез между 71. и 80. дивизиями, на район высот 340—343, занимаемый батальоном 319. п., на поддержку которого было послано подкрепление из того же полка, а также батарея, выделившая от себя передовой взвод. Пропустив отходившие части правого фланга и дав им время устроиться на новой позиции, арриергард 319. п. был оттянут назад.

Примерно к 5—6 часам 26 мая (8 июня) позиция Оттыниа-Корзув была занята тремя полками: правый фланг—320. (Оттыниа-Глембока), центр—317. (район Хлебичин-Лесный) и левый фланг—318. (район Корзув). 319. п., возвращенный в состав дивизии, отошел через м. Оттыниа и образовал собою две группы дивизионного резерва—за правым флангом и центром позиции, на которые скорее всего можно было ожидать наступления неприятеля. Вся артиллерия была распределена по боевым участкам полков, при чем большая часть ее была обращена для действия по подступам к районам Оттыниа и Хлебичин-Лесный; некоторые батареи имели высланные вперед взводы. Штаб дивизии перешел в д. Тарговица-Польна [1]).

Общее протяжение новой позиции было еще больше—17 верст; расположение полков было прерывчатое, а группировка сил по главным и наиболее выгодным для обороны районам, поддерживая между собою связь.

Вскоре после отхода на эту позицию, в распоряжении дивизии прибыла конная гвардейская бригада (гусары и уланы), присланная корпусом [2]). Части одного из полков были выдвинуты вперед для охраны флангов, а также в промежутки между районами полковых позиций, где они расположились уступами назад; другой полк составил резерв за центром дивизии откуда он, в случае надобности, мог быть брошен в угрожаемом направлении и, совместно с передовыми эскадронами, образовать на каждом из них группу, примерно, в 7—8 (в центре и на правом фланге) и в 8—9 эскадронов (на левом).

71. пех. див. также отошла к северу, при чем ближайшие к нам ее части расположились потом вдоль р. Ворона, фронтом на запад. XXXIII. корпус отходил юго-восточнее нас.

На позиции Оттыниа-Корзув также произошел ряд боев, но неприятель всюду был отбит. Повидимому, он не успел еще сосредоточить здесь всех сил, дравшихся накануне и упорно

1) Приказ 80. пех. див. от 10 июня (23 июня) 1915 г. № 116а.

наседавших на нас в следующие дни, а потому действия его носили разрозненный характер отдельных небольших боев. Более упорные стремления противника обнаружились против нашего правого фланга; будучи отбиты сначала частями 319. п. в районе выс. 340—343, а затем—320. п. близ Оттыниа и ю.-вост. от нее, австрийцы направились, повидимому, на г. Тыстеница, к району которого, по полученным сведениям, приближались и германцы со стороны Станислава.

Это обстоятельство, в связи с тем, что накопление сил неприятеля к концу этого дня замечалось преимущественно против нашего центра (район Хлебичин-Лесный) и, особенно, против левого фланга (район Корзув и к востоку от него), привело нас к убеждению, что главного удара неприятеля в будущем надо ожидать скорее всего, примерно, на Хоцимерже и Обертынь, т. е. против восточного участка дивизии и в промежуток между нею и XXXIII. корпусом. Соображение это в полной мере и оправдалось впоследствии.

В ночь с 26—27 мая (8—9 июня) нам было приказано перейти на следующую позицию Могила-Жукув и несколько восточнее последнего селения, находившуюся от прежней на расстоянии всего 5—8 верст.

Протяжение новой позиции было почти такое же—16—17 верст, при чем местность носила довольно пересеченный характер. Силы дивизии к этому времени не превышали уже 6.000 чел. боевого состава.

К вечеру гвардейская конная бригада была взята от нас обратно. Положение наше становилось все тяжелее и тяжелее, особенно имея в виду крайне слабое обеспечение артиллерии снарядами.

Отход был произведен ночью; благодаря принятым мерам (оставление сторожевых частей, действие разведчиков, поддерживание огней и пр.), он произошел, видимо, незаметно для неприятеля. Самая техника отступления была выполнена следующим образом: каждый полк боевой части отводил в указанном ему направлении сначала главные силы, под прикрытием остававшегося на месте арьергарда и поддерживая связь с соседями; уравнение движения колонн достигалось путем назначения времени отхода, сообразно с тем расстоянием, которым каждой из них предстояло пройти и степенью обозначившихся за день группировки и напора неприятеля; в данном случае отступление частей дивизии происходило уступами с левого фланга. Дивизионный резерв, образовавший три группы 319. п., был двинут с места и быстро занял заранее намечен-

ные важнейшие районы в каждом из участков новой позиции, на которых должны были потом расположиться отходившие полки боевой части: такими районами явились: в участке 320. п. (правый фланг) — фольв. Рожек, в участке 317 (центр) — выс. 332.—323. и 318. (левый фланг дивизии)—Жукув; расположившись там, группы резерва принимали на себя отходившие полки, а затем, по мере их смены последними,—оттягивались в тыл на заранее указанные им места.

К рассвету 27 мая (9 июня) отход был закончен. Группы дивизионного резерва (319 п.) расположились в районах сс. Пшибылув, Пузники и Хоцимерж; из них средняя группа, вследствие наступления неприятеля против центра нашей позиции, была потом подведена ближе к району высоты 360.; в ожидании напора на левый фланг, приближена была также к позиции и восточная группа резерва (в направлении выс. 360., что с вост. Жукув). Штаб дивизии перешел в д. Грушка [1]).

На указанной позиции произошел ряд боев, особенно упорных в центре нашего расположения, где на части 317. п. в районе выс. 332—323, поддержанные ротами 319. (всего 5—6 рот), наступало несколько раз в течении дня и ночью до двух полков из Уроч. Дивоче и д. Богородичин. Атаки неприятеля были успешно отбиты при поддержки артиллерии (три батареи), имевшей выдвинутые вперед взводы. В наиболее угрожаемые районы (выс. 332—323 и выс. 360—Жукув) на ночь было сосредоточено по 2—2½ бат., не считая боевых частей [2]).

По наблюдениям за день, хотя больших сил противника нигде не было обнаружено, но, тем не менее, превосходство его в пехоте и артиллерии стало осязаться все более и более; было замечено, что батареи его особенно усиливаются на фронте Михалкув—Жукоцин, т. е. против восточной половины нашего центра и левого фланга [3]).

Вся совокупность слагавшейся обстановки приводила к убеждению, что в дальнейшем неприятель будет стремиться захватить выс. 332—323—360 в центре нашего расположения и выс. 360—Обертынь, с тем, чтобы, прорвавшись на Хоцимерж—Жабокруки, овладеть важным районом Езержаны—Живачув и тем отрезать нас от ближайших переправ через Днестр, или, по крайней мере, затруднить их, отхватив вместе с тем и

---

[1]) Приказ 80. пех. див. 10/23 июня 1915 г., № 116а.

[2]) Донесение нач. 80. пех. див. 27 мая (9 июня) № 820 и приказ 80. пех. див. от 10/23 июня 1915 г., № 116а.

[3]) То же донесение.

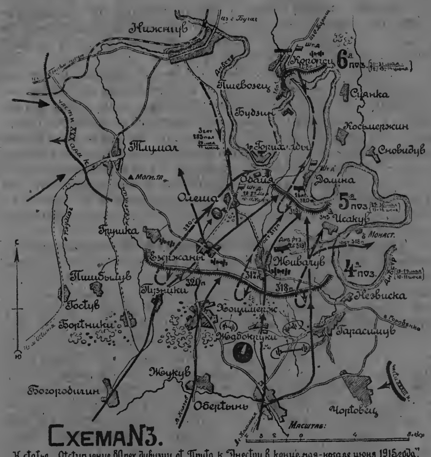
от соседнего XXXIII. корпуса. Предполагалось, что такие действия неприятеля, вероятно, будут связаны и с наступлением с запада на Тысьменица—Тлумач—Нижниув. Все эти данные и соображения были сообщены в корпус.

Сильное уменьшение боевого состава дивизии и крайнее утомление полков ее, в связи с назначаемыми ей постоянно непосильными оборонительными фронтами, недостатком в снарядах и угрожающим положением неприятеля, который становился все сильнее и активнее,—все это вынудило начальника дивизии вновь просить корпус о подкреплении, или, по крайней мере, о сокращении фронта позиции [2]). Последнее было отклонено, но, в крайнем случае разрешалось использовать батальон Александрийского п. (71. див.), находившийся в м. Тлумач [1]); батальон этот был несколько приближен к д. Грушка, но пущен в дело не был.

Следующая оборонительная позиция была нам указана корпусом от р. Селетин до Днестра; она находилась на высотах между дд. Грушка—Езержаны—Живачув, с одной стороны, и линией Хоцимерж—Жабокруки—Гарасимув—Незвиска—с другой. Позиция эта, на которой разыгрался почти смертельный для нас бой 29 мая (11 июня), была протяжением в 16 верст, что совершенно не отвечало слабой боевой численности дивизии; она, правда, была заблаговременно укреплена на некоторых участках, но неполно и притом находилась в запущенном состоянии, а во многих местах заросла высокой рожью, что сильно стесняло обстрел. Район большого селения Хоцимерж, в связи с прилегающей к нему с юга лесистой пересеченной местностью, и особенно огромный, глубокий и развилистый овраг, идущий от д. Жабокруки через Гарасимув к Днестру,—служили для неприятеля отличными подступами и, вместе с тем, требовали от нас большего наряда для охраны и разведки [2]).

Переход дивизии на эту позицию (расстояние 9—11 верст) был произведен также ночью и выполнен вполне благополучно; все передвижения производились спокойно и стройно. Об'езжая отходившие 317. и 318. полки и беседуя с офицерами и солдатами рано утром 28 мая (10 июня), начальник дивизии убедился в том, что части эти, хотя и сильно ослаблены и утомлены, но сохранили свой крепкий боевой дух. Отход полков боевой части на этот раз происходил под прикрытием двух арьергардов из состава дивизионного резерва (319. п.), т. к. можно было ожидать напора неприятеля с началом движения; с высот южнее д. Жива-

[1]) Телеграм. нач. Штаба XXX корп. 27 мая (9 июня), 17 ч. 45 м., № 4054.
[2]) Приказ 80. пех. див. от 10/23 июня 1915 г., № 116а.

чув было видно, как стройно и согласованно отходили эти арьергарды по направлению от Пузники и Хоцимерж.

Порядок расположения полков на позиции остался такой же, т.-е. на правом фланге 320. (район южнее Грушка—Езержаны), в центре 317. (юг.-вост. Езержаны) и на левом фланге—318. (к югу и юг.-вост. от Живачув). Характер занятия позиции—подобный же прерывчатый, по наиболее важным районам. Батареи, попрежнему распределенные между боевыми участками, находились на линии дд. Грушка—Езержаны—Живачув; часть их имела передовые взводы для лучшей поддержки

сильно ослабленной пехоты. В резерве дивизии, у д. Живачув (против центра и левого фланга), было расположено два батальона 319. п., отошедшие сюда по выполнении прикрытия отхода полков боевой части; остальные роты этого полка пришлось придать в виде поддержек (по 2—3 роты) к боевым участкам, т. к. слабая численность полков (в среднем не более 1.500 штыков в каждом) не позволяла выделить сколько-нибудь значительных полковых резервов. Штаб дивизии перешел в д. Олеша, где и оставался 28 мая (10 июня) и 29 мая (11 июня) Данная дивизии боевая задача состояла в том, чтобы держаться на позиции во что бы то ни стало [1]).

Положение 80. див. становилось до крайности тяжелым: Беспрерывные, в течение десяти дней бои свели ее боевой состав к 28 мая (10 июня) до 5.500 чел. До этого она ведет ряд арьергардных боев с значительно превосходящими и свежими силами противника и притом на чрезвычайно широких фронтах: ночью обычно совершаются передвижения, а днем полки напряженно работают по закреплению на позициях, или отражают настойчивые атаки неприятеля. Люди почти без сна, в постоянном напряжении и работе.

Однако все попытки противника сбить дивизию, несмотря на крайнюю, возраставшую более и более слабость ее полков, не имели успеха; она в полном порядке отходит шаг за шагом, нанося неприятелю большие потери. Во время этих отступательных боев дивизия, и без того сильно потерпевшая на Пруте и в Карпатах, вновь теряет не менее 2.000 чел.

Офицерский состав в полках низведен до ничтожной цифры: кадровых офицеров почти не осталось (2—4 на полк), многими батальонами командуют прапорщики, а ротами—унтер-офицеры и даже ефрейтора.

За время отхода полки потеряли часть своих пулеметов. Батареи имели в среднем не более 100 снарядов на каждую [2]).

При слабой численности полков боевой части, они не могли выделять достаточных резервов, вследствие чего последние приходилось невольно подкреплять из состава дивизионного резерва, что вело к его ослаблению, особенно чувствительному при длинных оборонительных фронтах.

Данная дивизии позиция имела протяжение в 16 верст, считая по прямой линии, что составляло 5—6 верст на полк указанного слабого состава. Наконец, как было уже упоми-

[1]) Приказ 80. пех. див. от 10/23 июня 1915 г., № 116а.

[2]) Как оказалось потом, неприятелю было отлично известно, что у нас почти нет снарядов.

нуто, она не была закончена и находилась в запущенном состоянии [1]).

Если сюда прибавить оказавшееся в действительности подавляющее превосходство неприятеля в силах вообще и, в частности, в количестве и калибрах артиллерии, изобилие в снарядах и выгодные для него местные условия, то этого, полагаем, будет достаточно, чтобы в полной мере подтвердить сказанное.

День 28 мая (10 июня) прошел сравнительно спокойно, крупных боевых действий не происходило; неприятель явно ощупывал наше расположение, особенно впереди района Хоцимерж—Жабокруки. Полки деятельно работали на позициях.

Вскоре наше артиллерийское наблюдение установило, что в районе дороги Обертынь—Чортовец замечается большое скопление неприятельской артиллерии и что впереди нее подготовляются окопы, примерно, на 10 батарей; были обнаружены восьмерочные запряжки, что давало основание заключить о наличии у неприятеля и тяжелой артиллерии (до 4—5 батарей) [2]); наконец, поступили сведения и о том, что среди австрийских войск появились и немцы, которых до того не было. Все это вполне подтвердилось на следующий день.

Данные нашей разведки и наблюдения, в связи с предшествовавшей боевой обстановкой, привели нас к определенному убеждению, что неприятель сосредоточивает значительные силы и могущественную артиллерию для атаки восточного участка расположения дивизии и в разрез между ним и XXXIII. корпусом. Сообщая это штабу корпуса, нач. дивизии просил о поддержке вообще и, в частности, артиллерией, а также—о необходимости производства конной разведки в направлениях Жукув, Обертынь и Чертовец, т. к. при дивизии не было конницы (только казачий взвод) [3]). На это ответа получено не было. Вверху, повидимому, считали наши сведения преувеличенными и были озабочены тяжелым положением на правом фланге корпуса, который к этому времени, если не ошибаюсь, вынужден был оставить район Тысьменица и отходить в направлении Тлумач и севернее.

Разведка в течение ночи на 29 мая (11 июня) и артиллерийские наблюдения с утра этого дня вполне подтвердили сведения, полученные накануне: неприятель, очевидно, сосредоточивал зна-

[1]) Донесение нач. 80. пех. див. от 9 10 июня № 343.

[2]) Сообщение нач. 80. п. див нач. штаба XXX. корп. от 28 мая (10 июня), 16 час. без №.

[3]) Сообщение нач. 80. п. див. нач. штаба XXX. корп. от 28 мая (10 июня), 16 час. без №.

чительные силы в районе Хоцимерж—Жабокруки и восточнее и располагал здесь большой артиллерией. Сначала казалось, что тут собрано не более 4—5 полков, но впоследствии пришлось убедиться в том, что в указанном районе группировалось до 7—8 полков пехоты и 12 батарей, в числе которых 5 тяжелых. Сведения эти были сообщены в корпус, при чем вновь указывалось на крайнюю нужду в артиллерийских снарядах, что ставило нашу слабую и находившуюся в чрезвычайно трудном положении пехоту в совершенную невозможность держаться против подавляющих сил неприятеля и вообще выполнить свою боевую задачу [1]).

В подкрепление нам было сначала отказано; затем распоряжением корпуса к д. Олеша в тот же день были двинуты 3 батальона 283. пех. Павлоградского п. (71. див.) [2]), но они подошли тогда, когда неприятель совершенно уже раздавил наш центр и левый фланг и только, до известной степени, облегчили отход правого фланга. Что же касается до снарядов, то мы их так и не получили и нам пришлось вести упорный бой, имея их на всю бригаду всего несколько сот; вследствие этого часть артиллерии, и без того слабой, была вскоре снята с позиций и отправлена в тыл: при войсках же осталось всего три батареи (впоследствии даже две); снаряды были переданы преимущественно в передовые взводы, которые непосредственно поддерживали нашу ослабленную пехоту.

Самый бой 29 мая (11 июня) произошел следующим образом [3]):

Сосредоточив весьма сильную артиллерию против нашего центра и левого фланга, неприятель развил с утра огонь необычайного напряжения, которым нанес значительные потери слабым 317. и 318. полкам. Затем он повел решительное наступление на левый фланг, на участок 318. п. Черноярского п. Однако ожесточенная атака эта была отбита.

Через некоторое время обозначилось наступление еще больших сил (7—8 полков) из района д. Жабокруки. Открыв ураганный огонь из большого числа орудий разного калибра, австрийцы при поддержке германцев, произвели ряд стремительных атак на участок 317. п. Дрисского п. и, наконец, прорвали слабый центр нашего фронта, оставшийся почти без

---

1) Сообщение нач. 80. п. див. от 29 мая (11 июня), 8 час. без № и донесения ком. XXX корп. от 29 мая (11 июня). 17 час. № 895 и от 3/16 июня, № 1343.

2) Копия с сообщения нач. шт. XXX. корп. ком-ру 283. п. от 29 мая (11 июня) без №.

3) Донесения Нач. 80. п. див. от. 29 мая (11 июня), 17 час. № 895 и от 3/16 июня № 1343; Прик. 80 п. див. от 10 (23) июня 1915 г. № 116 ж.

артиллерийской поддержки, т. к. к этому времени батареи израсходовали уже свои снаряды; и только взвод 6. батареи, под командой поруч. Манько, и, кажется, 2. батарея действовавшие в непосредственной близости от неприятельских цепей (в 500 шагах), продолжали самоотверженно бить с установкой на картечь.

Почти одновременно последовал и вторичный напор на 318. п.; обнаружилось также наступление и против 320. Фронт первого из них также был вскоре прорван.

Однако, полки и после этого долго еще сопротивлялись; будучи уже почти окружены, они не отошли, а несколько раз доблестно бросались в штыки и бились, по показаниям уцелевших офицеров и солдат, буквально до последнего, расстреливаемые в упор многочисленными пулеметами противника, несмотря на крики его о сдаче, о том, что у нас нет снарядов и проч. [1])

Двинутые на помощь частные резервы были смяты, а дивизионный (2. бат. 319. п.), по слабости своей и вследствие отсутствия артиллерийской поддержки, не мог выручить погибавших товарищей и только временно задержал дальнейшее распространение неприятеля в тыл, грозившее захватом наших оставшихся батарей, выпускавших последние патроны, прикрыв слабые остатки 317. и 318. полков.

Несколько рот этого последнего, под командой поруч. Тимошенко, будучи отрезаны от своих и приперты к крутому берегу Днестра, геройски отбились от наседавшего неприятеля и, бросившись в реку, частью потонули, а частью успели достигнуть противоположного берега.

Отчаянное сопротивление полков и действие резерва задержало преследование неприятеля, хотя он несомненно и видел наше положение. Показавшиеся было в районе юг-запад д. Олеша части неприятельской конницы не рискнули выдвинуться дальше.

В этом бою полки и батареи проявили высокую доблесть: пехота бросалась в атаку на сильнейшего противника почти без поддержки пулеметного огня, т. к., большая часть пулеметов была подбита тяжелыми снарядами; на ряду с нею братски

[1]) Последние из «уцелевших» и их показания принадлежат обычно к числу самых недостоверных источников, так как уцелели они, чаще всего, бегством, когда их товарищи еще продолжали бой. Поэтому последние минуты гибели могут быть более достоверно освещены показаниями оставшихся на поле сражения и попавших в плен, а также показаниями противной стороны. Надо думать, что и 6 тысяч потерь при отступлении 80. дивизии часть приходится на сдавшихся в плен (прим. редакц.)

шли в бой и некоторые артиллеристы, расстрелявшие свои снаряды, при чем часть их пала в неравном бою; одним из первых бросился вперед, увлекая других, командир 1 дивизиона, полков. Бицютко. Батареи и особенно передовые взводы действовали до последнего патрона и еле успевали сниматься поорудийно с позиций. Взвод 6. батареи пор. Манько отходил с щегольским спокойствием под косым огнем неприятельской тяжелой артиллерии и пулеметов. Все орудия батарей были вывезены до единого, а боевые обозы полков отошли в полном порядке и без больших потерь.

Не менее самоотверженно работала все время и связь: последние донесения с боя получались в штабе дивизии, когда полки были уже окружены, а телефонные станции штаба, поставленные на полковых участках [1]), снимались только в непосредственной близости от неприятельских цепей.

Что же касается до 320. п., на который напор был слабее, то он отошел с меньшими потерями в направлении севернее д. Олеша, чему помогло выдвижение к этой деревне батальонов 283. п., присланных корпусом на поддержку.

Около 20 часов уцелевшие части 319. и 320. полков удалось благополучно отвести к Днестру и занять ими позицию между д. Одайя и выс. 345, фронтом на юго-запад, уперев фланги в изгибы реки; позиция эта находилась в расстоянии 6—10 верст от предыдущей.

В указанных полках сохранилось только по 2 батальона, при чем первоначально было собрано не более 600 штыков в каждом.

Новая позиция, протяжение которой доходило до $6^1/_2$ верст, была занята 319. п. и одним батальоном 320; другой батальон последнего составил резерв у д. Долина. В общем, считая только что прибывшие небольшие команды пополнений, мы имели здесь в это время не более 2000 человек. Некоторые участки позиции были заранее укреплены, но работа не была закончена, а сами укрепления находились в таком же запущенном состоянии, как и на предыдущей.

Слабые остатки 317. и 318. полков были отправлены за Днестр, для устройства и пополнения туда же была отведена и артиллерия, за исключением двух батарей (вернее—взводов), в которые были переданы все оставшиеся снаряды; батареи эти расположились за линией Одайя—Долина.

---

[1]) У нас это применялось в тяжелых случаях, для ускорения и непосредственности связи.

Штаб дивизии, бывший все время с войсками, перешел сначала к д. Долина, где оставался до позднего вечера, а затем переехал в д. Будзин [1]).

Разгром нашей дивизии, повидимому, явился довольно неожиданным для корпуса, хотя последний неоднократно и ясно предупреждался о грозившей нам опасности; он продолжал еще требовать занятия таких же почти несоразмерно длинных позиций, как и раньше, так вместо позиции Одайя—выс. 345 нам приказано было расположиться от Могила близ м. Тлумач до Монастырь против д. Исакув, протяжением свыше 15. верст по прямой линии [2]), что было уже, очевидно, невозможно.

Дальнейшие события произошли следующим образом:

В течение ночи и к рассвету 30 мая (12 июня) неприятель вновь повел наступление и произвел несколько атак. Ослабленные полки не в состоянии были уже обороняться с прежним упорством против превосходных сил, тем более, что артиллерия израсходовала последние снаряды. Центр их был вновь прорван, и мы вынуждены были, наконец, отвести обессиленные части за Днестр, к с. Коропец, куда перешел и штаб дивизии [3]).

После этого наши части были сменены прибывшим батальоном 283. п., который занял позицию от д. Пшевозец до Стойла, имея роту у д. Горихлады [4]). Две батареи 80. арт. бриг., пополнившие снаряды, расположились на высотах севернее д. Стойла. Все остальные части 80. п. див. были направлены в с. Барыш, где им был назначен отдых, кроме батальона 320. п., который начальник дивизии временно удержал у себя в резерве, расположив его в северной половине С. Коропец.

Неприятель нас больше не преследовал и делал только небольшие попытки к переправе у д. Горихлады, легко отбитые огнем.

Через два дня нач. дивизии сдал свой боевой участок прибывшему сюда Путивльскому полку (32. див.) и переехал с оставшеюся при нем частью штаба дивизии в с. Барыш.

Этим и закончилась операция отхода дивизии от Прута к Днестру.

Привлеченные нашим ударом на Пруте и в Карпатах, а затем долгим и упорным сопротивлением при отступлении,

---

[1]) Донесение нач. 80. п. див. от 29 мая (11 июня), 17 час., № 895.

[2]) Донесение нач. 80. п. див, от 29 мая (11 июня), 17 ч. 30 м., № 1295, от 20 час. № 1302 и от 22 час., № 1303.

[3]) Приказ 80. п. див. от 10 (23) июня 1915 г. № 116 а.

[4]) Донесение нач. 80. п. див. от 30 мая (12 июня), 19 ч. 10 м. № 1310.

значительные силы неприятеля, отбросив нас за Днестр, получили свободу действий и направились к важному району г. Нижнув, где держался еще в это время правый фланг XXX. корпуса.

Не поддержанная во-время 80. п. див., вконец обессиленная и исчерпавшая все средства для продолжения неравной борьбы, вынуждена была отойти за Днестр. Это обстоятельство привело к разрыву фронта корпуса и открыло неприятелю доступ к Нижнув с юга, во фланг и даже в тыл остальным частям корпуса, что в свою очередь, ослабило силу их сопротивления и способствовало вынужденному общему отходу за Днестр. Нет никакого сомнения в том, что, если бы нас поддержали раньше хотя бы небольшими силами (напр., двумя полками), или по крайней мере сократили бы до возможного несоразмерно длинную позицию, на которой пришлось драться 29 мая (11 июня), да во-время прислали бы снаряды, мы держались бы еще, и вновь оказали бы такое же упорство, какое проявили в течение 10 дней подряд. Присланная нам поддержка была слишком слаба и явилась поздно, а впоследствии общему делу не в состоянии были уже помочь и вчетверо большие силы (сколько помню, две дивизии), посланные на подкрепление корпусу, и он был вскоре отброшен за Днестр.

Не знаю, сверху было наверно виднее [1]), но нам снизу это казалось именно так: нерасчетливо, думалось, что неприятелю дали возможность раздавить одну часть, т. к., расправившись с нею, он затем навалился на другую и притом не только теми силами, которые были против неё и раньше, но также и освободившимися после расправы с первой.

К 3 (16) июня во всех полках 80. п. див., собравшихся в с. Барыш, оказалось 2,500 штыков с 11—12 пулеметами, считая в том числе небольшие команды укомплектований, успевшие

---

[1]) Бросается в глаза безобразное управление корпусом: в момент начавшегося уже отхода с Карпат 80. дивизия бросается в стратегически не только бесцельную, но прямо преступную атаку высот правого берега Прута. Известно, что наша армия переживает снарядный кризис, и последние снаряды тратятся на овладение несколькими неважными высотами; 80 дивизия при этом треплется, теряет ⅓ состава, боевой дух ея значительно падает; вместо того, чтобы быстро оттянуть войско назад, на кратчайшие и сильнейшие позиции, утратив даже на несколько дней соприкосновение с неприятелем, и воспользоваться этим временем, чтобы пополнить ряды и запас снарядов, дивизию заставляют каждый день драться, растягивают ея фронты, подрывают ее боеспособность, и в результате австрийцы, сдававшиеся в плен при подходе к ним на 20,30 шагов нашего солдата, оправляются, берут моральный перевес и уничтожают остатки большей части дивизии. Катастрофа ложится целиком на ответственность высшего командования (прим. редакции).

прибыть в первые дни после боев (примерно 400—600 чел.) 319. полк сохранил в своих рядах 1208 шт., 320. — 675, а 317. и 318. полки насчитывали всего по 200 с небольшим штыков в каждом; все специальные команды (связь, пулеметные и разведчики) были особенно ослаблены, а в двух последних полках почти совсем выбиты [1]). Общая цифра потерь дивизии за все время, начиная с наступления за Прут, доходила до 10.000 чел., т. е. свыше ¾ первоначального состава; из этого числа за время отступления мы потеряли почти 6.000 чел.

Велики были материальные потери, но крепкий боевой дух частей не угас и после таких тяжких испытаний. Приезжавший к нам в Барыш, врем. ком. корп., г. л. Гр. Баранцев был поражен отличным бодрым видом полков и батарей, а ежедневно, по вечерам в частях можно было наблюдать самые разудалые песни и пляски; не унывающий дух русского человека развертывался во всю свою ширь, и никто не подумал бы, что это отводят свою душу люди, заброшенные на чужбину и только что вышедшие из тяжелых испытаний и смертельной опасности [2]).

Но дивизии не суждено было долго отдыхать: через три дня от нас был взят наиболее сохранившийся 319. п. Бугульминский полк, а еще через два — и 320. п. Чембарский. Этот последний был поставлен на позицию вдоль Днестра, в районе д.д. Снянка — Косьмержин, при чем некоторые роты его приняли участие в успешной атаке д. Косьмержин, взятой одно время переправившимися австрийцами. 319. же полк в полном составе вновь проявил себя со славой при атаке д. Спожидув 14 июня, также захваченной было неприятелем, при чем взял свыше 1.900 пленных и 3 пулемета [3]).

Затем, еще через 10—15 дней начали нести боевую службу и наиболее потерпевшие в бою 29 мая (11 июня) полки 317. и 318.

---

1) Донесение Нач. 80. п. див. от 3 (16) июня № 1343.

2) Как с гуся вода! Это не пир во время чумы, а недостаток гражданского чувства, неглубокое восприятие того горя, потери Галиции, обращения нас из победителей в побежденных, конца империалистических грез и мечтаний, которыми тогда болела сознательная Россия. Автор совершенно верно подметил эту быструю отходчивость русского солдата от поражения, составлявшую, отчасти даже, его сильную сторону. Но в основе этой беззаботной пляски лежало сознание, что солдат делал не свое, а хозяйское дело, и им, калужским, все равно, как обернется здесь дело. Эта незаинтересованность солдата в государственном деле дала обильные плоды после февральской революции 1917 г. (Прим. редакц).

3) Доклад нач. 80. п. див. от 9 (22) августа 1915 г. Этот же полк, возвращенный в состав дивизии лишь за 2 дня до Прутской операции, был послан в апреле на помощь 9 армии, где понес большие потери.

Последние события ознаменовали собою уже новый период боевой жизни 80. пех. дивизии.

Заканчивая этим описание нашего отступления к Днестру, я отмечу следующее:

1. Отход продолжался 6 дней. За это время частями дивизии пройдено 60—70 верст, в среднем, следовательно, по 10—12 верст в день. На таких переходах нельзя, что называется, совсем рассцепиться с неприятелем, он двигается обыкновенно почти вслед за отступающим; так было и в данном случае, что разумеется, увеличило трудность положения.

2. За этот период каждая часть дивизии выдержала по 5—6 боев, из которых некоторые были среднего, обычного напряжения, другие более значительного (напр. — в ночь с 25/26 мая (7/8 июня) в трех полках, 26/27 мая (8/9 июня)— в двух и с 29/30 мая (11/12 июня) — также в двух) а один (29 мая (11 июня)—во всех полках, — наибольшего, которого можно только требовать от войск.

3. Потеряв предварительно на Пруте и в Карпатах свыше 1/3 своего состава и, без сомнения, лучшего, более активного, дивизия, ослабленная материально и духовно, тем не менее, упорно обороняется изо дня в день и притом на длинных, все увеличивавшихся фронтах протяжением в 14—17 верст, совершенно не отвечавших ее таявшим постепенно силам.

4. Сопротивление дивизии, бывшее в самом начале отступления вследствие ряда случайных обстоятельств (внезапный отход соседа, разрыв между флангами, спешная перемена части позиции в лесу, нападение во фланг и в тыл, бой в темноте) как бы недостаточно устойчивым, со дня на день становится более крепким, а в бою 29 мая (11 июня) достигает степени необычайного ожесточения, которое может быть сравнено только с боевым порывом и смелостью, проявленными полками на Пруте и в Карпатах. Бой этот, закончившийся почти полным истреблением двух полков, достойно завенчал собою решительный наступательный удар за Прутом и тяжкое отступление к Днестру.

5. В конечном результате дивизия, как таковая, прекращает свое сопротивление только тогда, когда ее состав упал до 2.000 штыков с 11—12 пулеметами, т.-е. потеряв свыше 3/4 своей первоначальной боевой численности; но и при этих условиях два наиболее сохранившихся полка, отойдя на самое короткое расстояние, вновь заслоняют собою до-

рогу превосходному в силах неприятелю, вновь выдерживают бой и, только будучи опять прорваны, они отходят за Днестр.

6. Погибая в неравном бою, полки центра и левого фланга дивизии отстояли, однако, свои орудия, самоотверженно бившие до последнего снаряда на самых близких от неприятеля расстояниях, но что дороже всего, — части дивизии, до боевых обозов включительно, сохранили полный порядок и бодрый боевой дух [1]).

Эти-то ценные качества и дали им возможность возродиться через самое короткое время и стать такими же крепкими, какими они были и раньше, а одному из полков через несколько дней вновь проявить себя со славой в наступательном бою (319. под Сновидувым).

В частности, едва ли не больше всех пострадали разведчики и, тем не менее, боевая разведка быстро встает на ноги и при самых, казалось бы, неблагоприятных условиях достигает еще лучших результатов, еще большей смелости и дерзости, чем прежде (напр., разведки 317. и особенно 318. и 319. полков за Днестром в июле и начале авг. [2]).

7. В течение всего отступления ни одна часть дивизии не отошла с своих позиций, не получив приказания, как бы ни было тяжело ее положение: единственное исключение представляет собою отход некоторых частей 317. п., вечером 25 мая (7 июня) 317. п., отступивших под неожиданным напором превосходного неприятеля, но и этот факт об'ясняется преимущественно той обстановкой, которая случайно сложилась, о чем я уже говорил выше.

8. Бросается в глаза крепкая связь; взаимное доверие и поддержка в действиях пехоты и артиллерии. Почти всюду выставляются от батарей вперед взводы, которые много облегчали пехоту и не раз выручали ее из тяжких положений; батареи снимаются с позиций только в самых близких расстояниях от неприятеля (обыкновенно в 500—700 шагах), а передовые взводы продолжают свою самоотверженную работу буквально до последней возможности, уходя лишь тогда, когда

---

[1]) Факт гибели двух полков и сохранение при этом всех орудий дивизии едва ли можно сопоставлять, как заслуживающие подражания. Отсутствие снарядов может быть об'ясняет своевременный увод артиллерии. Во всяком случае, если бы 80. дивизия в этих тяжелых боях потеряла бы всю свою артиллерию, употребив ее как следует, то это нельзя было бы тактически и морально поставить ей в упрек. «Спасение орудий» ценою гибели пехоты редакция принципиально отказывается признавать похвальным действием (прим. редакц.).

[2]) См. статья моя в № 2 Сборника—„К вопросу о подготовке и ведении пешей разведки" (Приказы 80. пех. див., 1915 г., №№ 154, 156 и 160.

неприятельские цепи приближались к ним на 400—500 шагов (напр., в бою 29 мая (11 июня)). Пехота видела эти действия своей артиллерии, чуяла всегда ее непосредственную близость и глубоко верила в то, что батареи никогда не оставят ее без быстрой и могучей поддержки. В свою очередь, и артиллерия действовала спокойно и смело, т. к. хорошо знала, что полки не отдадут своих орудий.

9. Не менее связно и дружно было и все остальное: мы видели выше, как самоотверженно работала в бою 29 мая (11 июня) связь: не отставал от других и штаб дивизии, руководимый доблестным и энергичным п. Лигнау: везде, где случалось замешательство, где было трудно и требовались указания, помощь, ориентировка,—почти всюду был кто-либо из представителей его: острый наблюдательный глаз, напряженная всегда работа, постоянное внимание и доброжелательность к войскам, бодрости духа и неизменная взаимная ориентировка всех и вся, — еще более связывали части дивизии в единое целое. Полки и батареи всегда были спокойны, т. к. видели, что ими руководят, что о них думают и заботятся, чувствовали это и твердо были убеждены, что, в каком бы положении они ни были, их не оставят в тяжкую жуткую минуту и выведут благополучно.

10. Все сказанное выше об'ясняет и то большое спокойствие и порядок, которые замечались всюду в дивизии при выполнении самых тяжелых операций: подобно тому, как, например, отходили наши последние части с Карпат и через Прут, также стройно действовали и арьергарды при отходе на позицию впереди Езержаны-Живачув, проявляли такое же хладнокровие передовые артиллерийские взводы при снятии с позиций в самой затруднительной обстановке, шли боевые обозы дивизии вечером 29 мая (11 июня) и т. д.

И, наконец, 11. Отметим неизменно крепкий неунывающий дух, выражавшийся в бодром виде и настроении, в стройном порядке, склонности к веселию и шутке вслед за перенесенными только что тяжкими испытаниями, в отсутствии паники, настроении раненых и пр.

И, как общий вывод, невольно напрашивается мысль — так могли драться, наступая и обороняясь, только части, спаянные между собою и руководством крепкою внутреннею связью, взаимною дружбою и доверием.

А отсюда и другой вывод — что все это не могло быть только случайностью, но было естественным результатом боль-

шого, заблаговременного и вдумчивого труда [1]), осененного верною мыслью и горячим желанием, настойчиво и систематически проведенного в повседневную жизнь и службу и, наконец, широко приложенного к войскам сердца.

Такая боевая школа, отвечая вполне природному складу и лучшим особенностям русской души, чрезвычайно близка ей по существу и, при умелом направлении, приводит к самым благим и прочным результатам, что с полною силой и очевидностью сказывается в страдные дни тяжких боевых испытаний.

И в этом важнейшем, — в крепком духе, во взаимной внутренней связи и доверии, — заключается такая моральная сила, в которой обыкновенно тонут и расплываются те недочеты чисто материального свойства, которые имеют, ведь, тоже большое значение в боевой обстановке; а таких не мало было и в 80. пех. дивизии: части ее были второочередные и, следовательно, во многом обездоленные по сравнению с первоочередными; число кадровых офицеров и солдат, особенно первых, было у нас совершенно ничтожное, пушки старого образца, сильно изношенные, с несовершенными прицельными приспособлениями: походные кухни мы получили лишь незадолго до боев, а до того довольствовались архаическими котлами да кухнями — самоделками, денежными средствами были далеко не богаты и т. д.

В разных частных эпизодах отступления, полагаем, можно найти не безинтересные стороны и с чисто технической точки зрения. К числу последних, как нам кажется, принадлежат, например: выдвижение и действие частей 319. п. в районе выс. 340—343 25, 26 мая (7, 8 июня) для прикрытия отхода правого фланга дивизии: разнообразие в способах отхода в зависимости от обстановки—с позиции Оттыниа-Корзув на линию Могила-Жукув и отсюда на фронт впереди Езержаны-Живачув; действия арьегардов вообще и, особенно, 319 п. при отступлении на эту последнюю позицию; работа артиллерии и, в частности, широкое употребление передовых взводов; наконец, налаженность техники связи в частях, систематичность и зоркость артиллерийского наблюдения, неизменная ориентировка войск и высшего управления как в настоящей обстановке, так и в ближайшей будущей, которой можно скорее всего ожидать, точность расчетов и предположений и т. д.

---

[1]) Редакция полагает, что при этом отступлении от Карпат к Днестру войска жили на счет того морального капитала, который образовался из наших предшествующих побед в Карпатах и Галиции (прим. редакция).

Все изложенное в совокупности, полагаем, делает операцию отступления довольно поучительной; описание же этого памятного в жизни дивизии эпизода, основанное на сохранившихся документах, дает мне возможность, как ближайшему участнику и очевидцу происшедших событий, хоть вкратце запечатлеть ту высокую доблесть и твердость, которые проявили в эти тяжелые дни мои боевые товарищи 80. пехотной дивизии.

Дм. Парский.

Части VIII армейского корпуса в бою под Городком в сентябре 1914 года.

(Встречный бой).

24 авг. (6 сен.) 1914 г. под натиском частей VIII. и XXIV. корпусов пал укрепленный пункт австрийцев — город Миколаев, и войска этих корпусов утром означенного числа вступили в город, куда вслед за ними прибыл и командир VIII. корпуса ген. Радко-Дмитриев Он сердечно благодарил войска за победу и в этот же день, донося командующему 8. армией о найденных в Миколаеве и на его укреплениях трофеях, упоминал о том, что: „войска немного утомлены, но, если нужно, они готовы двинуться сейчас же куда будет приказано“. Строго говоря, войска корпуса были не немного, а очень утомлены, так как, начиная с 18 (31) авг., они были в беспрерывных походах и боях и питание людей, благодаря беспрерывному движению вперед значительными, нередко даже форсированными переходами, не всегда было достаточным, и нередко вместо хлеба войска получали муку, из которой пекли в крышках котелков весьма сомнительного достоинства лепешки. Тем не менее, серьезность создавшейся под Львовом боевой обстановки потребовала от войск едва ли не крайнего напряжения их сил, и это не миновало и частей VIII. арм корпуса, только что выполнивших свою задачу под Миколаевом.

В этот же день было получено приказание от командира корпуса относительно немедленного передвижения по направлению ко Львову, причем 15. пех. дивизия должна была двигаться по шоссе и по проселочной дороге, идущей параллельно шоссе, восточнее его, по берегу реки Зубже и дойти до деревень Загуже и Волкув; 14. дивизия должна была двигаться за 15. до Солонка—Велька и Кротошин. Роль авангарда корпуса возлагалась на 3. стр. бригаду, которой надлежало следовать на селение Глинна, связавшись с охранением VII. корпуса у Петер-

вальде, восточнее Грудека и с охранением XXIV. корпуса, оставленного пока в Миколаеве. (См. схему №1).

15. дивизия, выступив из Миколаева часов и 15, только лишь к 7 часам 25 авг. (7 сент.) сосредоточилась в назначенных ей пунктах.

В этот же день, т.-е. 25 авг. (7 сент.) —командир VIII. корпуса получил от начальника штаба 8. армии телеграмму за №1722 следующего содержания: „XII. корпус сдерживает атаки в районе Янув (12 в. севернее д. Мшаны) превосходных сил противника. VII. корпусу приказано немедленно двинуться на поддержку XII корпуса, оставив свои авангарды, до подхода ваших частей, на путях ко Львову. Командующий армией приказывает вам немедленно, с получением сего, направить дивизию для занятия линии Зушица—Любен—Вельке. При подходе войти в связь с авангардом VII. корпуса".

Во исполнение этого командир VIII. корпуса отдал следующий приказ за №41 (то же дело стр. 18) „XII. корпус сдерживает превосходные силы в районе Янува. VII. корпусу приказано двинуться на поддержку XII. VIII. корпусу приказано немедленно двинуться вперед и занять линию Зушице—Любен—Вельке. 3. стр. бригаде продолжать движение по дороге Мостки—Любен—Вельке; подойдя к последнему пункту, выделить один полк с батареей на д. Керница. 14. дивизии направить форсированным маршем одну бригаду по дороге Наварин, Оброшин, Бартатов. От последнего пункта одному полку с двумя батареями следовать на Морги, а другому с батареей на—Мшаны—Зушице. Дойдя до указанных пунктов, стрелковой и бригаде 14. дивизии расположиться на позиции и укрепиться. Цель: сдерживать возможное наступление противника ко Львову. Остальным трем бригадам корпуса составить общий резерв и двинуться для сосредоточения в Ставчаны. С собою иметь только патронные двуколки, лазаретные линейки и кухни".

На основании всех приведенных здесь распоряжений обстановка рисовалась еще не в столь угрожающем виде по отношению ко Львову, как об этом можно было предполагать. Во. видимо, допускалось предположение о том, что неприятель находится еще к западу от линий Городокских озер (ставов), которые представляли серьезную преграду для неприятеля на его путях ко Львову,—преграду, которую можно было упорно боронять со сравнительно даже небольшими силами. На самом деле это было не так, и обстановка создалась действительно очень угрожающей; потребовались большие усилия и полное самоотвержение со стороны войск, чтобы парализовать надви-

нувшуюся опасность и не дать противнику овладеть столь важным стратегическим пунктом, как Львов.

Согласно вышеприведенного приказа командира VIII. корпуса за №41, частям корпуса предстояло совершить ночной марш в ночь с 25 на 26 авг. (с 7 на 8 сент.). Полки 15 пех. дивизии выступили из Загуже и Волкува около 21 часа, в это же время выступили и полки 14. дивизии, и корпус потянулся по проселкам, следуя к пунктам, ему назначенным. Ночь была темная, сырая и холодная. Поднимающийся от сырой почвы туман очень часто закрывал собою окружающую местность, что замедляло движение. Близ д. Навария 15. дивизия принуждена была задержаться на значительное время, так как здесь проходили ей на перерез полки 14. дивизии. Надо думать, что при расчете скоростей движения двух дивизий были приняты во внимание только лишь те данные, которые дает в этом отношении теория и не были приняты в расчет многие отрицательные влияния ночи, темноты и пр., которые всегда нарушают теоретические выводы и делают их нежизненными. Во время этой остановки в западном направлении послышались звуки оживленной ружейной перестрелки, которая и нарушила тишину ночи на довольно продолжительное время. Перестрелка эта заставила убедиться всех в том, что противник уже близок. К рассвету Пражский и Люблинский полки 15. пех. дивизии прибыли в Ставчаны, Модлинский и Замостский полки, следовавшие в хвосте колонны, в пути получили приказание от командира корпуса двигаться в ином направлении—прямо на д. Суховоля, куда они и пошли от д. Наварии кратчайшим путем. Начальник 15. пех. дивизии, идя с авангардом дивизии, не был своевременно осведомлен о подобном изменении маршрута следования этих двух полков, и только лишь в Ставчанах он узнал об этом, и то через довольно продолжительное время.

Для общего освещения обстановки в том виде, как таковая обрисовывалась командующим 8. армией 25 авг. (7 сент.) т.-е. в тот день, когда войска VIII. арм. корпуса находились в назначенном им для ночлегов районе, считаю нужным привести приказ г. Брусилова по войскам 8. армии, из которого видно, что командующему армией не было еще известно о том, что если противник быть может еще и не успел форсировать переправы через реку Верешицу и преодолеть таким образом линию Городокских озер, то он намерен это сделать в самое ближайшее время.

Приказ этот гласит 25 авг. (7 сент.): „Разведкой выяснено: река Верешица занимается противником; к юго-западу от

Комарно наблюдались крупные части противника. 3. армия ведет упорный бой в районе Рава—Русска. Ближайшею задачею армии ставлю,—удерживая частью сил фронт от Зушице до Днестра на левом берегу Верешницы, остальными силами атаковать противника на правом берегу.

XXIV. арм. корпусу укрепиться на фронте Любен—Велке включительно по линии деревень: Любен—Вельке, Любен—Мале, Ястржемков, Руман, Татаринов; указанную линию занять к 8 часам 26 авг. (8 сент.) Для быстрого занятия этой линии одну дивизию к 4 часам сосредоточить в районе Попеляны.

VIII. арм. корпусу одной дивизией к 9 часам занять позицию на линии деревень: Зушице, Морги, Керница.

С выдвижением XXIV. корпуса и дивизии VIII. корпуса на высоты левого берега Верешницы одновременно другую дивизию VIII. корпуса сосредоточить в районе деревень Мшаны, Суховоля, а одну бригаду в районе Пустомыты. Последняя поступает в непосредственное мое распоряжение.

VII. арм. корпусу наступать на фронте Ярина—Каменоброд, куда подойти авангардами к 9 час. (Ярина 10 в. север. Каменоброда). XII. арм. корпусу удерживаться на западной опушке лесов: Курники, Стажиска, Гуменче, западнее и С. З. от Ярины, имея сильный уступ за своим правым флангом [1]).

10. кав. дивизии разведать противника на фронте Вержбианы, Яворув, Грудек. При завязке боя отойти на правый фланг XII. корпуса, содействуя XII. корпусу. (Яворув. в. 25 в. зап. Янова, Вержбианы—в. 10 в. севернее Яворува) Генерал-лейтенанту Каледину отойти на левый фланг XXIV. корпуса и наблюдать Днестр выше впадения в него Верешницы и содействуя XXIV. корпусу в исполнении его задачи.

Частям VIII. и XXIV. корпусов, по занятии высот левого берега Верешницы, артиллерийским огнем подавить артиллерию противника, обратив главное внимание на пункты переправ и при малейшей возможности стремиться перейти в наступление для овладения высотами правого берега. Вести деятельную разведку в течение ночи, о результатах которой донести в штаб армии к 3 час. ночи.“

Приведенный приказ дает общую картину обстановки, как она рисовалась командующему 8. армии, и вместе с тем он же

[1]) Этот пункт является не совсем понятным в виду вышеприведенной телеграммы начальника штаба армии за № 1722 от 25 же августа, в которой говорилось о том, что XII. корпус сдерживает атаки противника в районе Янува. Каким образом этот корпус мог выполнить возложенную на него задачу? Очевидно только при условии одержания под Янувом победы, но о таковой нет упоминания. Примечание автора).

говорит о том что эта обстановка имела не много общего с действительностью. Самая эта действительность, очевидно, стала известна командующему армией только лишь в ночь с 25 авг. (7 сент.), т.-е. в то время, когда войска VIII. корпуса, а равно и прочие совершали свои марши для достижения указанных им пунктов. Изменение маршрута бригады 15. пех. дивизии, о чем, как выше упомянуто, начальник этой дивизии узнал только по прибытии в Ставчаны утром 26 авг. (8 сент.), подтверждает это предположение.

Солнце начало всходить из-за горизонта, когда голова колонны 15. дивизии подходила к Ставчанам. В это же время в лесах и перелесках к западу и к северо-западу от этой деревни послышались звуки ружейной перестрелки. Сначала выстрелы были редкие, но постепенно они учащались, и вскоре перестрелка приняла оживленный характер. Начальник 15. дивизии поехал на рекогносцировку, но выяснить положение дел было не легко: препятствовали леса, закрывающие собой кругозор. По выстрелам можно было предположить лишь то, что перестрелка ведется в местности к западу от д. Бартатув, что она имеет характер внезапного столкновения двигающихся на встречу друг другу передовых частей. Только что начальник дивизии хотел отдать приказание о разведке в сторону слышавшейся перестрелки, как к Ставчанам подошла бригада 14. пех. дивизии под командой ген. Горелова, который сообщил о том, что он получил приказание занять Ставчаны и, что, идя сюда, видел бригаду 15. дивизии, направляющуюся на Суховоля. Это сообщение поставило в недоумение начальника 15. дивизии, который был уверен в том, что бригада, двигаясь в хвосте колонны, либо уже подошла к Ставчанам, либо подходит к этому пункту. Вскоре прибыл из штаба корпуса ординарец, и недоразумение раз'яснилось: было получено приказание о том, что бригаде 15. дивизии, находящейся в Ставчанах надлежало следовать через Суховоля к Мшанам, куда направлена и другая бригада дивизии. Это было часов в 9 и приказание это сейчас же было приведено в исполнение. Бригада в составе Люблинского и Прагского полков двинулась сначала по шоссе в направлении на Львов и, свернув на д. Канопнице, потянулась далее в Суховоля. День становился жарким. Люди, утомленные ночным маршем, двигались с трудом, а между тем не прекращающаяся на западе пальба, к звукам которой присоединился и гул орудийных выстрелов, указывали на то, что там происходит не незначительное столкновение не-

больших частей, а разыгрывается серьезный бой, в который придется вот-вот вступить.

И действительно, это было начало сражения под Городком, длившегося беспрерывно в течение нескольких дней, сражения, в котором участь столь важного стратегического пункта, как Львов, висела на волоске, а вместе с этим висел на волоске и вопрос о том отрицательном и пагубном для духа армии влиянии, каковое несомненно имело бы место, если бы австрийцам удалось бы вырвать из наших рук этот, так сравнительно легко взятый нами у них, трофей. Только благодаря доблести и самоотвержению войск, а также и недостаточной энергии со стороны неприятеля, сражение кончичилось с успехом для нас [1]).

При дальнейшем повествовании я постараюсь осветить создавшуюся довольно мрачную обстановку в том виде, как она рисовалась в пункте расположения в самом начале боя штаба VIII. армейского корпуса—у д. Мшаны, а затем уже перейду к описанию работы, главным образом, полков 15 пех. дивизии, т.-к. на долю этих полков выпал жребий стать главными участниками в этом бою.

Как это сплошь и рядом случается в бою, тщательно разработанный план действий рушится и падает под давлением сложившейся внезапно обстановки. Так было и в данном случае в отношении действий войск 8. армии вообще и VIII. арм. корпуса в особенности. Так: 3. стр. бригада, следуя в назначенные ей пункты (Любен—Вельке и Керница) ввязалась в бой у д. Мостки и достигнуть означенных пунктов не могла; 1. бригада 14. пех. дивизии, которую предполагалось направить на фронт Мостки—Острув, получила несвоевременно отданное об этом приказание, а, следовательно, не могла оказать своевременно своего влияния на исход боя 3. стр. бригады под д. Мостки; 2. бригада той же дивизии получила назначение образовать собой армейский резерв и стать в д. Пустомыты; 15. пех. дивизия, как выше сказано, также получила приказание о частичном изменении назначенного ей маршрута.

Часов около 11 26 авг. (8 сент). к командиру VIII. корпуса, находящемуся на высоте 330, что к северу от д. Оброшин,

[1]) Второй раз мысль автора обращается к «участи столь важного стратегического пункта, как Львов». На самом деле вопрос шел не о географических пунктах, а об участи Галицийской битвы; целью австрийцев был не захват сданного им без боя Львова, а нанесение поражений 3. и 8. армиям. Сражение кончилось успешно для нас не только вследствие доблести наших войск и недостаточной энергии со стороны противника, но и потому, что стратегическая петля, образованная нашим охватывающим маневром 9., 4 и 5 армий, начала затягиваться, и дальнейшее упорство австрийцев вело бы к их полному уничтожению (прим. редакции).

прибыл командир 133. пех. Симферопольского полка полковник Кортаци и доложил, что на полк его, занимающий леса западнее деревни Бартатув, сильно напирают значительные силы австрийцев и просил поддержать, якобы изнемогающий в неравном бою, полк. Командир корпуса, видя, что в это время по шоссе из Ставчаны подходит батальон 59. Люблинского полка, приказал ему двигаться скорее на д. Бартатув на помощь Симферопольцам, имея в виду, что части VIII. к-са должны сменить части VII. корпуса, в состав которого входила и 34. пех. дивизия, а с нею и Симферопольский полк. После этого командир корпуса поехал в д. Мшаны. В Суховоле в это время находился на привале 60. Замостский полк и три батальона успевшего прийти сюда из Ставчан 59. Люблинского полка. У д. Мшаны находился командир VII. корпуса, наблюдавший за ходом разгоравшегося боя. Когда командир VIII. корпуса прибыл в Мшаны, то вскоре от Симферопольского полка начали поступать донесения о том, что австрийцы сильно напирают с запада на фронт полка. Командир VIII. корпуса, приняв во внимание тяжелое положение симферопольцев, направил в помощь им подходившие к Мшанам три батальона Люблинского полка с артиллерией. В это же время к Мшанам же подтянулся 57. Модлинский полк. Модлинцам перед этим было послано приказание спешить как можно скорее в Мшаны и для облегчения движения командир корпуса приказал снять мешки и скатки, что полк и исполнил, сложив все это близ д. Канопница. Едва только двинулись по назначению три баталиона Люблинцев, как было получено новое донесение угрожающего характера о том, что противник, перейдя большими силами речку Верешницу у д. Каменоброд, наступает в незанятый никем промежуток между левым флангом 34. пех. дивизии, упирающимся в северную часть Повитенского леса, и Симферопольским полком, занимавшим, как это уже и выяснилось, урочище „Ляс-Мейский", что к западу от д. Бартатув. Тогда командир корпуса приказал командиру Замостского полка полковнику Тихменеву двигаться в направлении на Каменоброд, откуда наступал неприятель, и остановить это наступление. „Посылаю вас с полком на подвиг," —сказал командир корпуса: „помните, что, быть может, сегодня, либо в последующие дни могут произойти весьма важные для России события, зависящие от исхода этого разгорающегося боя".

Замостцы двинулись по назначению, а вслед за этим получилось новое донесение от Симферопольского полка о том, что противник сильно наседает, и обстановка может принять

угрожающий характер, в виду чего командир полка снова просил поддержать полк. Имея в виду все важные последствия, которые могут произойти в том случае, если симферопольцы не удержатся на своем участке, командир корпуса приказал командиру Модлинского полка полковнику Березовскому следовать с полком в промежуток между Повитенским лесом и шоссе из Городка на Львов и отсюда действовать против левого фланга напирающего на симферопольцев противника. С Модлинским полком отправился начальник 15. пех. дивизии, на которого командир корпуса возложил общее руководство действиями Люблинского и Модлинского полков. Это было часов в 15.

Бой в районе, занятом Симферопольским полком, разгорался все сильнее и сильнее, и командир корпуса отправился к Бартатуву, дабы лично ознакомиться со всем, происходившим к западу от этой деревни, оставив вместо себя в Мшанах начальника штаба корпуса ген. Кузнецова. Это было приблизительно в 16 часов. В это же время от командира Замостского полка получилось донесение о том, что замостцы заняли Повитенский лес и вступили в бой с подошедшими к этому лесу со стороны Каменоброда австрийцами. Таким образом опасность, угрожающая с этой стороны, была до известной степени устранена, тем более, что к этому же времени подошел к Мшанам 58. Прагский полк (15. пех. дивизии).

Между тем к Мшанам начали подходить раненые Симферопольского полка, которые рисовали картину разгорающегося боя в довольно мрачных красках, говоря, что сильно насевший на них противник принудил части полка податься назад от западной опушки Мейского леса, и что противником будто бы захвачена уже одна из батарей 34. арт. бригады. Как бы в дополнение рисуемой ранеными мрачной картины вдруг появились в Мшанах различные повозки, патронные двуколки, кухни и даже несколько орудий 34. арт бригады, которые, в полном беспорядке, наезжая друг на друга и двигаясь быстро в несколько рядов, грохотали по дороге, стремясь в д. Суховоля. Это безобразное паническое стремление сопровождалось безумными криками конюхов и в общем вся эта масса панически настроенных людей могла оказать пагубное влияние на стоящий тут Прагский полк и IV. тяж. арт. дивизион. Быстро принятые ген. Кузнецовым меры, который, став на дороге, урегулировал это безобразное движение и навел порядок, успокоили людей и прекратили панику между обозными. Вместе с обозами двигались и одиночные люди, как

раненые, так и здоровые, покинувшие поле сражения, и их пришлось собирать в команды и отправлять обратно. Одновременно с этим, т.-е. часов в 17, неприятельская артиллерия начала обстреливать место расположения штаба корпуса, а вслед за этим получилось донесение о том, что левый фланг VII. корпуса отходит, благодаря чему снова получился очень опасный разрыв между VII. и VIII. корпусами. Сознавая опасность создавшегося положения, ген. Кузнецов приказал командиру Пражского полка полковнику Кушакевичу занять двумя батальонами западную окраину д. Мшаны, с тем, чтобы закрыть образовавшийся разрыв между VII. и VIII. корпусами, а один батальон того же полка направить к Повитенскому лесу, так как положение в этом лесу 60. Замостского полка, с отходом левофланговых частей VII. корпуса, становилось очень тяжелым. Оставшемуся последнему батальону Пражцев было приказано выдвинуться несколько вперед на поддержку, если понадобится, как замосцев, так и двух батальонов пражцев. Кроме того, с разрешения командира VII. корпуса, был двинут вперед VI. тяж. арт. дивизион с приказанием обстрелять район западнее Повитенского леса и д. Мшаны. Помимо всего этого, ген. Кузнецов послал офицера в 1. бригаду 14. п. дивизии в Ставчаны с приказанием—двигаться как можно поспешнее к Суховоле и, т.-к. положение на правом фланге было еще неопределенным и можно было опасаться охвата этого фланга с севера, то одна рота из батальона резерва Пражского полка была направлена к северу от дороги между Мшаны и Суховоля. Когда же к часам 19 подошли 2 батальона Минского полка (14. пех. дивизии), то положение на правом фланге можно было уже считать упроченным настолько, что бригада 14. пех. дивизии была возвращена в Ставчаны, т.-к. положение на левом фланге корпуса нельзя было еще считать прочным.

Таковы были распоряжения штаба корпуса в первый день сражния под Городком. Благодаря им удалось удержать за собою занятый корпусом фронт и удержать его не только в этот день, но и в последующие—в течение этого упорного боя.

Действия полков, выполнявших данные им задачи сводились к следующему.

Приступая к описанию боевой работы полков, преимущественно 15. пех. дивизии, принужден остановиться на описании деятельности каждого полка в отдельности в виду того, что каждому из них была дана как бы отдельная, самостоятельная задача, которую он и выполнял в течение всего боя. Конечно, все эти задачи заключали в себе общую цель и стремление во

что бы то не стало удержать занятое нами расположение и не дать противнику возможности прорваться к Львову. Первоначальное намерение командующего армией атаковать противника, и, не дав ему возможности перейти на восточный берег Верешницы, постараться отбросить его на запад, рушилось само собою под влиянием неожиданно сложившейся, очень невыгодной для нас обстановки, заключающейся в том, что австрийцы с значительно превосходящими нас силам успели переправиться через Верешницу, угрожая прорывом наших совершенно не укрепленных и занятых наспех позиций, и только благодаря недостаточной энергии, проявленной ими в этом бою, они не имели общего успеха и не достигли цели, к которой стремились. В этом бою инициатива была вырвана из наших рук и захвачена противником; нам же, вместо предполагаемого наступления, которое могло бы продолжить наше быстрое первоначальное боевое шествие в пределах неприятельской территории, пришлось обороняться и отражать атаки противника, проявляя ту предельную стойкость, которую можно требовать от войск, поставленных в столь трудные боевые условия.

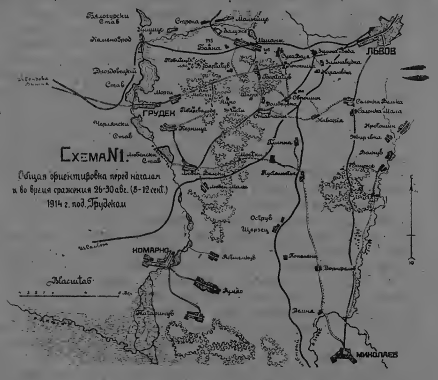
Начинаю с описания действий 58. Прагского полка в районе д. Мшаны, т.-е. на правом фланге позиции 15. пех. дивизии.

Подойдя к д. Мшаны, (схема 1) Прагский полк, с двумя батареями 15. арт. бригады составил собой корпусный резерв VIII. арм. корпуса и полку приказано было окопаться. (Дело № 65, стр. 27.) Команда разведчиков была выслана в направлении на юго-запад для ознакомления с положением дел в этом направлении. Разведчики дошли до урочища Чисты, и здесь встретили неприятеля, который наступал, преследуя отходящие части 34. дивизии. Огонь разведчиков остановил небольшие части противника и это обстоятельство ободрило отходящих; они остановились и завязали перестрелку с австрийцами, которые начали окапываться.

Когда около 17 час. обнаружился ясный отход частей 34. див. со стороны Повитенского леса и наступление противника со стороны Каменоброд в образовавшийся промежуток между флангами VII. и VIII. корпусов, то два батальона при 4 пулеметах были направлены под командою полковника Свирского к д. Стронна (северо-западнее Мшан) для поддержки частей 34. пех. дивизии. Когда эти батальоны (1 и 2) вышли к западной окраине Мшаны, то противник начал обстреливать их шрапнелью. Здесь полковник Свирский встретил командира 34. арт. бригады, который, указав ему на видневшуюся в стороне д. Повитно высоту 295, сказал, что там „положение

отчаянное" и что части 34. дивизии, которые еще держатся на этой высоте, изнемогают и нуждаются в немедленной помощи. Вскоре к полковнику Свирскому под'ехал адъютант 34. дивизии, который со своей стороны доложил, что у д. Стронна положение создалось также весьма угрожающее, что части Таганрогского полка, сражающиеся у этой деревни, сильно ослаблены и расстроены, помощь ни откуда не приходит, благодаря чему Таганрогцы могут не выдержать сильного напора противника. В конце концов адъютант просил направить в Стронна хотя бы только две роты, которые своим прибытием, несомненно, поднимут дух изнемогающих Таганрогцев. Полковник Свирский, видя, что положение как у Стронны, так равно и на высоте 295 крайне тягостное, и что оно угрожает прорывом фронта и движением противника на Мшаны и далее на восток, чего он, в силу данной ему задачи, во что бы то ни стало, должен был не допустить, направил 6 рот (2. 4. 5. 6. 7. и 8.) с 4 пулеметами под командой капитана Жаренова на высоту 295, приказав по занятии этой высоты удерживать таковую до последней возможности, сам же с 1. и 3. ротами продолжал движение по шоссе на Стронну (см. кроки). При подходе к Стронне простирается болотистая равнина, имеющая в ширину шагов 400—500, через которую шоссе пролегает по насыпи, и едва только роты вступили на эту насыпь, как противник сосредоточил по ним сильный артиллерийский огонь, и т. к. в это же время по этой насыпи отходили группы людей Таганрогского полка, то, естественно, что положение как наступающих, так и отходящих было здесь нелегкое. Здесь находился командир одной из бригад 34. пех. дивизии, который, осведомившись у полковника Свирского о силе подошедшей помощи, ответил: „Поздно, нам приказано отходить". Тем не менее полковник Свирский, перестроив роты в отделения, бегом преодолел поражаемую неприятелем шоссейную насыпь и занял позицию на западной окраине Стронна, где еще удерживались последние остатки Таганрогского полка с двумя пулеметами. Прибытие двух рот працев было принято таганрогцами не как за подошедшую к ним подмогу, а как за пришедшую к ним смену, ибо полки 34. дивизии, очевидно, знали, что их должны сменить части VIII. корпуса. Тотчас же остатки Таганрогцев начали отходить и просьба полковника Свирского оставить при его ротах хотя бы пулеметы не была уважена и ему было заявлено, что все равно пулеметы действовать не могут, т. к. при них нет наводчиков, равно как и израсходован весь запас воды. Таким образом

1. и 3. роты прагцев оказались оставленными и сразу же подверглись сильному огню противника, который, продолжая наступать, начал охватывать правый фланг этих рот. Сильный огонь неприятеля мешал ротам окапываться. Парализовать угрозу охвата правого фланга было нечем, т. к. австрийцы одновременно с этим охватом давили и на фронт. Все это заставило полковника Свирского начать отходить к западной

окраине д. Залуже. По прибытии в Залуже, роты начали окапываться на западной окраине деревни, дабы воспрепятствовать дальнейшему продвижению противника на восток; в то же время они связались с ротами, занимавшими высоту 295. Австрийцы по неизвестной причине не развили достигнутого ими успеха и дальше Стронна не пошли. Надо думать, что их смущала открытая болотистая долина реки Верешницы, преодолевать которую им пришлось бы под огнем наших рот. С наступлением темноты с высоты 295 полковник Свирский был осведомлен о том, что неприятель повел атаку против 6 рот, утвердившихся на этой высоте, и что хорошо было бы ударить

в их левый фланг со стороны Залуже, заняв кладбище, расположенное южнее этой деревни и уже занятое противником. 1. и 3. роты тотчас же были двинуты к этому кладбищу с приказанием атаковать таковое, но еще до подхода этих рот 2. рота с высоты 295 бросилась к кладбищу и выбила оттуда австрийцев. Во время этой атаки был ранен командир этой роты, капитан Станкевич. 1. и 3. роты, подойдя к кладбищу, нашли там уже не неприятеля, а своих же однополчан и присоединились к ним. Взятие кладбища прагцами повлияло на австрийцев и прекратило на время их наступательный порыв; они отошли шагов на 800 от высоты 295 и с их стороны все время были слышны сигналы и громкие команды и все это говорило о том, что они намерены вновь атаковать наши роты, пользуясь покровом ночной темноты. И действительно, около полуночи стало заметно, что противник собирается в колонны с очевидным намерением атаковать. Командир полка, видя, что его два батальона остались одни на высоте 295 и что д. Мшана загружена отходящими с поля битвы войсками, и опасаясь за то, что два батальона не будут в состоянии ночью удержать натиска противника на высоту 295, тем более, что стало заметным намерение австрийцев атаковать с охватом обоих флангов занимаемую прагцами позицию, доложил о всем этом командиру корпуса, и последний приказал занять тремя батальонами (1 батальон был дан из корпусного резерва) западную окраину д. Мшаны, что к рассвету 9 (22) сент. и было исполнено. Полк расположился на позиции, заняв таковую и приступив к ее укреплению тремя батальонами по обоим сторонам шоссе, имея к северу от него III. батальон, а к югу I. и II. батальоны; IV. батальон оставался в корпусном резерве на прежнем месте — за высотой 306; две батареи, бывшие при полку, стали на позиции по обе стороны шоссе, имея правее себя команду разведчиков. Полку было приказано упорно обороняться на этой позиции. В 7 часов команда разведчиков была направлена в направлении д. Мальчице для производства разведки и охранения правого фланга нашего расположения.

Команда, найдя очень выгодную позицию недалеко от Мшаны, расположилась на ней. Имея перед собою широкую долину Верешницы, команда, наблюдая противника, следила за каждым его шагом и, связавшись телефоном с артиллерией, давала знать последней о всем, достойном внимания, благодаря чему всякие попытки австрийцев обойти наш правый фланг парализовались огнем самой команды и артиллерийским. Положение наше в общем упрочилось и к 12 час. удалось

устроить и привести в порядок отходящие части полков 34. дивизии, равно как и разместить их на позиции, увеличив таким образом силу обороны. К полудню расположение войск на позиции было следующее: на правом фланге—батальон 134. полка, далее три батальона працев, а впереди левого фланга — в д. Бояна части 52. и 54. полков. В таком расположении полк, совместно с прочими присоединенными к нему частями, в течение дня парализовал все попытки противника атаковать позиции. Командующий II. батальоном капитан Жаренов и командир 8. роты капитан Шмелев были ранены, а между солдатами было также не мало выведенных из строя. Так продолжалось и в течение 28 авг. (10 сент.); в ночь же с 28 авг. (10 сент.) на 29 авг. (11 сент.) противник повел сильную атаку и на сей раз ему удалось занять часть наших окопов у д. Бояна и тогда был двинут со стороны Мшаны II. батальон, который штыками выбил австрийцев из занятых ими окопов. Тем не менее в течение 11 (24) сент. энергия противника не ослабела; он, повидимому, значительно усилился и начал сильно наседать на наш левый фланг, атакуя его в направлении железнодорожной линии. Густые цепи австрийцев, поддерживаемые сомкнутыми частями, двигались в атаку, но связь пехоты с артиллерией была налажена и атаки успешно отбивались. Одна из атак была особенно стремительна: дело дошло до штыков; австрийцы были опрокинуты и II. батальон Прагского полка захватил в плен 2 офицеров и более 300 солдат. После этого попытки противника прорвать фронт все же не прекратились, и к вечеру этого дня австрийцы, охватив наш левый фланг, начали усиленно обстреливать фланговым огнем роты II. батальона. Сюда была выдвинута 10. рота, а также по батареям противника был сосредоточен наш артиллерийский огонь и эти меры предупредили намерение австрийцев атаковать, и атака не состоялась. В виду значительного усиления неприятеля к вечеру 29 авг. (11 сент.) ко Мшанам прибыли 2 батальона Брестского полка (13 пех. див.) и один из них сейчас же сменил в боевой линии части 134. полка. Поздно ночью с 29 авг. (11 сент.) на 30 авг. (12 сент) австрийцы снова пытались атаковать, но были отбиты огнем. Эта была последняя попытка со стороны противника. Потери полка за все время боя были следующие: офицеров ранено 6, контужен 1, солдат убито 52, ранено 333 и пропало без вести 123. Всего: офицеров 7 и солдат 508.

На основании всего вышеизложенного, невольно является предположение о недостаточной энергии австрийцев, проявлен-

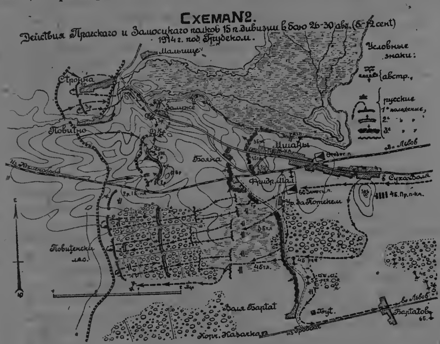
ной ими в особенности в начале этого боя. Они не могли не видеть того, что наши части в первый же день боя были приведены в замешательство и начали отходить без соблюдения порядка и они все-таки не воспользовались этим выгодным для них обстоятельством, не напрягли всех усилий для того, чтобы использовать это выгодное для них положение. Энергия у противника видимо начинает возрастать с прибытием к нему подкреплений и он начинает атаковать, но в это время уже удалось задержать и устроить отходившие части, распределить их на позиции,—удалось и самую позицию укрепить и наконец удалось поддержать утомленные войска присланными к ним подкреплениями, в виду чего проявленная противником энергия не привела ни к каким результатам решающего характера.

Теперь обратимся к действиям Замостского полка (дело № 55 1914 года, стр. 56. Схема № 2).

Совершив ночной переход, Замостский полк в 10 часов 26 авг. (8 сент.) 1914 года прибыл в деревню Суховоля, где и расположился квартиро-биваком. Недолго полку пришлось отдыхать: развивающаяся в стороне запада канонада ясно говорила о том, что отдыха в данном случае быть не может. И действительно, вскоре командир полка полк. Тихменев получил приказание от командира корпуса вести полк в направлении на Каменоброд, со стороны которого наступал противник, и остановить это наступление. В виду того, что большая дорога на Мшаны была в это время занята двигающимися войсками, командир полка повел полк и придапные ему 4. и 5. батареи целиной, двигаясь южней дороги, и к часу пополудни полк был уже у места выхода из Мшаны дороги на Волю Бартатовску. По пути от начальника штаба VII. корпуса командир полка узнал о том, что неприятель находится уже на восток от Каменоброда и что участок севернее железной дороги занят частями VII. корпуса. Ориентировка, сообщенная командиру полка, была очень неполная и, как оказалось, части VII. корпуса были не только севернее, но и южнее железной дороги.

У дороги в Мшаны—Воля Бартатовска, командир полка развернул полк и направил его батальоны, которых было только три, т. к. первый батальон задержался в Суховоле прохождением войск и отстал от полка, — следующим образом: II. батальон—между железной дорогой и Повитенским лесом, III. батальон—на этот лес и IV. батальон—на юго - восточную часть опушки леса. Батальонам было приказано овладеть лесом и, если окажется возможным, то и высотами западнее его. При втором батальоне было два пулемета, а при III. и IV.

батальонах—4 пулемета; 2 оставлено в резерве и они должны были присоединиться к I. батальону, при подходе его к полку. Батареям было приказано стать на позицию левее IV. батальона и содействовать атаке обстрелом промежутка между шоссе на Гродек и Повитенским лесом. Значение Повитенского леса было сразу оценено командиром полка, как единственного и важного местного предмета; имеющего значение для переправ, как в Каменоброде, так и в Гродеке. Все эти распоряжения, из желания как можно скорее овладеть

Повитенским лесом и предупредить в нем противника, отдавались командиром полка весьма спешно по австрийской карте, которая не совсем точно изображала некоторые местные предметы; так, промежуток между юго-восточною частью Повитенского леса и шоссе в действительности оказался покрытым молодым сосновым лесом, на карте же промежуток этот был изображен совершенно открытым. В виду этого этот сосновый лес с пункта, на котором делались распоряжения, был принят всеми за находящийся южнее Повитенского леса Мейский лес, в силу чего левофланговые батальоны, при расхождении в указанных им направлениях начали

принимать вправо, а так как части VII. корпуса, вопреки показаниям начальника штаба этого корпуса, занимали позиции не только севернее шоссе, но и южнее его вплоть до северной опушки Повитенского леса, то и правофланговый батальон при подходе к лесу не пошел в промежуток между ним и шоссе, а начал принимать влево, и в конце концов все три батальона в количестве 10 рот вошли в лес и прошли до западной его опушки, не встретив в нем неприятеля.

Между тем австрийцы также быстро стремились к лесу, желая предупредить Замостцев в нем, и, чтобы этого достигнуть, они обстреливали наступающие батальоны шрапнелью, но это не остановило полка и лес был занят нами. Когда полк вышел на западную опушку леса, то австрийцы были в расстоянии около ста шагов от опушки и успели уже здесь окопаться; за первой ближайшей к лесу линией окопов виднелась и вторая шагах в трехстах от леса. Надо думать, что эти окопы противник успел отрыть в то время, когда он убедился в том, что его шрапнельный огонь не остановил движения полка и что он все же вошел в лес, и вот, не желая подвергать себя риску штыкового боя в лесу, они поступили вполне благоразумно, остановившись в непосредственной близости от леса и прикрывшись окопами, из которых они могли сосредоточить всю силу своего огня по нашим ротам и не дать им возможности продвигаться дальше в западном направлении. И действительно: едва только Замостцы показались на западной опушке леса, как неприятель развил сильнейший ружейный и пулеметный огонь по наступающим и сосредоточил сюда же огонь своей артиллерии. Этот огонь продолжался в течение дня и даже с наступлением темноты и так как местность к западу от леса была открытая, то выйти из леса и продолжать дальнейшее движение можно было только при том условии, если бы обстоятельства вынуждали бы принести весь полк в этом месте в жертву, ради каких-либо особых соображений.

Для противодействия огню неприятеля, командир I. артиллерийского дивизиона полковник Лукашевич, оставив $1^1/_2$ батареи у дороги Мшаны — шоссе, лично вывел полубатарею к западной опушке Повитенского леса и, снявшись с передков на линии пехотных частей, начал обстреливать беглым огнем как окопы противника, так равно и видневшиеся ему вдали подходившие со стороны Каменоброда австрийские колонны. Это движение артиллеристов на подмогу своей пехоты принесло пользу, ослабив огонь противника по опушке и тем облегчив положение занимающих ее Замостцев. Неприя-

тель сосредоточил по полубатарее огонь, и вскоре она начала нести большие потери, рискуя остаться без людей и конского состава. В виду этого полковник Лукашевич приказал полубатарее отойти назад, и положение Замостцев снова стало очень тяжелым. Артиллерия, расположенная позади, помочь своим огнем не могла в виду того, что окопы противника находились в непосредственной близости от западной опушки леса, а следовательно и стрелять по ним было нельзя.

Между тем части VII. корпуса, истолковав прибытие Замостского полка в их расположение как смену для себя, начали отходить с занимаемого имп севернее леса участка, обнажая таким образом правый фланг Замостцев. Обстоятельство это потребовало личного вмешательства командира полка, который поехал к отступавшим и ему удалось приостановить этот массовый отход и вернуть часть отходящих на боевые позиции. Полку было приказано окопаться, но огонь по опушке был до того силен, что работы по самоокапыванию подвигались туго. Наша ошибка в начале войны заключалась в том, что, прибегая к самоокапыванию на лесных участках, мы старались возводить свои окопы непосредственно на самой опушке занимаемых нами лесных групп; так было и в данном случае и у Замостцев. Возводимые у самой опушки окопы представляли хорошо видимую цель, тогда как окопы, отнесенные на несколько шагов в глубь леса, маскировались самим лесом, который, будучи опутан еще проволокой, усиливал бы их оборону, сокращая и время на возведение этого искусственного препятствия. Леса в данной местности содержатся в большой чистоте; в них нет ни валежника, ни прочего хлама, которым изобилуют наши леса, а потому из окопов, скрытых в лесу, обстрел мог быть всегда хорош. Впоследствии и путем горького опыта мы научились окапываться в лесах так, как здесь указано.

В 18 часов к полку присоединился его I. батальон в числе трех рот, который по пути к Повитенскому лесу по неизвестной причине принял вправо, перешел полотно железной дороги и был сильно обстрелян артиллерией и только после этого он прибыл к цели. Одна из рот этого батальона была назначена в прикрытие артиллерии, а остальные две роты были направлены к северному боевому участку, так как отход частей VII. корпуса с этого участка заставлял сомневаться в его надлежащей устойчивости.

Сосредоточенный огонь противника по опушке леса вынудил полк к отходу от этой опушки в глубь леса, что и было

проделано с наступлением темноты. Полк расположился вдоль широкой просеки, прорезывающей лес в меридиональном направлении. Резервов в полку никаких не было; правый фланг полка, равно как и левый его фланг, могли быть ночью без труда обойдены противником. Командиру артиллерийского дивизиона было приказано быть готовым к открытию огня картечью в случае натиска противника, а командиру корпуса (Прагский и Замостский полки во время этого боя начальнику дивизии подчинены не были) было доложено об опасности создавшегося положения. Командир корпуса обещал к утру 9 (22) сент. прислать в распоряжение командира полка батальон 54. Минского полка, но вскоре после этого во втором часу ночи ясно обнаружился обход австрийцами правого фланга полка. Тогда командир корпуса приказал очистить Повитенский лес и отойти к дороге Мшаны — Воля Бартатовска и тут укрепиться, выставив заслон к железной дороге.

В 4 часа полк занял это расположение. Артиллерия была отправлена через Волю Бартатовску в тыл, а прибывший к этому времени батальон Минского полка в составе 5 рот занял Фридриховку. В таком расположении полк оставался до конца боя, отражая атаки противника, которые он вел преимущественно по ночам.

За время этого боя в помощь полку были привлекаемы части Минского и Житомирского полков. К концу боя полк занимал участок от урочища „За Потекем" до шоссе; правее были части VII. корпуса, а также Прагского полка. Очень жаль, что сведений о потерях полка в этом бою не найдено, но, насколько помню, они были меньше, нежели в Прагском полку.

Рассмотрев бой, веденный Прагским и Замостским полками, приходишь к выводу, что в самом начале была допущена ошибка, заключающаяся в том, что не следовало бы этим полкам выдвигаться вперед западнее линии Мшаны—Воля Бартатовска. Прагский полк, заняв западную окраину Мшаны, а Замостский—дорогу от Мшаны на Волю Бартатовску и имея перед собой при подобном расположении сравнительно открытую местность, допускающую хороший обстрел, да к тому же укрепившись на этой позиции, выполнили бы возложенную на них задачу с большим успехом и с меньшими для себя потерями. Правый фланг этой позиции был бы надежнее прикрыт болотистой и широкой долиной Верешицы, нежели при выдвинутом вперед положении. Что касается до частей VII. корпуса, которые, очевидно, не имели возможности, благо-

даря значительному перевесу сил противника, удерживать занимаемое ими положение, то и для них подобное расположение полков 15. дивизии принесло бы пользу, так как они могли бы отойти за позицию этих полков, устроиться там и затем снова вступить в бой. Повитенский лес мог иметь для нас очень важное значение в том случае, если бы мы имели в своем распоряжении настолько значительные силы, что, по занятии этого леса, могли бы развить дальнейшие действия для удара по переправам австрийцев, но разве с теми ничтожными силами, которыми мы располагали в данное время, можно было думать о подобных намерениях. Мы без потерь почти овладели Повитенским лесом, но никакой пользы от этого не получилось. Надо было верить в самом начале боя в то, что раз противник решил перешагнуть через Верешицу и через такую преграду, как линия болотистых Городецких озер, то, вероятно, он решился на этот шаг с немалыми силами, т. к. шаг был очень серьезен и со слабыми ногами нельзя было решаться на него, из боязни споткнуться и быть прижатым к озерам. А потому мечтать о том, как бы „сбросить, да отбросить" нам уже, по слабости наличных сил, не приходилось, и единственное, к чему надлежало стремиться—это только лишь к тому, чтобы, крепко зацепившись, удержать стремление противника.

Как видно из приведенных выше директив командующего армией, переход австрийцев на восточную сторону Городецких озер явился для нас неприятною неожиданностью и застал нас неподготовленными в смысле решения вопроса — как поступать и действовать при подобных обстоятельствах. Ясно, что в силу этого первоначальные распоряжения должны были иметь спешный характер и все это говорит за то, что надлежало заранее обсудить все возможные случаи и комбинации, что устранило бы многие ошибки.

На 57. Модлинский, 59. Люблинский полки выпали едва ли не самые трудные задачи в этом бою, т. к. полки эти должны были принять на себя всю силу главного удара противника, стремящегося прорвать наше расположение.

26 авг. (8 сент.) после ночного перехода (дело № 55, стр. 10). 57 Модлинский полк в составе 14 рот (2 роты находились при тыловых учреждениях) около 14 часов подошел к д. Мшаны (схема № 3). Вслед за этим командир корпуса передал командиру полка полковнику Березовскому следующее: „Симферопольский полк под натиском превосходных сил

противника отходит в направлении шоссе от Гродека на Львов. Модлинскому полку двинуться в юго-западном направлении и, действуя противнику во фланг, остановить его стремление". Перед этим даны были уже задачи Люблинскому и Замостскому полкам. Командир корпуса очень торопил Модлинцев и, видя, что командир полка, собрав офицеров, об'ясняет им полученную задачу и способ ее решения, неоднократно посылал ординарцев с требованием о немедленном движении полка в указанном направлении, видя в подобном раз'яснении только лишь излишнюю проволочку во времени. Не успев раз'яснить все необходимое, командир полка развернул полк, имея I. и II. батальон с пулеметами в первой линии, а III. и IV. во второй, и повел его в направлении на лес, что южнее Мшаны. С полком пошел и начальник 15. пех. дивизии, которому командир корпуса приказал руководить действиями Модлинского и Люблинского полков. Вскоре лес был пройден, и полк, не встретив неприятеля, подошел к Воля Бартатовска. Сюда прибыл и командир корпуса и снова подтвердил о возможно более быстром движении полка вперед. Видимо, он придавал особое значение этой быстроте, веря в возможность нанесения удара противнику во фланг. Но с самого начала было видно, что никакого флангового удара в данном случае быть не могло, т. к. австрийцы наступали по всему фронту и обнаженных флангов у них не было. Продолжая движение, полк вскоре вошел в лес, который тянется вдоль шоссе на Гродек между Мейским и Повитенским лесами. Лес этот еще молодой и, очевидно, он вырос уже после того, когда производилась топографическая с'емка этой местности (на карте он не обозначен). Часам к 17 полк был на западной опушке этого леса и здесь, шагах в 600 от таковой, занимая восточную окраину д. Морги, был уже противник, который и открыл по Модлинцам ружейный и пулеметный огонь. Местность к западу от этого леса представляла собой площадь, покрытую группами мелкой поросли, препятствующей обстрелу. На западной опушке этого занятого Модлинцами леса оказался батальон Симферопольского полка, еще державшийся на позиции. Ни о каком преследовании австрийцами, якобы, отходящих целиком Симферопольцев пока не было речи. Неприятель, правда, пытался неоднократно переходить в наступление, но Модлинцы и Симферопольцы препятствовали этому своим огнем. Видя слабую решительность со стороны противника и ободренные его неоднократными отходами, Модлинцы сами попытались перейти в наступление, но огонь противника этому помешал

и полк снова сосредоточился близ опушки и начал окапываться. Так как к этому же времени выяснилось, что Симферопольцы, занимавшие перед этим западную опушку Мейского леса, отошли отсюда, после чего опушка эта была занята противником, то начальник дивизии, бывший со штабом в занятом Модлинцами лесу, приказал прогнать неприятеля с опушки Мейского леса. Для этого были назначены две роты Модлинцев, которые, по одиночке перебежав шоссе, скрылись в Мейском

Схема №3.

Действия Модлинского и Люблинского полков 15 див. в бою 26-30 августа (8-12 сент.) 1914 г. под Грудеком.

лесу, но на опушке его они встретили значительные силы австрийцев и попытки их атаковать успехом не увенчались; роты эти заняли позиции в лесу и, окопавшись, препятствовали дальнейшему проникновению сюда противника, который, видимо, и не рисковал дальнейшим своим продвижением в этом густом лесу, так как он, очевидно, знал, что сюда подошли свежие силы и это заставило его быть осторожным и не пускаться, очертя голову, в рискованные предприятия. Когда же австрийцы с опушки Мейского леса открыли фланговый

огонь по Модлинцам и Симферопольцам, то это сильно повлияло на последних главным образом потому, что им стало ясно, что их товарищи однополчане отошли. Мысль о том, что отход одних дает право и другим действовать в том же духе, оказала свое влияние на людей и батальон Симферопольского полка начал тоже отходить. Как раз в это же время противник начал кидать свои тяжелые снаряды в лес. Все это действовало слишком тягостно в моральном отношении и начавшийся по одиночке отход батальона вскоре превратился в массовое отступление. Модлинцы удержались на своих позициях, поддерживая оживленную перестрелку с противником и парализуя намерение противника переходить в наступление. Попытки удержать Симферопольцев в окопах и канавах между Волей Бартатовска и лесом не к чему не привели и батальон отошел к роще, что западнее д. Бартатув. Это было уже тогда, когда наступала темнота и к этому времени на шоссе к этой роще было прислано командиром корпуса одно тяжелое орудие, которому было приказано сделать несколько выстрелов в различных направлениях, дабы, во-первых, подбодрить свои войска, а, во-вторых, показать противнику, что к нам на этот фланг прибыла могучая тяжелая артиллерия. Сделав в темноте несколько выстрелов, артиллеристы ушли обратно по шоссе, и весьма возможно, что брошенные ими несколько бомб оказали воздействие на неприятеля, который в течение наступившей ночи ничем себя не проявлял; явилась даже возможность послать большие команды людей от каждой роты за оставленными полком близь д. Конопница мешками и шинелями, а равно и накормить людей горячей пищей. Ночь была очень холодная и люди в одних рубахах страдали от холода, что и вынудило командира полка прибегнуть к подобному риску при данной обстановке.

Ночью получилось сведение о том, что Замостскому полку приказано очистить Повитенский лес. Тогда начальник дивизии, видя, что Модлинский полк может быть обойден с правого фланга, приказал занять рощу, что между Бартатовым и Мейским лесом. В полку осталось только 9 рот, так как 4 роты были оттянуты в дивизионный резерв—в лес, что юго восточнее Бартатова, а одна рота назначена в прикрытие артиллерии, расположенной у западной опушки леса, что по обеим сторонам шоссе восточнее Бартатова.

С рассветом 27 авг. (9 сент.) полк занял указанную ему позицию, не тревожимый противником. Роща эта представляла собою ровную площадь, местами болотистую и покрытую

большим лиственным и чисто содержимым лесом, в котором было несколько просек. Между этой рощей и Мейским лесом к западу от нее простирался совершенно ровный и открытый плацдарм, имеющий до 400 шагов в ширину, и это обстоятельство усиливало обороноспособность этого леса. Полк расположился в роще следующим образом: в боевую часть были назначены 9. 11. 12. 15. роты и пулеметы, а 1. 3. 4. 13. и 14. роты были поставлены в резерв. Три роты боевой части расположились по западной опушке рощи и окопались, 15. же рота была направлена к хутору, что в пол-версте восточнее Воли Бартатовска, для заполнения разрыва между Модлинским и Замостским полками. Роты, назначенные в полковой резерв, расположились вдоль просеки и также окопались.

В течение дня 27 авг. (9 сент.) австрийцы сильно обстреливали позиции полка, намереваясь, очевидно, атаковать, к чему днем были с их стороны неоднократные попытки, парализуемые огнем. Наша артиллерия в составе II. дивизиона 15. артиллерийской бригады, расположенного на позиции по обе стороны шоссе в редком лесу, что западнее корчмы Фееровка, а также и VIII. мортирного дивизиона, ставшего на позицию восточнее Бартатова, содействовали пехоте своим огнем. Условия местности, покрытой лесными группами, очень не благоприятствовали артиллеристам в смысле их наблюдений, что заставляло батареи иметь своих офицеров - наблюдателей в пехотных цепях. Неприятельская артиллерия очень искусно и быстро отыскивала наши батареи, что и вынуждало их менять по ночам свои позиции, а на местах прежних позиций устраивать ложные батареи с приспособлениями для искусственных вспышек на них. Подобное обстоятельство можно об'яснить несоблюдением всегда достодолжной осторожности со стороны артиллеристов при выборе их позиций. Вообще несоблюдение этой осторожности замечалась не у одних артиллеристов, но и в пехоте, а также и в штабах. Последние нередко располагались так, что противник их легко обнаруживал и часами держал под усиленным огнем. Так было и в данном случае по отношению штаба 15. дивизии: проведя ночь с 26 авг. (8 сент) 27 авг. (9 сент.) на шоссе в пол-версте восточнее Бартатув, штаб решил и на следующий день остаться на этом же месте. До полудня противник не обращал на это никакого внимания, но с полудня и до наступления темноты усиленно обстреливал месторасположение штаба артиллерийским огнем, при чем в штабе были потери.

В ночь с 27 авг. (9 сент.) 28 авг. (10 сент.) начались решительные атаки противника на участок, занимаемый Модлинским

полком, но каждый раз неприятель не выдерживал силы нашего ружейного и пулеметного огня и убегал обратно в Мейский лес, оставляя своих раненых и убитых перед позицией Модлинцев. Под утро атаки прекратились, но неприятель, усилив свою тяжелую артиллерию, в течение целого дня буквально засыпал тяжелыми снарядами позицию полка. Окопы на опушке рощи были уничтожены, много людей пострадало от срезанных снарядами деревьев; попутно с этим неприятель делал попытки атаковать, но это ему не удавалось. Особенно сильно пострадала в этот день 15. рота, занимавшая хутор восточнее д. Воля Бартатовска. Один из снарядов попал в самый хутор, который рухнул, задавив не-мало людей. С наступлением темноты боевая часть была усилена одной ротой из резерва. В общем этот день и следующий были едва ли не самыми трудными в этом бою для Модлинского и расположенного левее его Люблинского полков. Люблинский полк, понеся в этот день огромные потери, отошел из занимаемой им рощи на восточную окраину рощи, занимаемой Модлинским полком, и таким образом левый фланг Модлинцев был открыт. Из дивизионного резерва Модлинцам было дано две роты и прибыла еще рота Волынского полка, равно как были переданы в Модлинский полк остатки Люблинцев; кроме того, сюда же подошла отбившаяся от своего полка рота Симферопольцев. Роты Модлинского полка (5. и 6.), приданные полку из дивизионного резерва, заняли юго-западную и южную опушки рощи, дабы хотя отчасти парализовать опасность, угрожающую полку с юга; и сюда же было придано два пулемета Модлинского и четыре пулемета Люблинского полков. Для занятия рощи, оставленной Люблинским полком, был прислан командиром корпуса Севастопольский полк, но все попытки установить связь с этим полком ни к чему не привели и впоследствии оказалось, что Севастопольцы не дошли в этот день по назначению и австрийцы успели занять бывшую позицию Люблинцев. В общем положение на левом фланге 15. дивизии было, как в этот день, так и в следующий, очень тягостным. Противник обнаруживал всюду свои огромные силы, которым только нехватало решимости перешагнуть неширокий „рубеж смерти“, простирающийся к востоку от Мейского леса и к северу от урочища Чисты. Модлинцы едва держались на позиции, а между тем помочь им было невозможно за неимением для этого свежих резервов. Командир корпуса в 16 час. 28 авг. (10 сент.) доносил командующему армией: (дело № 21, стр. 120). „Положение корпуса крайне тяжелое. Все мои резервы уже истощены. Про-

тивник сильно наседает на наш левый фланг. Силы его очень велики. Надеюсь до вечера продержаться, но ночью или утром необходимо во что бы ни стало поддержать корпус хотя бы одним полком. До сих пор не вижу наступления ни VII. ни XII. корпусов, между тем это облегчило бы наше положение". Вместе с этим начальнику 15. пех. дивизии командир корпуса написал следующее (то же дело стр. 121): „Вам послано в поддержку все, что только можно было послать. Больше ни на какую поддержку не рассчитывайте. Пойдите лично со штабом в боевые линии, ободрите людей и начальствующих лиц, передайте им, что об отступлении не может быть речи. С Богом".

Когда начальник дивизии с начальником штаба прибыл к позиции Модлинского полка, он увидел несколько групп отходящих от рощи солдат. Это были солдаты Люблинского полка, направлявшиеся в Бартатов, намереваясь в нем найти укрытие от огня, хотя деревня эта сильно обстреливалась, и горела. Несколько ободрительных слов, обращенных к уходящим, пробудили в них солдатское чувство и они повернули обратно. В самой роще был ад. Пули насквозь ее пронизывали, тяжелые снаряды рвались всюду. Окопы не представляли собой сплошной линии, но были отрыты в виде отдельных лунок, сильно изрытых снарядами; в них кое-как укрывались люди. Ходя вдоль линии окопов, начальник дивизии ободрял солдат. Слова его возымели свое действие. Офицеры и солдаты клялись исполнить свой долг до конца и они сдержали свое слово. Наступали уже сумерки, когда начальник дивизии прибыл в окоп командира полка, сюда же прибыл начальник штаба 14. дивизии полковник Трофимов и заявил, что ему с небольшой, собранной им при штабе корпуса командой, приказано выбить австрийцев из рощи, которую занимал Люблинский полк. Он просил дать ему в помощь хотя бы одну роту, дабы выполнить возложенную на него задачу. Когда рота была назначена, то настала уже ночь и полковник Трофимов быстро повел свой отряд и вскоре со стороны „Люблинской" рощи послышалась сильная ружейная перестрелка. Во главе своего отряда полковник Трофимов был убит одним из первых в то время, когда он подошел к австрийцам и предложил им сдаться. Неприятельский солдат выстрелил в него в упор и смерть его была без агонии и мук. Люди, потеряв своего начальника и, не будучи в состоянии разобраться в лесу в темноте, отошли и роща по-прежнему осталась в руках у австрийцев.

Прежде, чем продолжать говорить о дальнейшем, необходимо остановиться на работе Люблинского полка, сражавшегося на самом левом фланге дивизии левее Модлинцев.

В одинадцатом часу утра 26 авг. (8 сент.) Люблинский полк подтягивался к д. Суховоля. Не доходя до этой деревни, полк встретил командира корпуса и последний направил в д. Бартатов один батальон с целью задержать наступающего неприятеля. Едва только этот батальон прибыл по назначению и приступил к укреплению у Бартатова позиций, как было получено от командира корпуса приказание о присоединение батальона к Симферопольскому полку, занимавшему леса западнее Бартатова. Состав батальона Люблинского полка был не полный и в нем находились только 14. и 15. и один взвод 16. роты, так как остальные были при тыловых учреждениях. Командир Симферопольского полка выдвинул эти роты к хутору Генрихов, в помощь находящемуся там батальону симферопольцев, приказав им разведать о том, что делается в стороне деревни Керница (дело №55, стр. 38 и дело №21 стр. 373).

Когда батальон подходил к восточной опушке леса, что восточнее хутора Генрихова, то командир Симферопольского полка потребовал на поддержку полка одну роту (14.), которая вошла в боевой участок этого полка, 15. же роте было приказано, выдвинувшись южнее хутора Генрихова, поддержать симферопольцев, ведущих бой с превосходными силами противника, наступавшими со стороны Керница. Слыша, что в стороне Генрихова идет сильный огневой бой, командир батальона приказал всей 15. роте люблинцев рассыпаться в цепь и в поддержку ей дал взвод 16. роты. Когда рота дошла до дороги между Генриховым и Керницей, то она встретила группы симферопольцев, которые отходили, и от них узнала, что противник охватывает левый фланг. Так как местность здесь повышалась к стороне противника, на гребне же такого еще не было, то командир роты решил как можно скорее занять этот гребень и послал туда офицерский дозор, который и обнаружил наступавшие шагах в 600 от гребня 2 батальона и еще 1 батальон, охватывающий левый фланг и направляющийся в лес, что южнее дороги на Керницу. Начальник дозора открыл огонь по наступающим. Командир батальона направил бегом одну полуроту на гребень, а на лес против обходящего с этой стороны противника было направлено три взвода с двумя пулеметами. Австрийцы уже заняли лес, когда наши взводы подходили к нему. Огонь противника заставил их остановиться и открыть в свою очередь огонь. Вскоре три младших офицера из этих

взводов были ранены, равно как много было раненых и среди солдат, и в это время из построек хутора Генрихова, которые до сей поры были заняты Симферопольцами, был открыт огонь во фланг 15. роте. Тогда командир этой роты, оставив один взвод на гребне, другим атаковал хутор, выбил из него около полуроты австрийцев и, заняв хутор, в свою очередь открыл по отходящим огонь, который и произвел заметное замешательство в его рядах. Отлично было видно, как две роты неприятеля обратились в бегство, но были возвращены на места вышедшею им навстречу ротою из резерва. Австрийцы, видя, что хутор перешел в наши руки, открыли по нем сильный ружейный и артиллерийский огонь, который и причинил значительные потери люблинцам. Приняв это во внимание, а также и непосильную для себя борьбу на два фронта,—командир батальона отвел 15. роту и взвод 16. в лес, что восточнее Генрихова, и организовал оборону его западной и южной опушек. Симферопольцы пытались выручить люблинцев из их трудного положения, но попытки эти успехом не увенчались, благодаря сильному огню противника.

Часов около 16, 8 (21) сент. начали прибывать и остальные части люблинского полка. К роще, занятой 15. и 16. ротами, подошли 5. и 6. роты, и пулеметная команда. Сюда же прибыла и седьмая рота. Противник энергично обстреливал западную опушку занятой люблинцами рощи. Здесь были ранены два ротных командира и начальник пулеметной команды, равно как и много солдат и вскоре противнику удалось атакою овладеть этой опушкой, но недолго он здесь продержался: 15. рота атаковала его в свою очередь и выбила, захватив отнятые австрийцами два пулемета, а равно как и одного офицера с 26 солдатами в плен.

Когда днем 26 авг. (8) сент. 3 батальона люблинцев с 6. батареей 15. артеллерийской бригадой были двинуты командиром корпуса из Мшаны на поддержку симферопольцам, то общим начальником над войсками, действовавшими в Мейском лесу, был назначен командир 1. бригады 15. пехотной дивизии генерал Фок. Дойдя до д. Бартатов, люблинцы встретили отходящие части симферопольцев и, когда обнаружилось стремление австрийцев обойти наш левый фланг со стороны д. Кернице, Люблинцы были двинуты в направлении на д. Яцко с целью в свою очередь охватить правый фланг противника. Лес, по которому пришлось совершать это движение, был очень болотист, что и расстроило порядок движения, равно как и замедлило его, но тем не менее, подход этих свежих частей приостановил

противника. Настала темнота, и так как модлинцы и замосцы получили уже приказание отойти, то Люблинцам и Симферопольцам приказано было также отойти к Бартатову. На позициях осталось сторожевое охранение.

В 4 часа 9 (22) сент. начальник 15. пех. дивизии направил Люблинский полк в рощу, что юго-западнее д. Бартатов. Полку было приказано упорно оборонять этот пункт. Полк был в составе 3 батальонов, части же IV. батальона, о которых упомянуто выше, были оставлены в Бартатове в резерве ген. Фока.

Роща представляла собою площадь около 2 квадратных верст, густо покрытую лесом; местами эта площадь была сильно болотиста, но в юго-восточной части она представляла собою сплошное болото, очень вязкое и препятствующее устройству даже самых неглубоких окопов. Лес, покрывающий площадь, был прорезан двумя просеками и изобиловал мелкой порослью.

Заняв рощу, полк расположился в ней следующим образом: первый батальон занял северо-западную опушку рощи, третий батальон двумя ротами занял ту же опушку, а двумя ротами юго-западную опушку, второй батальон расположился в глубине рощи фронтом на юго-запад в качестве резерва.

До 12 часов неприятель не показывался ни из Мейского леса, ни из перелесков со стороны д. Керница. Видимо австрийцы не ожидали и того, что мы ночью очистим занимаемые нами позиции в лесах и это обстоятельство заставило их быть очень осторожными при прохождении лесных пространств. Около полудня передовые части неприятеля показались на опушке леса со стороны д. Яцко. Они очень осторожно накапливались на опушке, обнаруживая стремление обойти рощу с юга по пологой возвышенности, охватывающей болотистую площадь рощи. Накопившись, они часов около 15 повели атаку, встреченую нами ружейным и пулеметным огнем. Потери неприятеля сразу оказались очень большими и он, что называется, обливался кровью. Все же, несмотря на это, неприятель продолжал идти вперед и так как болотистый грунт местности мешал быстроте его движения, то и потери его становились еще более значительными, и, наконец, неприятель, не выдержав огня, отхлынул в исходное положение. Понесенные неприятелем тяжелые потери заставили его быть более осторожным и в течение этого дня он более не пытался атаковать, ограничившись лишь усиленной канонадой. Ночью же австрийцы как бы удвоили свои усилия и дважды атаковали нас: первый раз между 22 и 24 часов, а во второй раз в 3 часа 28 авг. (10 сент.) Эти атаки они вели только с западной стороны. Было похоже на то, что они стремились

врезаться между Модлинским и Люблинским полками с тем, чтобы прорваться на Бартатов, но наш огонь парализовал это их намерение. Посланная по отбитии этих атак разведка обнаружила множество трупов в районе д. Яцко. Тут же оказалась и тяжелая неприятельская батарея, расположенная между д. Яцко и урочищем Чисты. Эта батарея, была так искустно применена к местности, что ни с одного нашего пункта она не просматривалась, благодаря чему и была неуязвима, а между тем она фланкировала позиции Люблинского и Модлинского полков, нанося им и в особенности первому из них большие потери.

28 авг. (10 сент.) атаки неприятеля возобновились и снова он начал обходить наш левый фланг. Теперь со стороны урочища Чисты напирали огромные силы противника, охватывающие все глубже наш левый фланг. Артиллерия противника, точно пристрелявшись, не жалела снарядов. Борьба приняла очень напряженный характер. Положение люблинцев было близко к критическому. Им на поддержку были двинуты роты из резерва ген. Фока, вслед за которыми с правого фланга полка были переведены вторая, третья, и четвертая роты с четырьмя пулеметами, но и этого оказалось не достаточным для удлинения левого фланга, все время угрожаемого глубоким обходом Наконец были передвинуты и поставлены уступом за левым флангом 9. и 10. роты, которые частью влились в цепи. Из дивизионного резерва пришлось направить единственный батальон Модлинцев, котарый, выйдя в направлении на Шнерх, сдержал дальнейшее распространение австрийцев. Около 12 часов командующий полком полковник Стааль был тяжело ранен заместивший его подполковник Бесядовский также был ранен вслед за ним и в командование полком вступил подполковник Горбов. Офицеров убыло до 75% наличного состава, солдат до 1300 человек; выбыло много старых опытных командиров, а также и унтер-офицеров, и их отсутствие в рядах ослабило полк главным образом в моральном отношении, не говоря уже про численное, ибо ряды полка поредели более, чем на половину. Поддержать истекающий кровью полк было нечем, и все это повело к тому, что, переутомленные боем люди начали подаваться к стороне рощи, занятой Модлинским полком. Все же вышеозначенные меры сдержали натиск противника на наш левый фланг, но зато западная опушка Люблинской рощи была почти обнажена от войск и на ней осталось только наблюдение. В таком положении остатки полка продержались до наступления темноты, когда было сообщено, что в помощь полку

прибудет Севастопольский полк, командиру которого было приказано занять рощу, а командующему Люблинским полком было приказано сорганизовать остатки полка, сформировав сборные роты, для чего отвести полк в Бартатов. За отсутствием офицеров, на должности ротных командиров были назначены уцелевшие фельдфебеля и унтер-офицеры. По мере сформирования, роты направлялись к Модлинскому полку. Между тем части Севастопольского полка, прибыв поздно вечером, не могли быстро разобраться в лесу с обстановкой, не заняли западной опушки рощи, каковая и была занята австрийцами. Попытки выбить их отсюда ни к чему ни привели, как уже и было сказано об этом выше, когда говорилось о смерти полковника Трофимова.

В общем на позициях как Модлинского, так и Люблинского полков, положение дел 28 авг. (10 сент.) обрисовывалось так: позиция Модлинского полка с утра начала обстреливаться ураганным огнем, который все усиливался и под вечер достиг наибольшей силы, а в то же время против Люблинского полка противник ведет стремительные атаки, обходя левый фланг полка. Огонь, направленный против модлинцев, достиг того, к чему стремились австрийцы, держать этот полк под постоянной угрозой атаки и поставить его в положение связанной по рукам части, лишонной возможности протянуть руку помощи изнемогаюшему соседу. Только лишь после того, как неприятель убедился в том, что все его усилия не приводят к решительной цели, огонь его начал стихать. С наступлением темноты бой замер окончательно. Положение Модлинского полка в ночь с 29 авг. и (11 сент.) 28 авг. (10 сент.) было чрезвычайно тяжелое и напряженное: Люблинский полк отошел с занимаемой им позициии и было известно, что в роще левее должны быть севастопольцы, но установить связь с ними не удалось, и было лишь установлено то, что западная опушка Люблинской рощи занята уже неприятелем. По всей вероятности неприятель, понеся большие потери, был переутомлен и, благодаря этому, ночь прошла спокойно. Под утро 29 авг. (11 сент.), в распоряжение командира Модлинского полка поступили два неполных батальона люблинцев, сформированных из остатков полка, кроме того, сюда же прибыла одна из рот Симферопольского полка, отбившаяся от своего полка, а. также и рота Волынского полка.

С 5 часов утра 29 авг. (11 сент.) австрийцы открыли огонь со стороны Люблинской рощи и повели наступление в обхват левого фланга модлинцев. Неприятель был встречен огнем, а роте

Волынского полка приказано было занять опушку леса, что между Модлинской и Люблинской рощами. Огонь этой роты, направленный на фланг атакующим, заставил их отойти обратно в Люблинскую рощу, которая, как показала эта атака, была свободна от наших войск и очевидно части Севастопольского полка, вошедшие сюда вечером накануне, покинули рощу, оставив таким образом левый фланг модлинцев открытым. Во избежание повторных попыток неприятеля атаковать с этой стороны, командир Модлинского полка приказал двум батальонам люблинцев и роте симферопольцев выбить противника из рощи. Эти части выполнили возложенную на них задачу. Они ворвались в рощу и штыками выбили из нее противника, понеся при этом большие потери. Противник отхлынул в Мейский лес и, судя по густоте его отходящих частей, можно было заключить, что в данном случае мы имели дело с двумя-тремя неприятельскими полками. Во время этой атаки были ранены командующие 2. 3. 4. и 12. ротами Люблинского полка и выбыло из строя около 300 солдат. Люблинцы, заняв рощу, оставались в ней в течение дня, с наступлением же темноты они были сосредоточены в восточной части рощи, так как в таковую прибыл Севастопольский полк, сменив люблинцев. Все это показывает,— насколько нерешителен был противник и как нервно он воспринимал проявление нами активности, допустив в данном случае двум слабым батальонам одержать над собою верх.

Около полудня 29 авг. (11 сент.) в виду того, что канонада со стороны противника разгоралась все сильнее и сильнее и можно было ожидать новых активных его выступлений, прибыл в Бартатов Свияжский полк из состава XXIV. корпуса. Полк этот был направлен в рощу, занимаемую Модлинским полком. Начальник дивизии намеревался при первой же возможности перейти в наступление, дабы вырвать инициативу от противника. Свияжцам было приказано атаковать Мейский лес, а Модлинцам поддержать эту атаку. Перейдя через окопы Модлинского полка, Свияжцы устремились по открытой поляне на Мейский лес, но были встречены таким сильным огнем, что, отойдя шагов 100 от опушки рощи, повернули обратно. Были тревожные минуты, когда полк этот перебегал обратно через окопы Модлинского полка; это могло увлечь людей этого полка, но, к счастью, Модлинцы остались на своих местах.

Вообще является сомнение в том,—следовало ли в данном случае атаковать, или же, получив подкрепление, использовать его как силу, могущую придать большую устойчивость в обороне и все, повидимому, говорит в пользу последнего мнения.

Захват инициативы в свои руки—дело бесспорно очень важное, но оно только тогда может принести существенную пользу, когда та сила, при помощи которой чаша весов с инициативой перетягивается на нашу сторону, настолько велика, что можно рассчитывать на то, что эта сила не даст своим давлением другой стороне перетянуть эту чашу, а наоборот — путем все большего и большего давления она окончательно парализует всякие намерения в этом направлении со стороны противника. Но дело в том, что в данном случае мы положительно не располагали такой силой, которая могла бы давить прогрессивно. Сама местность говорила не в пользу подобного образа действий. Неудача могла парализовать стойкость защитников рощи и создать здесь критическое положение, исправить которое, быть-может, было бы уже и невозможно. Возможны, конечно, случаи, когда и с малыми силами можно вырвать инициативу у противника, но они не часты и вообще относиться к этому нужно очень осторожно [1]).

Для того, чтобы подготовить самую атаку артиллерийским огнем, по возможности с ближайшего расстояния, были приняты меры, заключающиеся в том, что командиру 6. батареи 15. артиллерийской бригады было приказано поставить хотя бы один взвод в промежуток между Модлинской и Люблинской рощей с тем, чтобы отсюда можно было обстреливать восточную опушку Мейского леса. Посланный на разведки офицер артиллерист (поручик Воскресенский) часов в 16 нашел позицию для взвода и вскоре взвод занял таковую и открыл беглый огонь (дело № 55, стр. 113). Но недолго пришлось взводу стрелять при подобной обстановке. Неприятель сейчас же обнаружил место его расположения и засыпал его своими бомбами, заставив прекратить огонь.

К концу дня канонада со стороны противника достигла очень большой силы. С юга слышалась также сильная пальба. Это австрийцы атаковали 3. стрелковую бригаду и части XXIV. корпуса, действуя со стороны Комарно.

Та усиленная канонада, под которой противник в течение целого дня держа части VIII. корпуса, об'ясняется желанием приковать войска этого корпуса к занимаемым им позициям и не дать им возможности оказать помощь к стороне левого фланга.

---

[1]) Как было лучше действовать в данном случае, разумеется, может скорее всего решать сам автор настоящей статьи, как ближайший руководитель боем на этом участке. Но редакция не может согласиться с его общими рассуждениями насчет инициативы и полагает, с своей стороны, что она (конечно, в зависимости от обстановки) не только в состоянии сравнять силы противников, но во многих случаях и дать перевес более слабому над более сильным.

Тем не менее в ночь с 30 авг. (12 сент.) 29 авг. (11 сент.) неприятель отошел с занимаемых им позиций и хотя из показаний его пленных видно, что: „после боев 29 авг. (11 сент.) 26 авг. (8 сент.)—противник на фронте VIII. корпуса окончательно расстроен, бежит, бросая имущество и раненых, что офицеры у него почти все перебиты" и т. д., что и видно из телеграммы за № 75 начальника штаба VIII. корпуса, но показания пленных обыкновенно бывают значительно мрачнее действительности. Преследуя противника на далекое расстояние и пройдя за ним по самым свежим следам за линию озер, мы, по правде говоря, нигде не встретили на путях его отхода признаков того упадка и отчаяния, о котором говорили пленные. Отход совершался в порядке под прикрытием сильных арьергардов и причины его коренились в том, что войскам 4. и 9. наших армий удалось нанести сильное поражение неприятелю в местности к югу от Люблина, после которого держаться на позициях западнее Львова, а тем более стремиться к прорыву нашего фронта в направлении на Львов, стало для них стратегически невозможным, а потому вернее будет смотреть на отход неприятеля с линии 8. армии вообще и частей VIII. корпуса в частности не как на шаги, предпринятые им под влиянием нанесенного в данном месте разгрома, а как на стратегическую необходимость, создавшуюся под влиянием силы, надавившей на врага в ином от нас месте.

О том, насколько сильны были австрийцы в этом бою и что они к имевшимся в их распоряжении силам, и без того немалочисленным, подводили большие подкрепления, свидетельствует посланная командиром VIII. корпуса в штаб армии телеграмма за № 64 от 28 авг. (10 сент.) Телеграмма эта дает следующие данные по этому вопросу (дело № 21, стр. 129): „В шесть с половиной часов вечера воздушной разведкой выяснено следующее: от Городка к Повитенскому лесу наступает колонна глубиной 3—4 версты, от нее от Морги отделилась колонна глубиною в версту, направляющаяся в Петерсвальд. С запада к Городку по шоссе подходят две колонны, каждая глубиною более двух верст. От Ржешисаны на Каменоброд наступает колонна глубиною в одну версту. По двум дорогам от Лисковице на Добростаны наступают две колонны, по две версты глубиною каждая". О том же, что силы австрийцев были весьма значительны еще в самом начале этого боя, свидетельствует уже тот факт, что они решились перебросить их за столь серьезную преграду, как линия Городокских озер, и начать с ними наступление, рискуя при

неудаче иметь позади себя ту же линию озер, к которым они могли быть прижаты и испытать всю невыгоду и риск от подобного положения. Очевидно, что с малыми силами решаться на такой шаг было невозможно [1]).

Стягивание к фронту VIII. корпуса значительных подкреплений указывает и на то, что неприятель придавал большое значение этому фронту и напрягал усилия к тому, чтобы прорваться именно здесь к Львову, как в пункте, ближайшем от этого важного для них стратегического центра. (!!! прим. ред.)

Для нас этот бой был, повидимому, случайным на данной местности и мы не были готовы к нему в смысле определенного решения вопроса о том, как действовать в случае перехода австрийцев на восточную сторону Городокских озер. В первый же день боя замечаются признаки некоторой растерянности с нашей стороны. Два полка 15. дивизии почему-то выходят из подчинения начальника дивизии; вся 14. дивизия распыляется по полкам и даже батальонам и уплывает из рук своего начальства. Не используется столь, повидимому, выгодное для нас обстоятельство, как подход утром 26 авг. (8 сент.)15. дивизии к Ставчанам; от дивизии, без ведома ее начальника, уже взята бригада, тогда как удар целой дивизией из Ставчан в северо-западном направлении облегчил бы положение частей VII. корпуса и, быть-может, имел решающее значение в этом бою, как фланговый удар только начинавшему наступать противнику. Вместо этого утомленную ночным маршем дивизию сосредоточивают в Мшаны для того, чтобы раскидать полки по широкому фронту веерообразно и превратить сильный молот в слабую паутину, дыры которой, причиненные ей напором врага, пришлось штопать нитями, набранными из прочих „паутин", которые сами были тонки и могли быть легко прорваны. Ясно, что подобный образ действий указывает на отсутствие какого-либо предварительно составленного плана действий,—плана, в котором надлежало предусмотреть все случайности [2]). Разведка

[1]) Все эти рассуждения автора возможны только вследствие незнания событий в более широком масштабе, что запутывает и удлиняет изложение. Маневр австрийцев—переброска резервов, собранных против нашей 5. армии на фронт 3. и 8. армий описан и в иностранной военной литературе, и в „кратком стратег. очерке", изданном еще в 1918 г. на русском языке, почему гадание является неуместными. Полагая, что для ознакомления с общим стратегическим ходом событий на войне прошло уже достаточно времени, редакция прекращает, на данной статье, печатание статей, основанных на догадках, в основу коих не положено широкое изучение событий, в рамках которых протекают описываемые эпизоды. (Прим. редакции).

[2]) План, в котором предусмотрены все случайности, если и возможен, то будет очень нехорошим планом; от случайности мы гарантированы только на кладбище—и кладбищем энергии будет план, предусматривающий все возможные невыгодные обороты дела (прим. редакц.).

нашей конницы оставляет желать лучшего и, если бы действие конницы было бы вполне рациональным, то и переход противника через линию Городокских озер не явился бы для нас как неприятный и очень беспокойный [1] сюрприз, парализовать влияние которого при тех скромных средствах, которыми мы располагали, только и можно было путем правильно организованной обороны на заранее укрепленных позициях [2] и при наличности значительных резервов. чего у нас не было и что мы старались создать путем спешного надергивания не только полков и батальонов, но даже рот отовсюду, где только можно было их взять.

Л. Белькович.

---

[1] Кто дорожит спокойствием, тому вообще лучше не воевать (прим. редакц.).

[2] Возможно ли было заблаговременное укрепление позиций? Кем и когда? Очевидно, невозможно. Обстановка заставляет на войне иногда обороняться и без заранее устроенных окопов; обстановка в конечные минуты операции заставляет держаться не только без значительных, но и без всяких резервов. Редакция расходится с автором в основных предпосылках на моральную сторону боя, и потому считает необходимым отмежеваться и от проповедуемого автором методизма, от боя по правилам —умеренности и аккуратности (прим. редакц.).

Отчего 1. русская армия Ренненкампфа в августе 1914 г. не помогла 2. русской армии Самсонова.

В свое время много обвинений пало на голову 1. русской армии Ренненкампфа за то, что она не подала своевременно руку помощи погибавшей 2. русской армии Самсонова.

Беспристрастное изучение документов дает однако теперь возможность снять значительную часть этих обвинений и переложить их на счет действительного виновника наших неудач в Восточной Пруссии — первого главкосевзапа ген. Жилинского.

Его директивы удержали 1. русскую армию на северном направлении и лишили Ренненкампфа и Самсонова необходимого взаимодействия. Когда же для ген. Ренненкампфа выяснилось катастрофическое положение армии ген. Самсонова, время было пропущено и фактически помочь уже возможности не было.

Чтобы осветить обстоятельства, вызвавшие такое положение дел, необходимо ознакомиться с ходом событий непосредственно после сражения при Гумбинене [1]).

Командующий 8. герм. армией под влиянием неудачи Гумбиненского сражения и наступления 2. русской армии ген. Самсонова на Нейденбург, отдал распоряжение своим войскам об отходе на запад за р. Вислу.

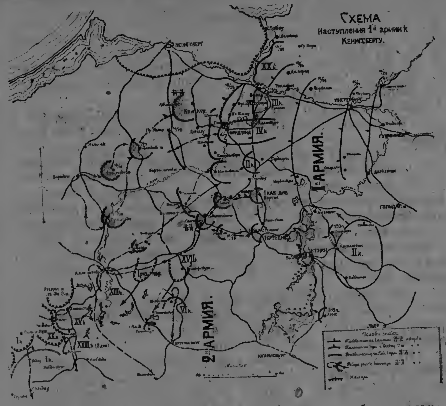
Отход этот начал приводиться в исполнение уже 8 (21) авг. и выразился в многочисленных перевозках по железным дорогам и в движении войск походным порядком.

Русской стороне это решение немцев оставалось неизвестным; и еще 9 (22) авг. ген. Ренненкампф в приказе своем по армии № 3 пишет: „7 августа неприятель отбит на всем фронте, отошел на несколько верст назад и укрепляется".

Благодаря такой неосведомленности русских, своевременного преследования немцев организовано не было и продол-

---

[1]) Обзор его смотр. Исторический Сборник № 3.

жение наступления 1. русской армии назначено было только 10 (23) авг.

Главные силы русских достигли в этот день линии Пеленинкен-Ишдаген-Даркемен, не встретив противника.

11.12 и 13 (24,25 и 26) авг. 1. армия продолжала двигаться вперед, не встречая сопротивления и занимая постепенно фронт:

11 (24) авг. Каушен—Тремпен—Скирляк.

12 (25) авг. Вирбельн—Поркитен—Норденбург—Ангербург.

13 (26) авг. Дамерау —Велау — Алленбург — Гердауен — Бартен—Розенталь.

В этот период к наступавшим войскам 1. армии присоединились: а) 56. дивизия, подошедшая с тыла и б) II. арм. корпус, переданный 9 (22) авг. из состава 2. армии в 1. одновременно с крепостями Гродно, Осовец и 76. п. дивизией, составлявшей гарнизон последних (телеграмма ш. фронта № 1236/9).

56. дивизия вошла в состав XX. корпуса, а II. корпус вышел на общий фронт армии 12 (25) авг. и стал наступать на ее левом фланге.

К 13 (26) авг. вполне выяснился широкий отход немцев, но не было еще известно, куда отошли их полевые корпуса: под Кенигсберг или же в район Вислы.

Занятием линии Инстербург—Ангербург директива фронта № 1 была выполнена 13 (26) авг. и I. армии была дана новая задача.

Ее сообщил ген. Орановский в тел. № 2764: „главнокомандующий приказал: дальнейшей целью 1. армии ставится: 1) обложение Кенигсберга частью сил, примерно 2 корпусами впредь до замены их резервными дивизиями, 2) преследование остальными силами той части войск противника, которая, не укрываясь в Кенигсберге, стала бы отступать к Висле... Совокупные действия 1. и 2. армий должны иметь целью прижать отступающих к Висле германцев к морю и не допустить до Вислы...“

Этим именно распоряжением 1. русская армия привязывалась к крепости и получала направление действий (прижать к морю), лишающее ее возможности оказать какую-либо существенную помощь 2. армии Самсонова [1]).

13 (26) авг. командарм 1. в развитие распоряжений главкома об'явил свою директиву № 2, в которой указал, что предполагается: 1) прочно обложить Кенигсберг, в мере возможности уменьшив линию обложения, и для этого отбросить противника с линии р. Дейме, 2) в виду ожидаемого сильного занятия р. Дейме, тщательно подготовить ее форсирование, содействуя этому обходом правого фланга линии р. Дейме, 3) по занятии линии обложения двумя правофланговыми корпусами и по ее укреплении, левофланговым корпусам продолжать наступление, 4) форсирование реки Дейме обеспечить также наступлением к Кенигсбергу, 5) в случае перехода противника в наступление бить его“.

В исполнение намеченного плана 14 (27) авг. корпуса были передвинуты:

XX. корпус к р. Дейме, III. корпус в район Велау—Рокельн, IV.—в район Фридланд-Аленбург, и II. в район Гердауен, кроме одной бригады 26. дивизии, которая направлена в Растенбург.

Армейская конница получила задачи: а) 2. гв. кав. див. разведку в районе р. Дейме, и обеспечение правого фланга

[1]) Позднее 15 (28) авг. было дано о том же формальное предписание.

армии, б) конный корпус ген. Хана Нахичеванского (2., 3. кав. и 1. гв. кав. див.) разведку впереди фронта армии между р. Прегелем и линией Даркемен — Гердауен — Бартенштейн, в) 1. кав. див. разведку южней этой линии и обеспечение левого фланга армии, в частности выяснение положения неприятеля у Летцена с западной стороны Мазурских озер.

I. отд. кав. бригада была придана XX. корпусу.

С обходом линии Мазурских озер с севера, представлялось важным совершенно очистить ее от неприятеля и самим стать твердо на ней.

Этому препятствовало главным образом нахождение в немецких руках укреплений у Летцена, почему у командарма 1. явилась мысль овладеть ими.

Когда II. арм. корпус был передан в 1. армию, он находился восточнее линии Мазурских озер.

С движением на Ангербург II. корпус оставил на месте против озер заслоны: а) 170. п. Молодеческий полк с $1/2$ батареей и 1 сотней казаков в районе д. Видминен, б) 169. п. Ново-Трокский полк с батареей, 2 пешими и 2 конными сотнями пограничной стражи у Ариса с выделением одного батальона в Лык.

13 (26) авг. командиру 170. п. полка было передано комкором II. приказание командарма: „приблизьтесь к Летцену и предложите коменданту сдаться в 4 часовой срок, угрожая в противном случае не оставить камня на камне. Само собой открытой силой Летцена не атаковать. Исполнить это надо под вечер 13 (26) авг., т. к. к этому времени корпус приблизится к Растенбургу и окажется в тылу у Летцена".

Командир 170. полка передвинулся 13 (26) авг. на линию Посесерн — Круглянкен и в 5 час. 14 (27) авг. послал полковника Булюбаша с поручиком Грюнбергом и штабгорнистом при белом флаге в Летцен.

Дальнейший ход событий изложен в донесении комкора II. от 15 (28) авг. за № 215: „через $1/2$ часа после выезда парламентеров раздалась ружейная стрельба, а еще через $1/2$ часа со стороны крепости появились две лошади без всадников одна — полковника Булюбаша, другая — штабгорниста.

В 12 час. 40 мин. в автомобиле прибыли из Летцена обер-лейтенант, вольноопределяющийся и горнист. Они привезли сношение. Полк. Кондратьев просил возвратить наших парламентеров, хотя бы и раненых".

В своем сношении немецкий комендант писал, что русские парламентеры обстреляны ошибочно, и по выздоровлении

будут возвращены; но что предложение сдаться он считает недоразумением, и что крепость будет сдана русским лишь в виде кучи развалин.

Таким образом попытка взять крепость одной угрозой, как и следовало ожидать, потерпела полную неудачу; русские парламентеры были обстреляны и раненые взяты в плен.

Возвращены они были лишь через месяц, при чем немцы извинялись в том, что ими ошибочно был открыт огонь и что серьезно раненые парламентеры не могли быть возвращены раньше.

К этому времени бывший командующий 8. германской армией ген. Притвиц фон Гафрон был смещен, и на его место прибыл фельдмаршал Гинденбург. Этот выдающийся вождь быстро изменил обстановку в свою пользу. Он собрал все силы, какие только мог против 2. русской армии Самсонова, оставив перед фронтом Ренненкампфа лишь гарнизон Кенигсберга, ландверные и ландштурменные части.

Между 13-16 (26-29) авг. он нанес решительное поражение Самсонову и затем только стал перегруппировывать свои силы против Ренненкампфа.

Вследствие постоянных передвижений как 1. так и 2. армий и недостаточной налаженности связи, штаб 1. армии не был достаточно и своевременно ориентируем в обстановке штабом 2. армии. Сведения с 14 (27) авг. доходили исключительно через штаб фронта с запозданием.

14 (27 авг.) для штаба С.-З.фронта выяснилось трудное положение 2. русской армии, почему 15 (28) авг. 1. армии было приказано оказать ей содействие выдвижением вперед конницы и двух корпусов.

Генерал Жилинский прислал Ренненкампфу по этому поводу следующую телеграмму (№ 3020): „части, отступавшие перед вами, перевезены железной дорогой на фронт 2. армии и упорно атакуют у Бишофсбурга, Гильгенбурга и Сольдау. Алленштейн занят нами. Окажите содействие 2. армии своим движением возможно далее вперед левым флангом на Бартенштейн выдвижением в сторону Бишофсбурга своей кавалерии. VI. корпусу приказано двинуться от Щепанкино на Пассенгейм“.

В развитие таких распоряжений штаб 1. армии телеграфировал (№ 611) своим корпусам: „противник атакует 2. армию на фронте Бишофсбурга—Гильгенбург—Сольдау. Алленштейн занят нами. С целью оказать содействие 2. армии направлены: IV. корпус на фронт Пр. Эйлау- Бартенштейн, а II. на фронт

Бартенштейн — Бишофштейн. «Конница Хана [1]) из района Абшвагеп—Мюльгаузен двинута на Пр. Эйлау — Ландсберг — Вормдит, оставив в занимаемом районе 1. гв. дивизию „Гурко [2]), направляется на фронт Зеебург — Бишофсбург. Рауху [3]) приказано переправиться через р. Прегель у Таплакена и двинуться в направлении Алленбург—Фридланд—Ландсберг“.

15 (28) авг. корпуса 1. армии передвинулись: III. на фронт от устья р. Дейме через д. Шенау до Фридланда, IV. (с 5. стр. бриг.) на линию Георгенау—Шенбрюх—Клинденберг, II. — на линию Шипенбейль — Скандау (бригада 26. дивизии от Растенбурга перешла в район Россель).

Конный корпус ген. Хана Нахичеванского оставался в районе Мюльгаузена, 2. гв. кав. див.—в районе д. Гр. Баум., а 1. кав. дивизия Гурки работала в районе южней Коршена.

Противник удерживал в своих руках западный берег р. Дейме; южнее перед фронтом армии были только небольшие части конницы, ландвера и ландштурма, отходившие на з. и ю.-з.

16 (29) авг. продвижение вперед продолжалось.

IV. корпус занял фронт Пр. Эйлау—Бартенштейн, а II. корпус—Галинген— Бишофтейн.

Конный корпус Хана Нахичеванского перешел в район Ландсберга, а 1. кав. дивизия — в район Хейнриксдорф — Сантопен.

Все части, кроме 5. стр. бригады, столкновений с неприятелем не имели.

5. стр. бригада, подойдя к Бартенштейну около 14 час. 16 (29) авг., встретила некоторое сопротивление со стороны гарнизона этого города, не имевшего, впрочем, артиллерии, и должна была выбить его оттуда.

В этой стычке захвачено в плен два офицера и 28 солдат 33. ландверного и 3. ландв. кир. п.; бригада понесла потери: 7 убитых и 62 раненых.

Гарнизон крепости Летцен произвел в этот день вылазку.

16 (29) авг. штабом 1. армии были получены две телеграммы ген. Орановского.

В 7 час. (№ 3040): „в виду тяжелых боев, которые ведет 2. армия, главнокомандующий приказал выдвинуть вам на поддержку ей два корпуса, а кавалерию направить в общем направлении на Алленштейн“.

1) Конный корпус.
2) 1. кав. дивизия.
3) 2. гв. кав. дивизия.

В 11 же часов (тел. № 2520): „2. армия отошла.., потому главнокомандующий приказал приостановить дальнейшее выдвижение выдвинутых вперед для поддержки 2. армии корпусов“.

В виду этого изменения обстановки командарм 1. на 17 (30) авг. приказал: VI. корпусу отойти в район Фридланда, II. корпусу начать отход на Алленбург.

Остальным частям армии было указано продолжать исполнение поставленных ранее задач.

К этому периоду относится попытка ген. Жилинского переместить II. корпус, путем перевозки по железной дороге через Варшаву в район 2. армии.

Первое приказание о снятии этого корпуса с фронта и направлении его в район Граево командарм 1. получил 14 (27) августа.

Однако, по ходатайству его, оно было 15 (28) авг. отменено. 16 (29) авг. приказание было вновь подтверждено, но вследствие развившихся в дальнейшем событий осуществления опять-таки не получило.

17 (30) авг. IV. корпус отошел на линию Георгенау—Гр. Шенау—Дидериксдорф, II. корпус—на линию Пааріс—Растенбург.

Конный корпус Хана Нахичеванского занял Гутштадт, 1. кав. дивизия—район Гейнрихсдорф—Сантон, а 2. гв. кав. дивизия перешла с правого фланга армии в окрестности Фридланда.

В этот день ген. Ренненкампф получил из штаба фронта телеграмму (№ 3045) о том, что ген. Самсонов ведет тяжелые бои с неизвестным результатом и приказанием „организовать поиск конницей в районе Алленштейна—Пасенгейм для выяснения положения Самсонова и оказания ему помощи“.

Командарм 1. отдал соответствующее приказание ген. Хану Нахичеванскому и Гурко и принял решение„ до выяснения обстановки удерживаться на р. Дейме и на фронте Велау—Алленбург—Гердауен—Дренгфурт (телеграмма комкору IV. № 647):

Вечером 17 (30) авг. немцы впервые за время подхода русских в районе кр. Кенигсберга проявили некоторую деятельность против частей 1. русской армии.

Около 3 часов на 18 (31) авг. такая попытка была ими возобновлена севернее Велау. Немцам нигде достигнуть русских окопов не удалось.

18 (31) авг. IV. корпус отшел за линию р. Омет, а II. на фронт Норденбург оз. Мауер.

Армейская конница двинулась вперед.

Отряд ген. Хана Нахичеванского от Гутштадта двинулся к Вормдиту, куда подошел около 15 час.

Здесь около батальона немцев с 3 броневиками прикрывали город и станцию. Русская конница завязала спешенный бой и произвела ряд взрывов в окрестностях Вормдита, а также сожгла ряд складов.

На поддержку обороняющимся из Мельзака прибыло два поезда с пехотой и орудиями. К вечеру Хан отвел свой отряд в район Фрауендорфа, потеряв 40 солдат и 8 офицеров, в том числе нач. див. 3. кав. ген. Бельгарда.

1. кав. див. Гурко двинулась из Фридрихсдорфа в 4 часа на Алленштейн, куда подошла около 15 час.

Алленштейн тоже оказался прикрыт пехотным полком (147. п.) с тяжелой батареей. Ген. Гурко налетом захватил передовую позицию немцев, а затем отшел в район д. Отендорф.

В этот день немцы продолжали обнаруживать деятельность на р. Дейме, при чем у Шелекена навели даже понтонный мост. Однако серьезного характера работа их здесь не носила.

Другое дело в районе южней кр Кенигсберга.

Тут было обнаружено движение отряда из трех родов оружия, при чем под давлением его 1. гв. кав. дивизия из района Мюльгаузена отошла днем к д. Швенау.

К 19 час. противник силой около полка пехоты с батареей повел наступление против сторожевого охранения 27. дивизии [1]) и оттеснил его на высоту д. Швенау.

Конница ген. Казнакова [2]) отошла во Фридланд.

В этот день командарм 1. получил впервые из штаба фронта определенные сведения о гибели 2. русской армии и о грозящем 1. армии давлении со стороны немцев.

Об этом поступила телеграмма ген. Ораповского № 2029: „ген. Самсонова постигла полная неудача и противник может свободно обратиться против вас, имейте это в виду, при вашем расположении вам надлежит принять все меры, чтобы разрушить железные дороги, по которым противник мог бы подвозить против вас войска; обратите внимание, чтобы противник не мог действовать против вас обходом на Летцен."

По этому вопросу около 11 час. между наштармом ген. Милеантом и ген. Ораповским произошел следующий

[1]) III. корпуса.
[2]) 1. гв. кав. дивизии.

весьма характерный разговор по прямому проводу. (Дело штаба 1. армии № стр. 160).

Ген. Орановский: „Какие меры вы предполагаете принять в виду положения дела в 2. армии?

Ген. Милеант: В виду положения 2. армии у меня является мысль о необходимости отойти с ныне занятой позиции на линию Инстербург, дабы занять такое положение и расположить так корпуса, чтобы весьма вероятный обход левого фланга армии через Мазурские озера можно было соответственно встретить контр-маневром. Эта мысль мною совместно с генералом-квартирмейстером обдумывается и обсуждается, я еще не докладывал ее командующему и поэтому не знаю, встречу ли сочувствие; хотелось бы знать ваше мнение по этому вопросу.

Ген. Орановский: Я совершенно с этим согласен. Вам надлежит обратить особенное внимание на серьезное разрушение железных дорог, дабы немцы не могли использовать их для перевозки своих войск. Пользуясь железной дорогой, они всегда успеют сосредоточить у вас на фланге значительные силы. Мнение ген. Ренненкампфа вы мне сообщите, я вам сообщил мое мнение, но не главнокомандующего, который еще воздерживается.

Ген. Милеант: Мы предполагаем осадить левофланговый корпус до Гольдапа.

Ген. Орановский: Правильно. Где конница Нахичеванского?

Ген. Милеант: Относительно конницы докладываю следующее: Хан Нахичеванский с 16 на 17 ночевал у Лендсберга, попортив сильно окрестные станции. Раух сегодня ночевал у Фридланда; Гурко—имею точные сведения—ночевал у Генрихсдорфа 10 верст к югу от станции Коршен к западу от Росселя, сегодня он двинулся на юг по направлению на Пассенгейм. по изменяющейся обстановке не признаете ли возможным прекратить конницей такие длинные рейды и обратиться к выполнению задачи исключительно разведывать на фронте и флангах, особенно левом. Нужно признать, что конница достаточно измотана и если ее своевременно не оттянуть, мы можем ее потерять.

Ген. Орановский: Конечно конницу теперь нужно притянуть к армии. Она была послана в виду исключительных обстоятельств.

Ген. Милеант: Слушаю. О результатах моего доклада командующему и его решение доложу вам приблизительно через час".

Продолжение разговора после доклада командующему армией:

Ген. Милеант: „Я ген. Милеант. Мой доклад по затронутым вами сегодня вопросам, как я и ожидал, не встретил сочувствия. С одной стороны, мне указали, что ни в коем случае отходить назад не согласны, т. к. это произведет дурное моральное впечатление, с другой стороны, на все мои указания о возможном наступлении неприятеля было отвечено, что, стоя здесь, можно парировать всевозможные удары. Единственно, что приказано, это выставить против Летцена дивизию в виде заслона, укрепивши его. Кроме того, мне указано, что вся кавалерия должна продолжать поставленные ей до сегодняшнего дня задачи. Одним словом, полный отказ во всех предположениях; при этом командующий высказал, что нас мало ориентируют об обстановке во второй армии. Что теперь делать?

Ген. Орановский: Я передам разговор Главнокомандующему.

Ген. Милеант: Все?

Ген. Орановский: Все“.

19 авг. (1 сен.) части 1. армии, кроме кавалерии, сохраняли занимаемое ими положение.

Конница ген. Хана Нахичеванского перешла в район Ляндсберга —2. гвар. кав. див.—в район д. Глиткемен, а 1. кав. див.—в район д. Кролингкем.

При этом 1. кав. дивизия, двигаясь от Блейхенбарта, в окрестностях Вусляк имела стычку с пехотой и артиллерией немцев, прибывшей по железной дороге с юга от Бишофштейна.

На р. Дейме немцы большой деятельности не проявляли, но на фронте 27. дивизии после 14 час. немцы завязали бой.

В дальнейшем немцы на высоте д. Шенау развернули около бригады пехоты с артиллерией и сделали несколько попыток наступать на 27. дивизию, занимавшую фронт Фридрихсдорф—Фридланд.

Удачный обстрел русской артиллерии всякий раз быстро приводил наступавшую пехоту к замешательству и отходу.

По характеру действий было видно, что здесь наступали ландверные части.

За 19 авг. (1 сен.) в штаб армии стал поступать ряд сведений, указывавших с несомненностью на сосредоточение немцев против 1. русской армии, притом, главным образом, против ее левого фланга.

Ген. Ренненкампф, как указано выше в разговоре ген. Жилеанта по аппарату, невзирая на представления своего штаба, упорно держался предположения отстаивать фронт р.р. Дейме и Омет.

20 авг. (2 сен.) с рассветом немцы открыли против 27. дивизии артиллерийский огонь и продолжали свои попытки наступать; но с тем же успехом как и накануне. После 14 час. они стали отходить к Кенигсбергу, причем после 16 час. делали это настолько поспешно, что бросили у Швенау склад тяжелых снарядов (около 600) и два зарядных ящика. 27. дивизия не преследовала: за оба дня боя она потеряла менее ста человек.

Командарм I. во исполнение своего решения—обороняться на линии рек Дейме и Прегель—20 авг. (2 сен.) отдал по армии приказ № 6, в котором призывал дать отпор:

XX. корпус—к северу от р. Прегель.

III корпус—р. р. Алле и Омет от Велау до Грюнхейма.

IV. корпус—от Грюнхейма до Норденбурга.

II. корпус—между озерами Норденбург и Мауэр, имея дивизию в заслоне против озер.

Подошедшая к фронту 57. п. дивизия включалась в IV. корпус.

Конница распределялась: а) I. ог. бр.—в XX. корпус, б) 1. гв. дивизия—в III. корпус, в) корпус ген. Хана Нахичеванского должен был разведывать перед фронтом IV. корпуса, г) 2. гв. кав. див.—перед II. корпусом западнее Мазурских озер и д) 1. кав. дивизии перейти через Ангербург к Гловкену (юго-зап. Гольдапа).

С наступлением темноты III. корпус и бригада 30. дивизии отошли за р. Алле и Омет, и все части армии стали закрепляться, чтобы дать отпор наступающим немцам.

Так создалось исходное положение для боев 1. русской армии при первом отступлении ее из В. Пруссии, или для так называемого немцами сражения при Ангербурге.

В наступлении 1. русской армии к Кенигсбергу являются два интересных вопроса: следовало ли связывать операции этой армии с действиями против кр. Кенигсберг и могла ли она оказать более существенное содействие 2. армии, чем это выразилось на самом деле.

Оба эти вопроса связаны между собой, т. к. если бы 1. армии не притянули к Кенигсбергу, то она, несомненно, была бы в состоянии оказать действительную помощь 2. армии.

Для этого после сражения при Гумбинене необходимо было своевременно и решительно двинуть 1. армию на юго-запад, примерно в направлении на Бишофсбург, оставив в районе Инстербурга — Тапиау — Алленбург в виде заслона от Кенигсберга несколько второочередных дивизий и часть конницы.

При направлении 1. армии прямо на запад (прик-ие фронта № 2764 — „прижать отступающих немцев к морю") она силой вещей вводилась в орбиту кр. Кенигсберг и не могла уже не считаться с этой сильной к тому же имеющей свободные морские сообщения, крепостью.

Только 15 (28) авг. штаб фронта ориентировал 1. армию в обстановке и дал ей приказ содействовать 2. армии выдвижением вперед левым флангом на Бартенштейн.

Это нерешительное и запоздалое указание, конечно, не могло принести уже никакой пользы: и хотя после сражения при Гумбинене корпуса 1. армии сделали по 5—6 усиленных переходов без дневок и сильно истомились, тем не менее, они не могли принести какого-либо облегчения 2. армии.

Таким образом главными причинами неправильных действий 1. армии и неоказание ею помощи 2. армии явились неправильные общие предположения штаба фронта и запоздалые его руководящие распоряжения, явившиеся следствием дурной связи и разведки о неприятеле.

Л. Радус-Зенкович.

Организация военного шпионства в Австрии во время войны 1914—1918 г.г.

Общий взгляд воевавших держав на военное шпионство.

Основываясь на мнении писателей и авторитетов о пользе и необходимости военного шпионства и на исторических данных о применении его в различные эпохи, державы—участницы минувшей Великой войны—признавали следующие три принципа:

1) При правильной, систематичной организации шпионства *в мирное время* оно приносит плоды с минуты об'явления войны и до ее окончания, давая государству постоянную осведомленность о намерениях и силах, как материальных, так и нравственных, своих соседей.

2) *В военное время* на фронте и на флангах противника тайная разведка дополняет войсковую, в особенности при затяжных действиях, в позиционной войне; в тылу противника, в области его предначертаний и его подготовленных к бою работ, тайная разведка незаменима войсковою.

3) Важно знать намерения врага, но не менее важно не обнаруживать своих. По образному выражению одного из авторов, писавших о шпионстве, оно представляет гриб, подтачивающий крепостной гранит и раз'едающий сталь оружия. Поэтому военное ведомство обязано принимать все зависящие от него меры для раскрытия неприятельских шпионов; а для успешного разрешения этой задачи необходимо хотя бы общее знакомство с организацией шпионства у соседей.

Первою на путь широкой и систематичной постановки военного шпионства вступила Германия в конце 50 годов минувшего столетия. Опыт войн 1866 и 1870—1871 гг. дали ей возможность еще более расширить и усовершенствовать выработанную организацию тайных разведок, могущую и ныне служить образцом для других государств [1]).

---

1) Германская организация изложена в нашем труде «Тайные разведки» (Военное шпионство) изд. 2-е.

Союзница и ученица Германии—Австрия отнеслась также серьезно к выработке системы шпионства. Наученная горьким опытом войны 1870—1871 гг. Франция постаралась сравняться в этом отношении с своей соседкой и соперницей—Германией.

В хвосте прочих воевавших держав шла Россия. На войну мы явились в отношении тайной разведки совершенно неподготовленными. Наши тайные агенты оказались людьми случайными, а не заранее подготовленными, разведка велась без системы и умения; в заведующих разведкой не было ни призвания, ни энергии к такой сложной работе. Первая попытка систематизировать военное шпионство была сделана военным министерством в 1895 г., когда от военных округов были затребованы проекты организаций с указанием примерных сумм, которые могут быть ассигнованы на это дело. Один уже размер этих сумм позволял предсказать, что ничего серьезного из возникшей затеи не выйдет. И к данному факту вполне применимы слова писателя, которого мы уже цитировали: „Все походило на то, как будто мы, зная, что серьезные люди без тайной разведки войну не ведут, завели ее у себя больше для отбытия номера и очистки совести, чем для надобностей дела. Вследствие этого она играли у нас роль той же приличной обстановки, „какую играет роскошный рояль, поставленный в квартире человека, не имеющего понятия о клавишах“ [1]).

А как смотрело начальство на тайные разведки уже во время войны, можно судить по следующему факту: в 1915 году команд. арм. 4. через ком. корп. XVI. поставил в упрек наштаа. корпуса недостаточное внимание к такого рода разведкам, что доказывалось, по мнению командарма, скромными расходами на этот предмет. Наштаа удвоил или утроил расходы в следующие два месяца, но, конечно, суть дела от этого не изменилась: несмотря на обещанные крупные вознаграждения, лазутчики, люди случайно набранные и к своей роли не подготовленные, исчезли бесследно вместе с выданным им денежным авансом.

Несколько лучше была поставлена у нас контр-разведка, что отчасти доказывается довольно обширным списком австрийских шпионов, зарегистрованных у нас, и не малым количеством пойманных: так, в одном XVI. корпусе менее, чем в течение года, было арестовано по подозрению в шпионстве в пользу

[1]) Писалось по поводу тайной разведки в Маньчжурии. («Действия Приамурской сводной казачьей бригады в северо-восточной Корее» А. А. Пескова).

австрийцев 8 чел., из коих вина 7 чел. точно установлена корпусным полевым судом, и они были преданы смертной казни.

Обратимся к организации австрийского военного шпионства.

Австрийские органы шпионства. Главные и второстепенные разведывательные бюро [1]).

Высшим учреждением, руководившим организацией австрийского военного шпионства, вербовкой шпионов и их подготовкой было *„Осведомительное бюро Императорского и Королевского Генерального штаба“*, находившееся в Вене.

Деятельность его имела характер преимущественно распорядительный и сводилась к направлению действий низших органов, к их контролированию и к разработке и сводке в одно целое всех добытых данных.

Следующую ступень составляли второстепенные бюро и отделы, ведавшие определенными районами и отраслями разведки по специальностям. Во главе бюро и отделов находились начальники-офицеры, имевшие от одного до пяти-шести помощников преимущественно, хотя не исключительно, офицеров. Исполнительными органами бюро были, во-первых, агенты и, во-вторых, вербовщики шпионов.

Агенты служили австрийскому правительству более или менее продолжительное время, были лично известны, испытаны и потому пользовались большим доверием. Продолжительная служба вырабатывала в них наблюдательность, изворотливость и, вообще, ловкость по отношению к шпионству. Они исполняли разнообразные поручения, как-то: личные тайные разведки, руководство и контроль низшей категории шпионов, наконец, набор последних, а равно и новых агентов. Часть их проживала в пределах Австрии, выезжая в Россию по мере надобности для исполнения того или иного поручения, часть же находилась на жительстве в Румынии или в самой России.

Некоторые агенты заведывали даже отдельными группами шпионов и самостоятельно посылали их в Россию.

Вербовщики шпионов занимались, как показывает самое наименование их, подыскиванием и приемом на австрийскую службу шпионов.

К некоторым бюро, например, Черновицкому, прикомандировывались жандармские вахмистры.

---

[1]) По данным штаба Ю.-З. фронта.

На схеме показаны все бюро, работавшие против России. Особенного внимания заслуживают:

1) *Черновицкое*, под начальством полковника Фишера, на которого было возложено главное руководство шпионством в России. Оно располагало большим количеством агентов, вербовавшихся в Буковине, Румынии и России, и имело в своем распоряжении значительные денежные суммы. Кроме обычного сбора сведений по военной разведке, Черновицкое бюро занималось политической пропагандой в пользу Германии и Австрии против России, ставило себе задачей порчу русских магистральных железнодорожных линий (напр., подготовлялся взрыв железнодорожного моста у Жмеринки) и склоняло русских солдат к дезертированию в Румынию. Из видных агентов бюро пятеро жили до войны в России: Адам Хаскалович и Станислав Кубик — в Варшаве, Бурдин — купец в Одессе, Гольдштейн—тоже купец в Кишеневе, Цукерман—переплетчик в Одессе.

2) *Львовское бюро,* состоявшее под начальством капитана Ведерица, обслуживалось почти исключительно женщинами, снабженными подложными русскими паспортами.

3) *Бухарестское,* два агента которого, Кунин и Рубинштейн, жили до войны в Москве. В Бухаресте румынской полицией было зарегистрировано более 700 германских и австрийских шпионов; здесь австро-германское шпионство свило себе прочное гнездо.

4) Бюро в *Оршове,* где начальником был ген. штаба капитан Кляр, имело в своем ведении Сербию, Румынию и часть Черного моря.

При штабах армий, корпусов и даже дивизий состояли также особые разведывательные бюро и отделения; так, в армии *Линзингена* начальником бюро был обер-лейтенант Фелькель, имевший четырех сотрудников-помощников; армию *Бэм Эрмоли* обслуживало Львовское бюро капитана Ведерина; в 48. германской дивизии, действовавшей против нашей 9. армии, разведкой заведывал Фехтнер; и т. д.

Контр-разведывательные бюро, числом 5 [1]) против границ России, находились в Мункаче, Ужгороде, Мармарош—Сигете, на железнодорожной узловой станции Уйхелы и в Станиславове. Во главе их стояли гражданские, не военные лица; например, Ужгородским бюро заведывал доктор прав Барецкий, Стани-

[1]) Показано на схеме.

славским—Птачевский, лицо без другой определенной должности, остальными—полицейские комиссары.

Контр-разведывательным бюро армии Линзингена, находившимся в Мункаче, начальствовал капитан Фридман, а в армии Бэм-Эрмоли ротмистр Себастиан, причем его бюро помещалось во Львове.

Школы шпионства.—Для подготовки агентов и шпионов в Австрии существовало три школы: в Вене, Кракове и Кошице (Кашау).

Во время войны школы комплектовались жителями занятых нами областей, вербовавшимися особыми агентами, состоявшими при школах, или людьми, поступавшими в них по собственному почину, по об'явлениям частного характера, публиковавшимися и рассылавшимися капитаном Моравским. Контингент учеников по прежним их профессиям был самый разнообразный: тут были актеры и шансонетные певички, фабричные рабочие и парикмахеры, проститутки и воры, словом—яркий калейдоскоп.

Курс для агентов продолжался 2—3 недели, а для обычных шпионов—от 8 до 10 дней. Заключался он в кратких сведениях о русской армии и в изложении обязанностей и приемов работы шпионов; в школе в Кашау преподавалось и подрывное дело.

По выдержании краткого экзамена, окончившие курс школ командировались, распоряжением Венского Центрального Отделения школы, частью, с определенными поручениями прямо в Россию, под видом беженцев или бежавших из плена, частью же в штабы армий по требованию их, причем штабы посылали за ними в Вену приемщиков — нижних чинов.

Переход шпионов в пределы России и возвращение их в Австрию:

Все шпионы, отправлявшиеся в район наших армий, снабжались для свободного следования через австрийское сторожевое охранение особыми письменными пропусками (пассиршейн), отбиравшимися на передовых постах. Для обратного перехода давались особые пропуски, отпечатанные на папиросной бумаге и легко прятавшиеся в мундштуки, пряжки подтяжек, между пальцами ног, в ушах, в кусках ваты и т. п. Иногда такие пропуски заменялись русскими кредитными билетами, намеченными тремя буквами „S. H. C.“; в некоторых случаях те же буквы ставились на полотне левого кармана брюк.

В тех районах, где наше охранение было особенно бдительно и где шпионы пробирались только с большим трудом, рискуя быть задержанными, австрийцы прибегали к следующей хитрости для водворения их у нас: выпуская шпионов из своих окопов, они приказывали им бежать по направлению к нам и открывали по ним огонь, якобы в подтверждение их бегства.

Тайные агенты, отправлявшиеся не в район армий, а вглубь России, следовали обыкновенно через Румынию, или по железной дороге на Унгены, или переходя через Дунай преимущественно между Тульчей и Измаилом при помощи местных жителей—„липован“, перевозивших дезертиров и агентов через реку за 20 рублей. В Тульче их встречали австрийские агенты, направлявшие их в Галац, составлявший как бы этапный пункт для шпионов, где их снабжали паспортами и деньгами.

Подложные паспорта и беженские пропуски имелись в достаточном количестве, так как они были похищены в Львове из канцелярии Главного Краевого благотворительного комитета. Более серьезные агенты получали паспорта французские, английские, американские и даже турецкие.

С целью распознавания австрийских шпионов иногда для каждой шпионской организации устанавливались особые секретные фразы, как бы пароли; например, для посылавшихся в район Сокаля фраза была такая: „Двадцать семь Ц". Большинство шпионов узнавали друг друга, обмениваясь при встрече словами: „Расплата", на что следовал ответ: „Хвала Богу".

Особо доверенные агенты, командировавшиеся в нейтральные государства, снабжались запонками с рельефным изображением на каждой бюстов Вильгельма и Франца-Иосифа. По пред'явлении этих запонок военным агентам, консулам и посольствам воевавших с нами держав, эти последние обязаны были оказывать во всем содействие командированным лицам.

Приемы работы шпионов. Способ действий австрийских шпионов при выполнении ими своих задач не отличался в общем от обычных в этих случаях приемов [1]). Отметим лишь некоторые детали.

Профессия, избранная шпионом при проживании в районе наших армий или в глубине России, определяла его способ работы. Большинство низших шпионов играли роль беженцев или дезертиров, некоторые занимались мелочной торговлей. Более крупные агенты выдавали себя за подрядчиков и коммерсантов.

При штабе ген. Пфлянцера был сформирован отряд шпионов, состоявший из калек и стариков, выпрашивавших себе милостыню.

Очень часто австрийцы вербовали в число шпионов 15—16 л. мальчиков; они терлись около штабов и обозов, подслушивали разговоры наших офицеров и солдат, рвали и портили телефонные провода; многие из них раз'езжали по железным дорогам в эшелонах под видом добровольцев и, пользуясь симпатиями воинских чинов, легко получали нужные им сведения, а при случае выкрадывали бумаги у везших их и зазевавшихся писарей или ординарцев.

В австрийских школах шпионства давались следующие практические советы. Сведения от солдат получать так: узнать чайную или столовую, где обыкновенно собираются нижние чины, постоянно посещать ее и заводить знакомства, обращая особенное внимание на служащих в телеграфных ротах, в искровых частях и в штабах. Для получения сведений не расспрашивать их, а вызвать спор, выдумав что-нибудь о ходе

---

[1]) Указаны в цитированном выше труде (см. примечание на стр. 94).

военных действий или о распоряжениях высшего начальства. Рекомендуется также угощать солдат под предлогом патриотизма и симпатии к военным и, затем, как бы из любопытства, добиться нужных сведений из разговоров. Женщинам советуется заводить знакомства с офицерами. Когда они приходят в компании—требовать вино. Беседуя между собою и вступая в споры, офицеры могут выболтать военные тайны, между тем как один офицер ничего не скажет важного малознакомой женщине, в особенности проститутке.

В школах шпионства подчеркивалось, что пользование проститутками на театре военных действий особенно выгодно, так как на них подозрения в шпионстве не падают, и в этом отношении все внимание устремляется только на мужчин. По этим-то соображениям агентам и шпионам советуется скрываться у проституток и в публичных домах.

Любопытно то, что пропаганду сдачи в плен и дезертирства из русской армии взяли на себя 4 студентки Львовского университета. Они поступили добровольцами в австрийскую армию с целью периодической сдачи нам в плен и соответствующей пропаганды среди наших солдат.

Политическая пропаганда производилась агентами—эмигрантами из Малороссии, организовавшими *Союз для освобождения Украйны*, субсидировавшийся австрийским правительством. Задача агентов этого союза заключалась в том, чтобы в случае отступления русской армии в Малороссию всячески вредить ей, препятствуя работе земств и городов на пользу армии, взрывая мосты, склады, магазины и т. п. Соответствующие указания для этой работы давались австрийским генеральным штабом.

Доставление сведений, добытых шпионами.

Все собранные данные доставлялись в австрийские войска, в бюро или же в определенные пункты самими шпионами, или же специальными почтальонами. Важную передаточную роль играли 2 конторы Линде. Сам Линде, австрийский артиллерийский офицер, числился директором Бухарестского филиального отделения якобы коммерческого учреждения в Араде (в Венгрии) под фирмою „Виктория", имевшего целью посредничество между пленными австрийцами и их родными для пересылки посылок и корреспонденции. В конторах Линде служило несколько германских и австрийских офицеров. Шпи-

онская корреспонденция, поступавшая в Бухарестскую контору, пересылалась оттуда специальными курьерами в Арад, где тщательно просматривалась, цензуровалась и затем рассылалась по принадлежности.

Для доставки шпионских донесений австрийцы пользовались также почтовыми голубями; таковые были обнаружены в Подволочиске и в Радоме.

В шпионских школах рекомендовалось запоминать все собранные сведения наизусть, а при невозможности записывать себе на память непременно условными буквами или цифрами; например, каждый род оружия обозначать условной буквой, номера полков — цифрой, иногда умноженной в несколько раз; всей записи придавать вид счета, чередуя слова с цифрами; например, 122. пех. полк записать так „Печение 1 руб. 22 к.“

Бюро посылали донесения на условном коммерческом языке. Для обозначения вновь формируемых корпусов к цифрам прибавлялись нули, для корпусов Европейской России — три, для Сибири — два, для Кавказа — один[1]).

Донесения писались по возможности на папиросной бумаге секретными чернилами, в обыкновенном виде незаметными на белой бумаге и проступавшими наружу только при нагревании [2]); папиросная бумага вкладывалась затем под внутреннюю цветную подкладку конверта.

Иногда донесения писались на конверте под внутренней подкладкой.

Денежные расходы по австрийскому шпионству.

Мы не располагаем данными, позволяющими судить о расходах Австрии на содержание шпионской организации. Судя по некоторым цифрам, австрийцы щедростью не отличались: так, например, шпионам, посылаемым в Россию, они выдавали на расходы авансом только 80—150 рублей русскими кредитными билетами; за взрыв моста у ст. Жмеринка, которому они придавали большое значение, или за развинчивание рельсовых гаек перед самым мостом они предлагали 25 тысяч рублей. На-ряду с этим шпион Бурдин, купец из Одессы, получил в апреле 1915 года 16 тысяч рублей.

---

[1]) В приложениях 1 и 2-м помещены образцы условного шифра двух австрийских шпионов.

[2]) Такую реакцию дает раствор квасцов на воде.

Но как бы велики ни были расходы Австрии на организацию шпионства, они во всяком случае ничтожны по сравнению с общими громадными расходами, вызванными Великой войной, и несомненно окупились достигнутыми результатами.

В. Клембовский.

Приложение I.

Документ, оказавшийся при арестованном и сознавшемся в шпионстве Хаиме Левентоне.

Одесса: сера — Кавказские войска.
шерсть — Петроградские войска.
шерсть — Харьков — Тула.
Образец: сера (шерсть) прибыла или не прибыла, можно найти баржи для Рени или нельзя найти.
Ячмень — поезда.
Знаменка: — номер полка.
Цена образца — количество поездов.
Тула: полотно — Сибирские войска.
Овес возможно продать — формирование новой армии.
Новые образцы — номер полка формируемого или существующего.
Золотов: — Севастополь.
Рафалович: Лемберг.
Серебров: — Варшава.
Осадное положение об'явлено — Золотов дома.
" " " " не об'явлено — Золотова нет дома.
" " " " предполагается — Золотов приходит домой.
Настроение подавленное — урожай ячменя хорош.
Николай смещен — урожай пшеницы хороший.
Николай болен — урожай ржи хороший.
В Сороках есть укрепления — шерстяные чулки продаются.
" " " " нет укреплений — шерстяные чулки не продаются.
(Дальше следовали те же два вопроса по отношению к Могилеву, Окнице и Бельцам, причем укрепления обозначались в первом пункте шерстяными рубашками, во втором — перчатками, в третьем — кофточками).

Приложение 2.

ТЕЛЕГРАММА

Посланная задержанным и сознавшимся в шпионстве Фишем.

Текст:	*Об'яснения Фиша:*
Роберту Бухарест гостиница Континенталь.	
Ремни негодны к продаже 400 п. ржи по 478 коп. и 150 пуд. по 98 коп.	Войск мало 400 человек 478 пешей дружины и 150 чел. 98. конной сотни.

Мошкович.

Два прорыва укрепленных позиций.

„Больше разумом и искусством побеждают, нежели множеством“.
(Петр Великий).

Односторонне-ложное толкование Суворовской „Науки побеждать“, на которой в течение почти полувека построено было обучение русской армии перед мировой войной, неизбежно клало свой отпечаток почти на все наши действия, и если нам удавалось постепенно выбиваться на правильный путь, это достигалось обычно ценою поражений или, по крайней мере, тяжелых потерь.

Хотя с об'явлением войны не только главкомы и командармы явочным порядком получили полную свободу давать подчиненным им войскам свои указания „в развитие и дополнение“ существующих уставов; хотя некоторые из них и действительно давали такие указания в духе требований, вызываемых современными средствами ведения боя, — привычка и слишком долгая работа на названных выше *псевдо-суворовских* основах делали свое дело: большинству начальников, и не из старших только, чтобы уверовать в правильность этих *новых для них* требований, нужно было *лично* на себе испытать крушение родных им старых понятий. Подробное и всестороннее исследование этого очень интересного в жизни нашей армии и в истории русского военного искусства вопроса в будущем с окончанием разбора архивов послужит темою специальной монографии; теперь же мы ограничиваемся лишь одною стороной дела: вопросом о прорыве укрепленных позиций.

Боевое значение тяжелой артиллерии после русско-японской войны мы, наконец, признали официально, но к войне 1914—1917 гг. имели ее еще мало; практики в боевом ее применении не было совсем. Случаи же применения ее на войне в марте 1915 г. на Днестре, в мае при форсировании р. Прута в районе Каломыи и в боях на Стрыпе у Гайворонки и Семиковце в сентябре против *слабых позиций* австрийцев до

известной степени были причиною некоторой переоценки ее силы.

Названные выше атаки нам неизменно удавались после прорыва противника на самом ограниченном по размерам фронте и сравнительно с очень скромными средствами. Слабые австрийские окопы *того времени* быстро бывали разрушаемы нашей немногочисленной тяжелой артиллерией, а австрийцы после прорыва, как уже сказано, на самом ограниченном фронте, начинали отступать на свои резервы. Часто очень горячие их контр-атаки легко преодолевались нашими ударами, и производившие их части попадали в наши руки пленными.

Команд. арм. 7., ген.-адъютант Щербачев, еще в ноябре (приказ 7. армии 19 ноября (2 декабря) 1915 г. № 942) указывал, что „тяжелую и мортирную" артиллерию следует рассматривать как *активную* силу, способную проложить дорогу пехоте среди самых прочных укреплений противника". „Поэтому, — говорит его приказ,— она никоим образом не может служить лишь для усиления легкой артиллерии дивизий, а должна применяться, как самостоятельное средство, для решения важнейших боевых задач и действовать массой.

Тем же приказом устанавливалось: 1) обязательное сосредоточение управления ею в руках специально назначенного артиллер. начальника, подчиненного непосредственно комкору; 2) назначение в помощь ему особого офицера генер. штаба, и 3) наличие у руководителя тяжелою артиллерией своей *собственной* телефонной связи. В приложенных к этому приказу „Указаниях по атаке укрепленных позиций" признавалось желательным для атаки назначать свежие войска из резерва, для которых устраивать закрытия *возможно ближе* к окопам 1. линии или *даже впереди их*" . . . .
„необходим сбор самых обстоятельных сведений о местах расположения окопов противника, фланкирующих построек и особенно мест расположения пулеметов" . . . . . .

„На основании собранных сведений производится как размещение артиллерии (нужно всегда искать возможности поражать окопы противника фланговым или, по крайней мере, косым огнем), так и распределение задач между батареями; точно определяются местные предметы (окопы), которые должны быть захвачены и закреплены" . . . .

„На надежность телефонной связи во время атаки должно быть обращено исключительное внимание" . . . .

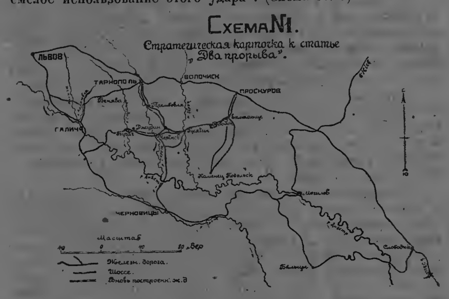
„Устройство проходов в широкой проволочной сети достигается лучше всего сосредоточенным огнем фугасными бомбами

тяжелой полевой и гаубичной артиллерии и гранатами легкой пушки“ . . . .

. . . .

Из приведенных выписок видно, что командарм 7. преподал еще в ноябре совершенно правильные взгляды на применение тяжелой артиллерии в своей армии, которая через несколько дней должна была провести их в жизнь.

24 ноября (7 декабря) главкокоюзом дана директива (№ 3249) для наступательных действий. Целью наступления указано „нанесение армиями юго-западного фронта *сильного удара* противостоящим австро-германским силам и энергичное смелое использование этого удара“. (Схема № 1).

Первоначальною задачей армиям фронта директивою ставилось „разбить живую силу врага, сосредоточенного на фронте между Полесьем и р. Прутом“. Для этого предписывалось: „удерживая первоначально смелыми и настойчивыми натисками сил противника на фронте 8. армии и привлекши его внимание *энергичной атакой* 9. армии в пространстве между Днестром и Прутом, *главный удар* нанести 7. армией на фронте Бенява-Бучач и 11. армией в районе Тарнополя, в целях, *прорвав* в центре расположения противника и отбросив его энергичным преследованием за р. Нараювку, *резервами* 7. армии совместно с 11. армией быстро развить прорыв в северном и северо-западном направлениях, стремясь нанести врагу воз-

можно большее поражение. Резерв фронта — гвардейский корпус—продвигается уступом за правым флангом 7. армии".

Для этого *главного* удара *с прорывом сильно укрепленной позиции* 7. армия располагала всего 24 шестидюймовыми гаубицами, с 3654 бомбами и 1770 шрапнелями и 12 сорокадвухлинейными пушками с 2064 гран. и 2064 шрапнелей; полевые мортирные дивизионы по штату.

Первоначальный состав армии: II, XVI. и V. кавказск. арм. к—са и 3. Туркестанская стрелковая бр—да. Время дальнейшего подвоза снарядов не было *известно;* началом операции *назначено* 12 (25) декабря.

Ко времени получения директивы армия большею частью находилась еще в окрестностях Одессы; перевозка ее только что начиналась. Ранее располагавшиеся на отведенном армии участке части 82. дивизии и XXII. армейского корпуса находились от позиций противника в 8—10 верстах; в штабах 11. и 9. армий фотографий этого участка фронта не было.

При таких условиях сведения о позиции и вообще о расположении здесь противника были ничтожные, в целях же сохранения в тайне сосредоточения здесь 7. армии главкомом, чтоб не показывать австрийцам подвозимых сюда новых корпусов (пленными)—*вести войсковую разведку частями 7. армии было запрещено.*

Упрощенный взгляд на операцию прорыва сказался также и в выборе участка для него: в отведенном для сосредоточения 7. армии районе не было вовсе жел. дороги: ширококолейный участок Подольской был доведен к этому времени только до Городка, (100 в. от Стрыпы), а узкоколейка с конною тягой Ермолинцы-Гусятин была в таком состоянии, что вместо 30 тысяч пудов могла подавать едва 5—10 тысяч в сутки. Не было даже надежного и исправного шоссе до самой австрийской границы: свежепостроенное уже во время войны Ермолинцы-Гусятин было очень разбито и не ремонтировалось: некоторые же участки его вследствие большой крутизны под'емов и спусков при тогдашнем состоянии полотна были почти совершенно непроезжими.

Базирование 7. армии приходилось иметь главным образом на Волочиск, на железную дорогу, обслуживавшую 11. армию. Движение на ней было также очень затруднено: станция Волочиск удалена от района прорыва до 70 верст. Наконец оттепель, мокрый снег, глубокая вязкая грязь (чернозем), полное отсутствие местных средств, дров и крыши в районе пред-

стоявших действий войск обрекали их на исключительно тяжелые лишения.

Очерченными выше условиями войска вперед уже обрекались во время боев на недоедание и лежание в грязи без какой-либо возможности обсушиться и согреться. Сапоги от похода по здешней грязи буквально разваливались; в армейском же запасе их было мало.

Обширные мероприятия в Одессе по подготовке к десанту[1]) и намеченная быстрота переброски армии в район атаки давали надежду застать противника врасплох.

Только это одно и могло оправдывать все указанные выше ненормальности в назначении штабом фронта срока атаки и в выборе района. Но по независящим *от армии* причинам быстрота эта была проведена не в полной мере: во-первых перевозка, вместо назначенного первым днем 20 ноября (3 декабря) началась только 22 ноября (5 декабря), а затем и срок прорыва, назначенный сперва (директ. ю.-з. фр. № 3550) на 12 (25) декабря, перенесен на 4 дня: 9. армия (бывшая на месте) должна была начать атаку 14 (27) декабря, 7.—16 (29) декабря.

Атака.

Австрийские позиции на назначенном участке прорыва *теперь* были далеко не теми, с которыми приходилось иметь дело нашим войскам в сентябре: теперь они были оборудованы специально против тяжелой артиллерии; теперь здесь уже приложен был (немцами) опыт, приобретенный ими на западном фронте. Для успеха нужна была очень сильная тяжелая артиллерия и иные условия подготовки своего исходного положения.

У нас артиллерии было очень мало, а на подготовку своего положения не было времени: *день атаки и участок прорыва были указаны свыше.*

Схема атаки (приказ 7. армии 067) сводилась к следующему: на небольшой фронт стягивалась возможно сильная ударная группа: 3/7 сил на 8 верст (при фронте армии 48 в.), вся наличная тяжелая и почти вся горная артиллерия—последняя для развития успеха. Прорыв возложен на II. арм. к—с; за ним резерв командарма—3. Туркестанская стрелковая бригада.

[1]) 7. армия сначала была собрана в районе Одессы для перевозки морем в Болгарию и затем решено ее быстро (чтобы застать пр-ка врасплох) направить для прорыва в Галицию.

Соседние корпуса—V. Кавказский и XVI. получали задачу атаками на своих внутренних флангах, примыкающих к к-су, содействовать последнему.

Атака эта, как уже упомянуто выше, была отложена главкомом. на 16 (29) декабря: 7. армия усилена XXII. армейским и II. кавалер. корпусами. (Дир-ва 9 (22) дек. № 3590).

Приказом 7. армии 0204 для атаки 16 (29) декабря идея удара сохранена, лишь проведена более выпукло: артиллерийские средства II. арм. к-са усилены мортирным дивизионом XVI., для развития успеха назначен весь XVI. к-с. (резерв командарма); 3. Туркестанская стр. бригада усилила собою ударную группу генерала Флуга (к-ра II. к-са); одна кавалерийская дивизия поставлена непосредственно за II. корпусом.

К вечеру 15 (28) декабря все части заняли исходное положение. Тайна была соблюдена в полной мере: по показанию пленных о готовившейся атаке со стороны русских за весь период сосредоточения и подхода 7. армии им ничего известно не было.

Была оттепель; дороги и почва размокли; передвижения затруднены до крайней степени; походную кухню по грунтовым дорогам едва тянула четверка.

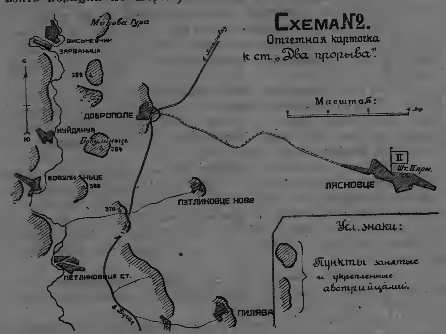
С рассветом 16 (29) декабря 9. армия на всем фронте перешла к решительным действиям. После довольно упорных боев за передовые опорные пункты противника (здесь окопы имели довольно солидную проволочную сеть) у Доброполе, Петликовце Нове и Пилява к вечеру наши части овладели ими, взяв до 400 пленных, и сблизились с главною позицией. (Отчетн. карточка № 2).

В основание действий II. арм. к-са 16—18 (29—31) декабря командиромъ его положено было—быстрыми и энергичными действиями использовать неожиданное для противника появление свежих сил на фронте.

Во время боев 16 (29), сколько было возможно, дополнена разведка (фотографич. снимков позиций—уже сказано выше—не было); в ночь на 17 (30) должна была быть установлена на новых местах артиллерия. По характеру местности генер. Флуг наметил собственно для прорыва участок около 4 верст—высоты 382—384 (с них открывался отличный обзор на весь участок противника перед корпусом и за Стрыпу) и промежуток между ними.

Ограниченные артиллер. средства (всего 36 тяжелых орудий и два легких мортирных дивизиона) не позволяли вести равномерный удар по всему этому фронту; поэтому главные

усилия им направлялись на выс. 382, куда назначена 26. пех. дивизия с придачею ей полка и дивизиона 43., на высоту 384—2. полк 42. пех. дивизии с дивизионом. Два полка 43. п. дивизии и 3. Туркестанская стр. бр-да составили резерв командира к-са для развития успеха. (Количество пехоты, как и подтвердили позднейшие события, для исполнения первого акта прорыва значения не имеет; перегрузка пехотою, наоборот, ведет только к потерям и расстройству частей. Пока цела проволочная сеть и фланкирующие постройки, пехота взять позиции не может).

Атака была намечена на утро 17 (30) декабря, но сложность развертывания тяжёлой артиллерии, при отсутствии у нас опыта с нею, затянула дело, и огонь был открыт только около 15 часов.

Надежда на эффект „внезапности", *точные* расчеты размера воронок одного снаряда и длины обстреливаемого фронта и наконец *прежние* успехи над австрийцами привели к тому, что лучшие из русских артиллеристов — *знатоки тяжелой артиллерии*—признали возможным достигнуть нужного разрушения *частым* огнем; тем более, что „на ведение систематического огня было недостаточно снарядов".

Огонь продолжался $1/2$ часа, после чего части II. арм. к-са двинулись в атаку по всему фронту; V. Кавказский и XXII. арм. к-са исполняли возложенные на них задачи.

Пехота на всем фронте нашла проволочные заграждения целыми и, когда пыталась их разрушить своими средствами, была встречена сильным ружейным и пулеметным огнем с изломов фронта и из фланкирующих построек.

Не будучи в состоянии выполнить своей задачи, 26. дивизия и части 43. отошли на „исходную позицию“ [1]).

Этот бой показал, что подготовить атаку на 4-верстном фронте наличная артиллерия в такое короткое время не может.

Комкор. решил повторить атаку на следующий день, сосредоточив огонь артиллерии всего на 2 верстах. Для этого пришлось сделать изменения в расположении батарей, что заняло время до 15—16 час.

Новая артиллерийская подготовка длилась также $1/2$ часа. Окопы теперь пострадали сильно, но проволока основательно была разрушена только в одном месте. Атака была отбита. Лишь там, где сеть была уничтожена, 2-3 ротам удалось ворваться в расположение противника.

В боях за укрепленные позиции весною и осенью 1915 года таким образом начинался успех: ворвавшиеся части развивали прорыв в стороны, их поддерживали резервы. Теперь же эти роты попали под огонь из приспособленных к бою ходов сообщения и из 2. линии. Частью они попали в плен, частью отступили. Потери 26. дивизии за обе атаки были: 68 офиц. и 3485 н. ч.

Две неудачи, большие потери, а также пребывание в невылазной грязи подорвали силы дивизии, и новое повторение атаки ею едва ли было возможно.

Комкор. решает произвести перегруппировку и продолжать атаку частями 43.

За 17 и 18 (30 и 31) декабря артиллерия II. арм. корпуса выпустила:

6 дм.	2616	бомб.	и	295	шрапн.
48 лин.	1778	„	и	382	„
3 дм.	3956	гран.	и	2968	„

т.-е. 17 (30) декабря—на 4 в. фронте—один 6 дм. снаряд приходился на 3 саж. фронта, а 18 (31) на 1 сажень, тогда как немцы на французском фронте выбрасывали до 43 бомб.

[1]) Потери: 26. п. див.—38 офиц., 1667 н. ч. V. Кавк. к—са—5 оф., 250 н. ч.

Эти бои показали, что с такою подготовкою артиллерией успеха одержать нельзя. О неожиданности наступления в дальнейшем думать не приходилось.

Командарм предписал вести подготовку методически с проверкою каждого выстрела.

43. дивизии теперь комкором был указан фронт выс. 384. выс. 380 обе вкл. (прз. II. к-су 29 дек. (11 янв.) № 0637). Ей передана вся тяжелая артиллерия, два горных и один легкий дивизион 26. арт. бр-ды.

19 и 20 дек. (1—2 янв.) ушли полностью на перегруппировку артиллерии. Учитывая малые результаты предшествующей работы артиллерии, н-к 43. пех. див. собственно для прорыва наметил уч. всего около 400 саженей по фронту, именно высоты 384 (Бобулинце).

Сюда должна была направить свой огонь тяжелая артиллерия; легкие мортирные дивизионы получили задачу обстреливать соседние участки.

Часть тяжелой артиллерии получила специальную задачу—пробить два прохода в заграждениях. Пристреливаться должно было *каждое орудие.*

К этому времени в распоряжении к-са было всего около 700—6 дм. и 1352—48 л. бомб. Снаряды, высланные главкомом. (он давал только после получения донесения о расходе), были в пути, определить точно срок их прибытия не представлялось возможным. *Приходилось вести бой с тем, что было налицо, на этом и основывать расчет.*

Одновременно с 43. п. див. V. Кавказский к—с атаковал группу выс. 370; 26. п. див.—382, XXII. к—с сковывал пр—ка у себя на фронте.

Части 43. п. див., атаковавшие выс. Бобулинце (384), дошли до заграждений и там, где первые две полосы были разбиты артиллерией, прошли их, но были остановлены оставшеюся целою 3 полосой. Под сильным артиллер. и фланговым пулеметным огнем с изломов и из фланкирующих построек они залегли, а с наступлением темноты отошли в исходное положение.

На остальных участках атаки также доходили до проволоки и, не взирая на огонь, пытались ее преодолеть; но попытки эти были безуспешны.

Потери 43. п. див. . .	25 офиц.	2703 н. ч.
26. „ „ . . .	16 „	1009 „ „
V. Кав. к—с . . .	14 „	1363 „ „

Теперь на сажень атакованного участка, считая окопы, блиндажи и 3 полосы проволочных заграждений, приходилось около двух 6 дм. бомб; проволока была разрушена не на всю глубину, поражения в убежищах были настолько незначительны, что пр—к открыл ружейный и артиллер. огонь еще до окончания огня нашей артиллерии.

Атака 25 дек. (7 янв.) Хотя три атаки успеха не имели, комкор. II., считая, что, вследствие непрерывного боя, ими все же достаточно подорваны нравственные силы противника, решил повторить еще раз атаку Бабулинце, поручив ее выполнение свежей 3. Туркестанской стр. б-де.

Нач-к последней, исходя из того, что артиллерия наша не в силах подготовить атаку, решил атаковать на рассвете, рассчитывая на внезапность удара.

Тяжелой же артиллерии было указано в день, предшествующий атаке, медленным огнем, *наблюдая каждый выстрел*, разрушить проволоку на фронте, примерно, 300 саж.

Кроме того в течение ночи разведчики и саперы должны были сделать еще до 30 проходов.

Для поддержки самой атаки на флангах атакуемого участка должны были быть установлены пулеметные команды Туркестанской бригады и 43. дивизии с пулеметами, наведенными засветло. Вся артиллерия заранее пристрелена к окопам и фланкирующим постройкам на случай, если противник все же успеет открыть огонь в момент атаки.

Все эти приготовления заняли 23 и 24 дек. (5—6 янв.)

Артиллерия выпустила около 600—6 дм. и 300—48 лин. бомб.

К 5 часам 25 дек. (7 янв.) бригада, имея два полка в 1. линии и два—во 2., заняла походное положение в 1 версте от выс. 384, по обе стороны дороги на нее. Прожектор у Доброполе своим лучем должен был указывать пункт атаки.

К 7 часам подошли к проволочным заграждениям, и только тогда противник заметил наступление и открыл огонь. По показанию пленных, австрийцы атаки не ожидали.

Наша артиллерия и пулеметы открыли огонь по заранее пристрелянным окопам и фланкирующим постройкам.

Проволочные заграждения были основательно разрушены; пехота успела расчистить и расширить проходы еще в темноте.

К 8 час. 30 мин. стрелки прошли все три полосы заграждений, после чего сопротивление пр—ка прекратилось, и он начал сдаваться в плен целыми ротами. Некоторые роты го-

ловных Туркестанских полков дошли до батарей и захватили 12 орудий.

По прорвавшимся австрийцы открыли огонь с трех сторон: со 2. линии из-за Стрыпы и с отсеков—справа с высоты 382 и слева с выс. 380.

Около 10 час. с двух последних направлений австрийцы перешли в контр-атаку. Части 43. дивизии (три полка), предназначенные для развития успеха туркестанцев, не преодолели огневой завесы, которой пр—к отделил атакующие части от резервов: атака же остальных частей 26. и 43. дивизий, наткнувшись на целые проволочные сети, не только не имела успеха, но даже не помешала пр—ку стянуть отсюда резервы для контр-атаки туркестанцев.

В 10 час. 30 мин. начался отход стрелков с занятой ими высоты, оставлены и захваченные было 12 орудий.

Потери:	3. Туркестанская бригада . . .	52 офиц.	3642 н. ч.
	26. пехотная дивизия	1 „	298 „ „
	43. „ „	4 „	691 „ „

Взято в плен австрийцев: 21 офицер, 1056 н. ч., 2 пулемета.

Теперь, когда $1^1/_2$ корпуса были расстроены на долгое время, начинает прибывать 25 дек. (7 янв.) на ст. Волочиск) 6. тяжелая артил. бригада и 6 (19) янв. 1 дивизион 1. тяжелой бригады.

Установка этой артиллерии требовала большого времени. Для орудий 6. бригады (обр. 1877 г.) нужно было устраивать платформы и приспособления для уменьшения отката, т. к. тумбы и компрессоры, привезены не были, а без них орудия при выстреле опрокидывались: нужно было чинить дороги и строить мосты, чтобы вытащить эти орудия на позиции. Все это не позволяло назначить срока атаки ранее 14 (27) янв., но 13 (26) получен приказ главкома (№ 165) о задержке, а 14 (27) новая директива, которою наступательные наши действия прекращались вовсе.

2 прорыв.

Директивой главкоюза. 7 (20) апреля № 1048 всем армиям фронта предписано готовиться к переходу в наступление, при чем *каждая армия* должна была нанести решительный удар (с прорывом фронта) на избранном самим командармом участке, рассчитывая только на свои собственные силы и средства. Подготовку указано закончить к 28 апр. (11 мая).

Т. к. главная операция была назначена ставкою на Западном фронте, средства в армиях Ю.-З. фронта естественно были очень ограничены. Атака здесь носила лишь *вспомогательный характер.*

На совещании 5 (18) апреля в Волочиске ген. Брусилов так и поставил этот вопрос: нужно было сделать возможное, но рассчитывать на большие результаты не приходилось.

В частности в районе 7. армии условия подготовки к этой новой операции *прорыва* теперь значительно изменились к лучшему (см сх. №1) 1) Железная дорога от Ермолинце была доведена до Гусятина австрийского, взорванные мосты на австрийской починены и грузовое движение установлено в одну сторону до Черткова и Джурина, а в другую через Трембовлю до Тарнополя; 2) Дороги просохли, частью уже починены; 3) продовольственный вопрос поставлен в нормальные условия; 4) части войск подучены с поправками за ошибки прошлой зимы и 5) выполнена большая работа по изучению неприятельской позиции и проделаны опыты с разработкой проходов в проволочных заграждениях артиллерией.

Для атаки был выбран участок Трибуховце—Язловец, на фронте II. арм. к-са главный удар намечен между шоссе Трибуховце—Джурин и дер. Поморце. (См. Схема № 3)

После дополнительных разведок всего фронта 12—14 офицерами Генер. Штаба и инженерами этот участок несколько изменен и для прорыва окончательно намечен исходящий угол позиции неприятеля перед д. Язловец с одновременной атакой передовых укреплений Гипсарка и выступа, что против выс. 384 Новосиолка. Этот участок давал возможность и удобно разместить артиллерию, и, главное, он отлично наблюдался далеко в глубину.

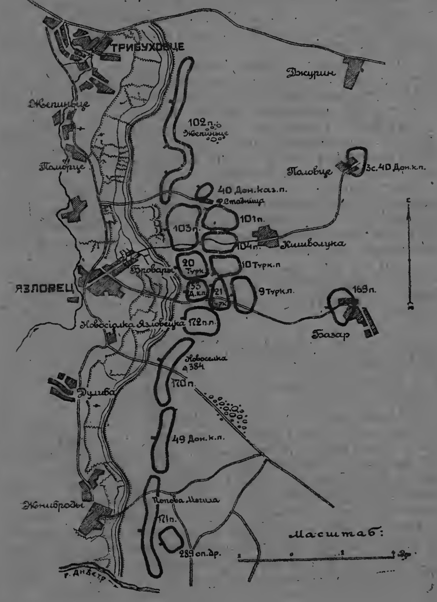
К концу апреля 7. армия, занимая по фронту 60 верст, имела в своем составе 112 б-нов, 92 эскадрона и сотни и 375 орудий (из них 23 шестидюймовых и 36—48 лин.). Из этих сил для нанесения главного удара назначено 48 батальонов, 36 эск. сот. и 183 орудия, т.-е. 43 % всей пехоты, почти вся кавалерия (конный корпус принял участие в развитии успеха) и 50 % артиллерии—вся тяжелая и 20 оруд. 48 лин.

Фронт II. арм. корпуса сокращен до 18 верст и усилен 3. Туркестанской стрелковой дивизией (полки развернуты до 4 бат. состава).

Соседние корпуса (XVI. и XXII.) получили задачи сковать противостоящие им силы пр-ка, со своей стороны подготовляя атаку на более удобных для сближения участках.

Схема N3.

Позиция пр-ка; исходное положение частей II арм. к-са перед атакой 24 мая 1916 г.

Вследствие разных задержек в подготовке на Западном фронте, начало атаки отложено на вторую половину мая месяца. Это дало возможность провести подготовку в 7. армии с особенною тщательностью и методичностью.

Особенное внимание было обращено на подготовку работы тяжелой артиллерии. Теперь это дело целиком брал в свои руки ген. Щербачев через инспектора артиллерии и офицеров Генер. Штаба армии.

В декабре мы не имели вовсе фотографий позиции противника, теперь они сделаны несколько раз; снимки особенно важных участков, кроме того, дополнялись *постоянным* наблюдением с особо выбранных пунктов и увеличены. Схемы (по фотографии и войсковым разведкам) напечатаны в масштабе 250 саж. в. д. и выданы в каждую роту. Для обеспечения тайны все главнейшие распоряжения и указания передавались командармом комкорам при многократных свиданиях *лично*. До последнего момента по вопросам подготовки телеграммы, даже зашифрованные, не посылались: все сношения делались исключительно через специально командированных офицеров Генер. Штаба армии; батареи на свои места стали лишь в последние две ночи перед атакой.

Для усиления средств связи артиллерии II. корпуса были даны из средств штаба армии 20 телефонных аппаратов. 40 верст кабеля и три отделения 23. и 7. Сиб. тел. рот в полном составе.

Для подготовки к корректированию стрельбы с начала апреля в тылу II. корпуса велись специальные занятия личного состава тяжелых батарей и 32. авиотряда.

Всеми инженерными работами руководил помощник начинарма.

Для введения в обман тайной разведки пр-ка относительно истинной причины перевода туркестанцев в район II. к-са. 14 (27) мая послана к-ру последнего „секретная" телеграмма: „В виду предполагаемой перевозки корпуса на другой фронт. прошу подготовить к 20 мая (2 июня) расчеты посадки на станциях Чертков, Выгнанка, Копычинцы". Сведения о предстоящей перевозке через телефонистов, обозы и санитарные учреждения быстро распространились по всему тылу армии, и передвижение туркестанцев явилось простым движением для смены II. к-са, и в связи с другими указаниями об'яснялось, что работы на фронте II. к-са усилены в виду того, что здесь после его ухода остается одна 3. Туркестанская дивизия.

В разведывательных австрийских сводках, через неделю захваченных в Язловце, упоминалось между прочим: „взятые пленные сообщили, что II. к-с уводится на другой фронт после смены его 3. Туркестанской дивизией“.

В районе Кошиловцы—Садки (в тылу за левым флангом к-са) производились непрерывные передвижения маршевых рот и кавалерии к стороне юга днем, обратно—ночью. Австрийцы в районе Жнибороды усиливали свои части и тяжелую артиллерию.

Силы II. к-са распределены так: для главного удара 9 полков (36 б-нов), из них собственно для прорыва у Язловца 4 полка (16 б.), для удара на Гипсарку—один п., для развития прорыва — два полка и в резерве комкора — 1 полк. Таким образом 75% всех сил к-са собиралось на фронте в 7 верст.

Прорыв намечалось исполнить следующим образом: устроить плацдарм для сосредоточения ударной группы не далее 200 — 300 шагов от окопов противника; за *два дня* до атаки артиллерия занимает позиции и с утра, назначенного для действий, начинает пристрелку *по орудийно*.

Действие артиллерии, в виду малого числа орудий, решено продолжать двое суток (по числу необходимых для разрушения снарядов).

После уничтожения искусственных препятствий и пулеметов пр-ка ударная группа штурмует; на флангах—справа 102 п. (к ю.—з. от выс. 385 Жепинце) и слева 171. упорно обороняют свои позиции.

Инженерная подготовка. С 10 (23) апреля начались детальные разведки укрепленной позиции: с этого же числа началась инженерная подготовка.

Задача инженерной подготовки сводилась:

1) К организации *инженерной* разведки участка атаки.

2) К созданию прочного исходного положения на всем фронте корпуса.

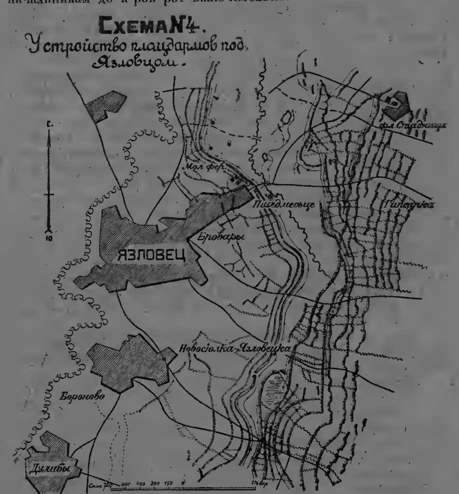
3) К постройке плацдармов.

4) К уничтожению технических средств обороны.

5) К обучению войск техническим приемам борьбы.

Руководителю работ подчинены: 4. саперн. б-н, Туркестанская саперная рота, 7. инженерная рабочая дружина, три роты военно-дорожного отряда и четыре ополченских дружины. Корпусное отделение полевого инженерного парка усилено инструментами начинарма, шестью военными транспортами и тремя взводами бывшей в то время в армии 15 авто-роты—(40 грузовых автомобилей).

Инженерная разведка производилась особо назначенными командами под начальством саперных офицеров, которые получали указания от руководителя работами; собранные данные обрабатывались и в виде сводок сообщались всем войсковым начальникам до к-ров рот включительно.

Особое внимание было обращено на создание и обеспечение исходного положения и укрепление нашей позиции в районах выс. 385 (Женинце)—выс. 367 (вост. Бровары)—выс. 384 (Новосиолки) и 384 (Попова Могила).

Одновременно началось *по всему фронту армии* выдвижение наших окопов вперед. (Схема № 4).

Для атакующих частей на фронте II. к-са устраивались *боевые плацдармы*, которые для маскировки и демонстрации дополнялись ложными.

Всего боевых плацдармов устроено шесть: один у Гипсарки, два в районе выс. 367, три в районе выс. 384 и для корпусного резерва один между кл. Стадница и выс. 367. Ложные — у отм. 386 (сев. Жепинце) и в районе Поповой Могилы, а также в районе Бобулинце (фр. XVI к-са.). Боевые плацдармы имели вид параллельных щелей глубиною 4—4$^1/_2$ арш. и шириною по дну 1$^1/_2$. Все траншеи соединялись ходами сообщения, имели ступенчатые выходы и перекрывались мостками для свободного движения войск; устроены траверсы.

Ложные плацдармы при той же трассировке устраивались в виде неглубокой отрывки в $^1/_2$—$^3/_4$ аршина. Наблюдательные пункты для артиллеристов и укрытия для телефонных станций оборудованы прочными покрытиями.

В районе Поповой Могилы возведены ложные батареи.

Саперные команды и полковые разведчики уничтожали фугасы перед проволочной сетью пр-ка; работа эта велась в течение всего периода подготовки.

Для усиления средств разрушения проволочных заграждений устроены блиндированные гнезда для пулеметов, организованы особые команды подрывников по две на головную роту; каждая команда в составе одного разведчика и двух подрывников.

Для обучения войск был устроен специальный городок у д. Базар, где части обучались разрушению и преодолению препятствий, атаке окопов и бросанию ручных гранат.

В центральном инженерном складе в д. Базар было сосредоточено.

проволоки	около	50.000	пудов
кольев	„	20.000	
жердей и накатника	„	15.000	
плетней	„	2.000	
рогаток	„	3.000	
свечей	„	1.500	

Пудовых пироксилиновых зарядов 165.

Для быстрой подачи материалов при развитии успеха кроме того было организовано 5 полковых складов с запасами каждый: рогаток 400, проволоки 500 пудов с соответствую-

щим количеством кольев, ежей — 150—200: плетни, мостки. соломенные маты и пр.

На фронте XVI. к-са одновременно в районе Бобулинце велась минная война.

Общее протяжение вырытых траншей и окопов за период подготовки—65,6 верст.

Артиллерийская подготовка.

К началу операции армия имела в своем составе: батарей:

легких	42
горных.	5
конных.	5
конно-горн	1
мортирных	9
тяжелых	6

(6 дм. оруд. -16; 42 л.—7).

Из этого числа II. арм. корпусу передано:

6 дм. орудий	16	100%
48 л. гаубиц	20	56
42 л. пушек	7	100
3 дм. „	104	40
горных	12	43

В виду крайне малого числа тяжелых орудий, артиллерийскую подготовку решено вести в течение двух дней: это давало возможность *последовательно* вести подготовку, передавая разрушенные уже участки под наблюдение и огонь легких батарей.

Вся тяжелая артиллерия, десять легких батарей, две горных и пять мортирных об'единены в артиллерийскую группу под командой инспектора артиллерии II. арм. корпуса, при котором сформирован особый штаб с участием офицера Генерального Штаба из штаба армии и заведующего артиллер. частью отдела НЭХО. (Схема № 5).

Артиллерийская телефонная связь везде была двух-проводная; провода уложены на особых стойках в стенках ходов сообщения. Наблюдательные пункты командиров подгрупп (всего 3) были связаны с наблюдательными пунктами инспектора артиллерии и между собою.

Наблюдательные пункты батарей были все вынесены в передовую линию наших основных окопов, частью же еще более вперед—в окопы бывшего сторожевого охранения.

Кроме того каждой пехотной части был придан офицер артиллерист с своими средствами связи, что давало возмож-

ность корректировать огонь и осуществить могущественную поддержку пехоте и при ее наступлении.

Весь фронт позиции противника был разбит на участки и каждая батарея получила свой. Проходы в сетях били легкие и горные пушки, разрушение окопов и бетонных фланкирующих построек было задачей тяжелых орудий.

На все периоды боя каждая батарея знала цели, которые она могла и должна была поражать. Эти цели и батареи нанесены на особую схему, которую получили все начальствующие лица до к-ров рот включительно.

На важнейшие пункты могли сосредоточивать свой огонь несколько батарей одновременно (например, Г. Новосиолки Язловецка, где был опорный пункт противника). Позиции гаубичных и тяжелых батарей подгрупп были выбраны так, что могли фланкировать южный и северный фасы исходящего угла позиции пр-ка.

Ход подготовки. В 4 часа 22 мая (4 юня) артиллерия начала пристрелку: легкая по проволоке, тяжелая и мортирная по окопам. *Каждый выстрел строго контролировался.*

Противник сначала отвечал огнем по нашим наблюдательным пунктам и батареям, но вскоре замолчал: пленные затем показывали, что была совершенно уничтожена у них телефонная связь.

Огонь на поражение велся в течение всего дня 22 мая (4 июня); ночью поддерживался редкий огонь по окопам, и особенно по проделанным проходам, чтобы не допускать восстановления сети.

Днем 23 мая (5 июня) кроме первой линии окопов разрушались и последующие; дополнялось разрушение бетонных капониров.

Как выяснилось (после овладения позицией пр-ка) первая линия обороны была разрушена сплошь, вторая и третья сильно повреждены, *но убежища и в них засыпаны все.*

42 л. орудия работали главным образом по батареям противника, корректируя огонь с аэропланов; им помогали химическими снарядами легкие пушки.

Расход снарядов.

За три дня операции с 22 по 24 мая (4 по 6 июня) включительно расход снарядов выразился на участке прорыва такими цифрами:

6 дм.		48 лин.		42 л.		3 дм.		Химич.
бомб	шрапн.	бомб	шрапн.	гран.	шрапн.	гран.	шрапн.	
3765	390	9822	805	1737	668	22650	15504	3500

Воздушные средства армии к началу операции состояли из 4 авиотрядов и 1 боевого отряда воздушных кораблей (Муромцев -2 машины).

Для обслуживания II. корпуса привлечено: 35. авиотряда 4 аппарата, 3. корпусного—6: 32.—6 и три истребителя.

Сфотографированы были все позиции противника на всем фронте армии и тыловой их район. Во время боя работа авиотрядов, и особенно муромцев, была направлена главным образом на производство регулярных набегов для бомбометания в тылу. Бомбардировались преимущественно Язловец—центр управления, Бучач, Монастержиска—склады.

Прорыв.

В 4 часа 22 мая (4 июня), как сказано выше—в очерке артиллерийской подготовки, началась поверка перестрелки; в 7 час. батареи перешли на поражение.

Штабы начальников артиллерийской и ударной группы работали в полной связи, сверяя донесения о разрушениях в проволочных заграждениях и окопах пр-ка с наблюдательных артиллерийских пунктов и от начальников пехотных частей. На основании личных наблюдений и донесений пехоты штабом артиллерийской группы делались распоряжения о переносе огня тяжелых и мортирных батарей с разрушенных уже участков на новые и о передаче первых под огонь легких батарей. Ночью огонь велся главным образом шрапнелью, чтобы мешать починкам и разгонять рабочих.

С 0 час. 30 мин. до 2 час. 23 мая (5 июня) огонь всей артиллерии перенесен на тыловые позиции противника, чтобы дать возможность сильными разведывательными партиями *проверить* произведенные за день разрушения в заграждениях и частью расчистить их.

В 2 часа 24 мая (6 июня) части II. арм. к-са двинулись в атаку и ворвались на позиции пр-ка на всем фронте от Гнисарки до выселка Новосибалки, заняв к 4 час. частью две, а местами и три линии окопов.

Огонь артиллерии, по свидетельству пленных, был настолько удачно направлен и атака выполнена настолько быстро, что защитники не успевали принять мер противодействия.

Несколько разрозненных контр-атак успеха не имели, и к вечеру 24 мая (6 июня) полки II. к-са и туркестанцы заняли линию—р. Язловчик—восточные склоны выс. 335—выс. 366 на шоссе Кашиловце—Язловец.

Вечером 24 мая (6 июня) и в ночь на 25 мая (7 июня) часть легких батарей перешла на новые позиции. 25 мая (7

июня) при содействии тяжелой артиллерии и химических снарядов легких орудий продолжалось развитие успеха в направлении на выс. 366 (севернее д. Язловец) и Новосиоку Язловецкую.

К 22 часам после ряда контр-атак со стороны Г. дв. Новосиолка Язловецкая австрийцы были окончательно сломлены и части II. к-са вышли на линию речки Ольховец—зап. окраины д. Язловец.—зап. окраина Новосиолка—Язловецкая.

Соседние корпуса (XXII. и XVI.) разрушением искусственных препятствий и частными атаками сковывали пр-ка на своих участках.

Результатом боев 24 и 25 мая (6 и 7 июня) был прорыв сильно укрепленной позиции австрийцев и отход их за Стрыпу. В эти два дня нами взято не раненых пленных 243 офицера и 8711 н. ч., орудия и пулеметы.

Пролом был сделан. Теперь армия получала возможность развивать успех в северо-западном направлении. имея целью— сбив австрийцев с занимаемой ими сильно укрепленной позиции на Стрыпе, заставить их перейти к маневренной войне.

Начиная с 26 мая (8 июня), развивая успех II. арм. корпуса. лево-фланговая дивизия (41.) XVI. к-са овладела сильно укрепленной позицией на правом берегу Стрыпы впереди д. Трибуховцы, 27 и 28 мая (9 и 10 июня) фронт наступления расширился до д. Висневчик: были введены в дело уже весь XVI. корпус, дивизия XXII. и II. кавал. к—с.

Результатом описанной выше тщательной подготовки было овладение сильною позицией австрийцев (укреплявшеюся ими в течение 8 месяцев) на протяжении 45 верст.

Операция эта вместе с таковыми же 8. и 9. армий положила начало победоносным действиям армий ген. Брусилова в течение всего лета 1916 года в Галиции.)

Вспомогательный ю-з фронт превратился в главный. Здесь была похоронена (убитыми и пленными) миллионная армия австрийцев, 662.000 они потеряли только пленными.

Из приведенного краткого очерка двух прорывов становится совершенно ясным, что быстрота и поспешность в борьбе за укрепленные позиции (укрепленные как следует. с учетом современных средств атаки), равно и наслоение пехотных резервов (сравн. наши бесконечные жертвы в декабре 1915 г в боях на участке Боржимов—Гумин—Воля Шидловская) пользы принести не может. *За то чем детальнее и систематичнее будут проведены подготовительные мероприятия*, тем

1. Успех достигается вернее и более дешевой ценой.

2. Согласованность в работе артиллерии с пехотою и

3. Как следствие последнего обстоятельства — прорыв выполняется быстрее, расстройство противника полнее и проникновение атакующего в глубь его расположения больше со всеми последствиями этого проникновения—массами пленных, захватом артиллерии и беспорядочным очищением противником сильных участков.

Систематичность в подготовке слагается из:

1. Детального изученія окопов и батарей противника: только *точное* знание расположения артиллерии, пулеметов и фланкирующих построек может обеспечить рациональную постановку своей артиллерии и ее надежную работу впоследствии.

2. Из детального изученія подступов для производства работ по сближению пехоты; планомерность сокращает количество работ и значительно уменьшает потери.

3. Из отличного знакомства с местностью и относительным тактическим значением местных предметов и рубежей в расположении противника: только при этом условии могут быть действительно рационально намечены ближайшие, частные задачи и:

4. из выбора соответствующих наблюдательных пунктов.

Со стороны пехоты необходимо отличное знание позиций противника на своем участке и по возможности на соседних по крайней мере на дистанцию—младшими нач-ками—ружейного выстрела, а к-рами полков и выше—пушечного.

Путем систематического изученія позицій пр-ка из окопов, с наблюдательных пунктов (артиллер. и специально избираемых — только для обзора того или иного участка) пехоте должны быть известны мельчайшие изломы окопов противника: сперва путем умозаключений, а потом и поверкой постоянным наблюдением за жизнью окопов, должны быть определенно установлены не только существующие постоянные пулеметные щели и площадки, но и все места, где пулеметы *могут быть* с пользой для неприятеля установлены во время нашей атаки. Последних мест обыкновенно подготовляется много.

Сближение с позицией пр-ка перед атакой необходимо доводить до 150 шагов и ближе. Потери во время сближения окупаются во много раз уменьшением числа жертв во время атаки, т. к. пехота захватит окопы пр-ка раньше, чем он успеет открыть заградительный огонь.

Части войск обычно неохотно исполняют этого рода работы: необходимо—для пользы дела—выяснить всем, до рядо-

вого выключительно, значение такого сближения и удостовериться, что все поняли и *поверили* в него.

Работы по сближению одновременно должны предусматривать и облегчение заблаговременного сосредоточения и подвода резервов. Без разработанного плацдарма и хороших ходов сообщения резерв рискует понести большие потери и утратить управление.

Полная невозможность создавать новые комбинации под заградительным огнем и часто полное (временное) прекращение связи обязывает всех начальников (от н-ков дивизии до к-ров рот включительно) заранее обдумать и взвесить ход боя на своем участке и заранее каждой подчиненной ему части первой линии совершенно определенно указать, докуда она должна дойти, что за собой закрепить, в каком направлении помогать соседу.

Пока не прорвана вся совокупность укреплений противника на данном направлении—кроме исключительного случая полной паники в рядах его пехоты и артиллерии—о беззаветном массовом преследовании, как то пытались делать некоторые н-ки при прорывах, не может быть речи. Такое преследование уместно только в полевом бою: здесь же каждый шаг вперед должен быть обдуман, взвешен, подготовлен и обеспечен. Чувствующая твердое управление пехота не только не зарывается вперед; она не боится больших потерь и не знает беспорядка даже под сильным огнем. *По каждому должно быть известно, зачем он идет вперед и чего именно он должен достигнуть.*

Поэтому каждый начальник—соответственно—обязан лично растолковать и *показать* непосредственно ему подчиненным предстоящую им задачу. Это облегчит и проявление частного почина, дав для него сознательную почву.

И почин этот нужен здесь, не только от начальствующих лиц: *каждый стрелок*, не теряя ни минуты, должен найтись, как одолеть неожиданно встреченное препятствие или как помочь соседу.

Первое условие успешного действия *Артиллерии*—по артиллерии пр-ка, окопам и другим оборонительным сооружениям—отличное знание их и *затем* уже наблюдение, т. к. *только после изучения* позиций противника можно поставить задачи для действия той или другой артиллерийской группы, а *в зависимости от этих задач* выбрать места для батарей и нужное число наблюдательных пунктов.

Необходимое знание это приобретается только продолжительным и систематизированным *непрерывным* (и ночью) офицерским наблюдением.

Нельзя ограничиваться только записью того, что видно; пользуясь данными воздушной разведки, нужно *отыскивать* интересные предметы для изучения, и затем брать их под длительный, систематический надзор.

Первая задача воздушной фотографии—облегчить разыскивание у противника того, что не видно сразу.

„Общий обзор" с наблюдательных пунктов—средство самых старших начальников во время боя; командиры артиллерийских частей—техники своего дела, им нужны детали. И, если времени дано достаточно, не может быть оправдания, если они не найдут способов высмотреть все нужное для работы их пушек.

Значительное время, уделяемое разведкам и подготовительным работам, дает полную возможность и подыскать и искусственно создать нужные позиции на средних дистанциях.

Перемена позиций связана с ослаблением огня. При наступлении это обстоятельство приобретает особенно большое значение и его отнюдь нельзя игнорировать: *пехота может задаваться овладением лишь теми местными предметами* (рубежами), *на которых ее положение будет обеспечено артиллерией.*

Следовательно, чем ближе станет артиллерия, тем больше пройдет вперед пехота и наоборот.

Тщательная маскировка своих артиллерийских средств должна рассматриваться не как боязливость, а как честное обеспечение дорогих средств до времени решающего применения их. Так же точно и потеря орудий в доблестном бою не упрека заслуживает, а показывает лишь на то, что это могучее средство использовано до предела—по мере разума и уменья.

Также следует рассматривать и потерю *в бою* привязных аэростатов и корректирующих аэропланов.

И те и другие должны смотреть на себя, как на нераздельную часть артиллерии и в нужное время, пренебрегая опасностью и „сбережением материальной части", исполнить свой долг: в другое время они лишь учатся своей специальности, здесь же, в бою должны показать свое умение и оправдать свое назначение.

Решение всех значительных артиллерийских вопросов должно итти совместно с пехотой. Так, например: пехота дает задание на число и места пробиваемых проходов; пехота в праве требовать и указывать зоны нужного ей заградительного

огня перед пунктами, которыми она будет овладевать; пехота одновременно с артиллеристами с своей стороны следит за ходом разрушения окопов противника, и она решает, выполнено ли это разрушение в нужных размерах. В тесной связи артиллерии и пехоты и взаимном доверии их—один из крупнейших залогов успеха.

Выводы эти сделаны на основании прежде всего майского опыта прорыва у Язловца и дополнены по опытам дальнейших в то же лето прорывов, число которых в одной 7. армии доходило до 8.

Прорывы нам неизменно удавались; труднее было развить успех и достаточно углубиться в расположение противника.

Здесь особенно сказалась необходимость особенной настойчивости со стороны командующего армией для неуклонного проведения требований его в жизнь.

Как уже сказано в начале очерка, разных степеней начальствующие лица, учитывая свой опыт в менее ограниченных размерах, чем собирался последний в штабах армий, часто скептически относились к некоторым, на первый взгляд может быть и казавшимся мелким, требованиям и—если за ними не доглядели—делали по-своему. Они не считали нужным сближаться до 150—100 шагов, т. к. они „раньше в другом месте атаковали с расстояния до 1 версты и более“, другие уступали „техническим“ доводам артиллеристов и позволяли временами стать подальше. Противник, как то было в июльской атаке у Куйданова, не пытаясь бороться с сильным огнем, сразу же осадил свою артиллерию на 1 версту назад и затем, несмотря на отличное действие нашей артиллерии по окопам и припятствиям, легко—одним почти артиллерийским огнем—с огромными потерями отбросил нашу пехоту, едва только она прорвала первую линию. У третьих—и такой случай имел место—пехотные части, ворвавшись успешно в окопы пр-ка и видя, что австрийцы начали уже охотно сдаваться в плен, занялись „исследованием“ блиндажей (там часто бывали в большом количестве плохой коньяк, пиво, консервы), и через $^1/_2$—$^3/_4$ часа легко выбивались австрийцами подведенным с тыла резервом...

1916 год дал нашей армии исчерпывающий опыт для атаки и прорыва укрепленных полос. К весне 1917 г. он был вполне изучен; план для атаки 18 июня был подготовлен и разработан до мельчайших деталей.

Неудачи при наличных артиллерийских средствах быть не могло, но... пехота оказалась не способной завершить отлично выполненную работу штабов и артиллерии. Она (масса) создала себе новую, выгодную для нее „шкурную“ теорию: „артиллерия разрушает и уничтожает, кавалерия преследует, а пехота лишь занимает“; если же противник попытается проявить активность, для противодействия ей должен служить *заградительный огонь* артиллерии—и „тяжелой“.

Учиться пехотному делу и атаке позиций она теперь считала излишней прихотью начальства.

История выяснит *все* причины, почему наша атака в конечном результате была неудачна; одна же из главнейших—недостаточное понимание долга и сознание полной безнаказанности делали доводы и убеждения бесплодными и привели к Тарнополю.

Когда войска, и в частности пехота, не желают драться—никакая техника помочь делу не может.

А. Незнамов.

Обзор сети железных дорог Северного фронта.

ГЛАВА I.

Предлагаемый обзор сети железных дорог Северного фронта во время Великой Европейской войны содержит в себе попытку систематизировать имеющийся материал касательно работ по развитию сети дорог Северного фронта.

К сожалению, поспешное отступление штаба фронта из Пскова 10 (23) февраля 1918 года (занятие неприятелем Пскова через 3-4 часа после ухода эшелона Управления Военных Сообщений) не позволило вывезти всех нужных и важных документов для всестороннего освещения затронутых вопросов, и поэтому пришлось многое восстанавливать по памяти или по заметкам записной книжки и нельзя было избежать некоторых пробелов с нарушением цельности изложения.

Тем не менее, полагаю, что необходимо всем участникам этой войны опубликовать какой ни есть в их распоряжении материал с тем, чтобы будущему историку возможно было использовать его в соответствии со степенью важности его и таким образом, чтобы опыт войны не пропал даром.

Это особенно важно потому, что до сих пор вопрос изучения войны со всех сторон стоял как бы вне времени.

Изучение войн передавалось последующим поколениям; так, например, мне лично пришлось убедиться, как после Японской войны разбирался архив Турецкой кампании. Условия же ведения войны при том росте техники, какой мы наблюдаем в настоящее время, так быстро меняются, что для того, чтобы использовать действительно опыт войны, необходимо *немедленное и всестороннее* изучение настоящей войны.

Выводы в отношении проектирования и развития сети ж. д. в военном отношении в настоящее время в виду неопределенности границ России будут носить, быть-может, несколько теоретический характер, тем не менее к моменту полной ликвидации Европейской войны и восстановления вновь страны, как единого государства в ее новых границах, необходимо использовать все материалы прошедшей войны, дабы не повторять ошибок прошлого. К указанному моменту при

создании новых рубежей, при новых соотношениях сил и перемещения центров экономического тяготения, придется создавать новую сеть ж. д. и приспособлять существующую. Выполнение такой программы при том экономическом крахе, который пережила страна после войны и переживает во время революции, вряд ли возможно в полном об'еме и без поддержки извне.

Тем не менее, такая программа должна существовать, в противном случае мы вновь будем присутствовать при случайном и зачастую бессистемном строительстве железных дорог и в таком случае, оставляя в стороне вопросы экономические, ж.-д. сеть в военном отношении, повторяю, будет так же не подготовлена, как и к войне 1914—1918 года.

После Свенцянского прорыва, в августе 1915 года, к моменту оставления Виленского района и отхода наших войск на Западную Двину, был образован [1]) Северный фронт, разделением Северо-западного фронта на две командные величины.

Штаб фронта был расположен в Пскове, в центральном узле сети железных и шоссейных дорог. При штабе фронта был образован [2]) железнодорожный отдел, ведающий путями сообщения фронта, в скором времени с образованием Управления Военных Сообщений при штабе фронта, вошедший [3]) в него в виде военно-дорожного Отдела.

Линия фронта, почти не изменившаяся в течение 2 лет со дня сформирования фронта, определялась Рижским заливом, Юго-Западной частью побережья его, Рижским укрепленным районом, Якобштадтским плацдармом, Двинским укрепленным районом и южнее группой озер (оз. Дрисвяты и др.) и далее соприкасалась с линией Западного фронта.

В район Северного фронта вошла вся Финляндия.

Несмотря на блестяще проведенную мобилизацию 1914 года, общая неподготовленность России к настоящей войне во всех отношениях сказалась и на железных дорогах. Оставляя неприятелю относительно развитую сеть железных дорог в Западном крае, армии остановились на слабооборудованной железнодорожной сети.

Система управления железными дорогами в военном отношении, созданная в день об'явления войны, была недостаточно

---

[1]) Приказ № 1 от $^{18}/_{2}$ 1915 г. г.-ад. Рузского о вступлении в команд. войсками Северного фронта.

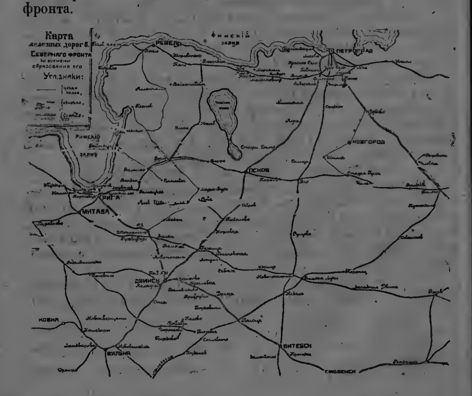
[2]) Пр. верх. глав. № 725 от 21/VIII 1915 г. тел. начвососев. Зап. № 2094,4009 от 28/VIII 1915 г.

[3]) Пр. наштаверха № 209 от 27/XI 1915 г. о расформировании с 1 ноября железнодорожного отдела.

продумана и таила в себе большие недостатки в отношении общего управления в совокупности, и верховному командованию предстояло решить, каким образом привести в систему расстроенные отступлением железные дороги, как в отношении движения, так и в отношении развития их.

В ставке верховного главнокомандующего при Главном Управлении Военных Сообщений было образовано Управление Путей Сообщения, которому и надлежало, как центральному органу, привести в стройную систему весь сложный аппарат управления железными дорогами на всем фронте, обеспечить их подвижным составом, топливом и агентами и выработать такую схему развития железных дорог и постройки новых, чтобы вполне удовлетворить как требованиям данной стратегической обстановки, так и подготовить железные дороги к наступлению.

В виду отсутствия специального органа по путям сообщения, по требованию штаба фронта из ставки было командировано лицо (автор этой статьи), через которое и проходили все вопросы, связанные с развитием и сооружением сети ж. д. фронта.

Перечень железных дорог фронта.

На территории фронта имелись нижеуказанные железные дороги, конечными пунктами коих были Рижский узел с выходами в сторону противника на Тукум и Митаву, Крейцбургский с выходом на Митаву и Двинский на Калкуны с выходами на Вильну и Митаву.

I. Северо-Западные жел. дор.

а) Гатчина—Псков—Двинск—Калкуны—Пост 511 вер.
б) Гатчина—Ревель.
в) Ревель—Гапсаль.
г) Ревель—Балтийский Порт.
д) Тапс—Валк—Рига.
е) Псков—Валк.
ж) Пыталово—Сита.

2. Петроградская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

а) Семрино—Дно—Витебск.
б) Бологое—Псков.
в) Старая Русса—Новгород—Чудово (узк. линия).

3. Московская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

а) Ржев—Великие Луки—Новосокольники.
б) Режица—Крейцбург—Пост 756 вер.

4. Николаевская жел. дорога.

а) Бологое—Полоцк.
б) Ржев—Вязьма.

5. Риго—Орловская жел. дорога.

а) Полоцк—Двинск—Рига.
б) Рига—Кеммерн.
в) Торенсберг—Рольбуш—Пост 17 вер.
г) Рига—Мюльграбен.
д) Торенсберг—Дамба—Гавань.

6. Либаво-Роменская жел. дорога.

а) Калкуны—Пост 7 вер.

7. Лифляндские узкокол. и под'ездные пути.

а) Валк—Штокмансгоф.

8. Пернов—Ревельские под'ездные пути.

а) Валк—Пернов.
б) Мойзекюль—Ревель.
в) Аллейкюль—Вейсенштейн.

9. Вольмарский узкоколейный под'ездной путь.

а) Вольмар—Гайнаш (Участок от станции Гайнаш до станции Зонеп был разобран).

б) Вольмар—Смильтен.

Кроме того, в район фронта входили финляндские железные дороги.

Вследствие уничтожения при отступлении, как выше было сказано, всей ценной переписки имперских властей, финляндского Сената, ставки и штаба фронта, освещающей в полной степени нашу ж.-д. политику в Финляндии, приходится помянуть вскользь о развитии жел.-дор. сети Финляндии.

Передаточные и разграничительные станции.

Передаточными станциями с дорог империи на дороги фронтав были установлены:

1. Гатчина,
2. Семрино,
3. Ржев и
4. Бологое,

причем первые три находились в ведении фронта, а Бологое—в ведении министерства Путей Сообщения.

Разграничительными между дорогами Северного и Западного фронтов служили ст. Полоцк, Витебск. и Вязьма, все три в ведении Западного фронта.

Северо-западные жел. дор.

Протяжение дорог. В состав Сев.-Зап. железных дорог в пределах фронта входили линии:

Двупутные

а) Гатчина—Псков—Двинск Калкуны—Пост 511 вер . . . . 469 вер.

Однопутные:

б) Гатчина—Тапс—Ревель. . . . . 302 в.
в) Ревель—Балтийский Порт . . . . 45 »
г) Кегель—Гапсаль . . . . 72 »
д) Псков—Валк—Рига . . . . 291 »
е) Тапс—Валк . . . . 183 »
ж) Пыталово—Сита . . . . 64 »

Кроме того, в виду оторванности Рижского узла от Управления Риго-Орловской ж. д., эвакуированного из Риги в Витебск, и принимая во внимание перерыв сквозного движения на участке Двинск—Рига, с первого января 1916 года Сев.-Зап. жел. дорогам были переданы от Риго-Орловской ж. д. во временное заведывание участки:

а) Рига—Шлок—Кеммерн . . . . 41 вер.
б) Рига—Ремерсгоф . . . . 68 »
в) Рига—Мюльграбен . . . . 11 »
г) Торенсберг—Рольбуш—Пост 17 вер . . . . 17 »
д) Торенсберг—Дамба—Гавань . . . . 17 »

Административное деление. Управление Сев.-Зап. ж. д. в Петрограде. Часть сети Сев.-Зап. ж. д. была выделена в распорядительном отношении и включена в состав Виленского Отдела. В ведении Виленского Отдела находились участки: Псков—Рига, Валк—Тапс, Псков—Двинск и участки, принятые от Риго-Орловской жел. дор.

Впоследствии в ведение Виленского Отдела был присоединен участок М.-В.-Р. ж. д. Режица—Крейцбург.

Пропускная способность. По отдельным участкам при условии обращения одной пары пассажирских поездов, пропускная способность выражалась в следующем числе пар поездов:

УЧАСТКИ.	Теоретич.	Практич. за вычетом факультатива.	Состав поездов	
			Вагонов	Вес поезда.
Гатчина—Псков	53	45	55	56000
Псков—Режица	48	41	„	„
Режица—Двинск	48	41	„	„
Гатчина—Тапс	23	18	44	42000
Тапс—Ревель	21	17	„	„
Тапс—Валк	20	16	„	„
Псков—Валк	23	18	„	„
Валк—Рига	19	16	„	„
Рига—Ремерсгоф	В виду нахождения под обстрелом один главный и часть станционных путей были разобраны.			
Рига—Кеммерн Кегель—Б. Порт Пыталово—Сита	Находился в войсковой эксплуатации.			

Вагонный, паровозный парк и провозная способность. К концу первого полугодия товарный вагонный парк Сев. Зап. ж. д. составлял около 22771 единиц, из коих в ремонте находились до 640 вагонов или 2.8%.

Паровозный парк состоял из 907 единиц, из них: пассажирских 380 единиц, товарных 524, специально-маневровых 3, в ремонте находилось 213 или 23,5%.

В виду того, что на время усиленных перевозок увеличение вагонного парка осуществлялось путем естественного должания соседним дорогам, провозная способность главным образом зависела от наличия паровозов. При указанном числе паровозов на главнейших участках Сев-Зап. ж. д. было обеспечено движение в следующем размере (при средней скорости движения около 12 вер. в час):

По линии	Гатчина-Ревель	15 пар поездов
» »	Псков—Рига	15 » »
» »	Тапс—Валк	10 » »
» »	Гатчина—Двинск	20 » »

При комбинациях движения, отличающихся от указанной выше, в связи с необходимостью увеличить перевозки на одной из линий, являлось необходимостью соответственно уменьшать движение на других дорогах.

Работа первого зимнего периода показала, что Сев.-Зап. ж. д. по своей провозной способности удовлетворяли требованиям подвоза к армиям и случаи сокращения или прекращения приема грузов от соседних дорог или прекращения своей погрузки по недостатку паровозов места не имели.

Запасы топлива. Паровозы Сев.-Зап. ж. д. отапливались углем, нефтью и дровами. Необеспеченность жел. дор. топливом (углем) вследствие потери Домбровского бассейна, стала сказываться с первых месяцев войны, в дальнейшем будут упомянуты меры, принимаемые для обеспечения дорог фронта топливом.

Сеть Сев.-Зап. ж. д. была обеспечена топливом не более чем на 8 дней [1]), исходя из среднего действительного расхода, который соответствует работе дороги в размерах 80—90% ее провозной способности.

Николаевская жел. дор.

Протяжение дороги. В пределы Северного фронта входили двупутные участки Великие Луки—Полоцк, протяжением 143 вер. и однопутные участки Бологое—Великие Луки протяжением 291 вер. и Ржев—Вязьма протяжением 106 вер.

Административное деление. Управление Николаевской дороги в Петрограде.

В распорядительном отношении участок Великие Луки—Полоцк был подчинен начальнику Новосокольницкого Отдела. Впоследствии указанный Отдел был расформирован.

[1]) К зимней кампании.

Пропускная способность.

УЧАСТКИ.	Теоретическая.	Практическая.	Предельный состав.	
			Вагонов.	По весу.
Полоцк—Великие Луки . . .	22	18	45	46000
Великие Луки—Полоцк . . .	44	37	„	„
Ржев—Вязьма	11	9	„	„

Николаевская жел. дор. имела общий вагонный и паровозный парк для главной линии и для участков, входящих в состав Полевого Управления, и поэтому указать в цифрах размеры провозной способности не представляется возможным. Во всяком случае затруднений в движении и прекращения погрузки по недостатку вагонов и паровозов не наблюдалось.

Запасы топлива. Топливом указанные участки были обеспечены свыше чем на 2 месяца.

Петроградская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

Протяжение дороги. В состав Петроградской сети в пределахъ фронта входили однопутные участки: 1) Семрино—Витебск протяжением 493 вер. 2) Медведево—Дно—241 вер. 3) Дно—Псков—93 вер. и узкоколейный участок Чудово Шимск—Старая Русса—157 вер.

Административное деление. Управление сети в Петрограде. Часть сети была выделена в распорядительном отношении в состав Новосокольницкого Отдела.

В ведении Новосокольницкого Отдела находились участки: Дно—Витебск, а также Великие—Луки—Зилан Московской сети того же общества и Великие Луки—Полоцк Николаевской жел. дор.

Пропускная способность. По участкам Петроградской сети при условии движения по линии Псков—Медведево (Бологое) одной пары пассажирских поездов и на участке Петроград-Семрино—Витебск двух пар, в том числе одной пары скорых, пропускная способность выражалась в следующем числе пар поездов:

УЧАСТКИ.	Теоретич.	Практич. за вычет. факульт.	Состав поезда.	
			Вагонов.	Вес.
Семрино—Дно	18	15	75	64000
Дно—Новосокольники	18	15	75	64000
Новосок—Витебск	14	11,5	75	64000
Медведево—Пола	16	13	75	58000
Пола—Дно	16	13	75	68000
Дно—Псков	16	13	75	52000

Вагонный, паровозный парк и провозная способность. По инвентарю на сети числилось 7455 вагонов, из них в ремонте находилось 730 вагонов или 9—9,5% из-за медленности ремонта их.

Паровозный парк состоял из 227 паровозов инвентаря дороги и 255 командированных с других дорог; из общего числа 482 паровозов—73 пассажирских, 396 товарных и 13 танковых.

В ремонте находилось 182 паровоза или 38%. Столь значительный процент, вдвое превышающий нормы, об'ясняется длительным расстройством тягового хозяйства, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, при условиях нормального состояния и обслуживания паровозов, их наличия было бы достаточно для поддержания 80—90% максимального графика, между тем провозная способность на участке Семрино—Витебск определялась в 10 пар товарных и воинских поездов и на участке Бологое—Псков в 8 пар, т.-е. в 60% пропускной способности.

Запасы топлива. Запасами топлива сеть была обеспечена в среднем на месяц интенсивной работы, однако, значительно ранее срока запасы топлива истощились и дорога была совершенно не обеспечена в этом отношении.

Московская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

Протяжение дороги. В состав Московской сети в районе фронта входила одноцутная линия Ржев—Великие Луки—Новосокольники — Режица — Зилан — Зельбург — протяжением 523 вер.

Административное деление. Управление сети в Москве. Участок Великие Луки—Зилан, как выше сказано, выделен в распорядительном отношении в ведение Новосокольницкого Отдела.

Пропускная способность. По отдельным участкам при сохранении одной пары пассажирских поездов, пропускная способность выражалась в следующем числе пар поездов:

УЧАСТКИ.	Теоретич.	Практич.	Состав поезда.	
			Вагонов.	Вес.
Ржев—Великие Луки	20	16	56	42000
В. Луки—Н. Сок.—Режица .	21	17	56	42000
Режица—Зилан.	20	16	56	42000

Вагонный, паровозный парк и провозная способность. инвентарное количество товарного парка составляло 6817 вагонов, фактическое достигало 8000 единиц, из них в ремонте около 2,8%.

Паровозный парк имел 287 паровозов, из них 31 пассажирских, 254 товарных и 2 танковых; в ремонте 48 или около 14%.

При данном количестве паровозов движение между Ржевом и Зиланом было обеспечено в 10 пар поездов, т.-е. 60% пропускной способности.

Запасы топлива. Запасами топлива сеть была обеспечена не свыше как на 15 дней.

Риго-Орловская жел. дор.

Протяжение дороги. В состав Риго-Орловской ж. д. в предела.; фронта входили участки Полоцк—Двинск протяжением 151 верх Двинск—Рига—204 вер., Рига—Кеммерн—41 вер., Рига—Мюльграбен—4 вер., Торенсберг—Рольбуш—Пост 17 вер., и Торенсберг—Дамба—Гавань—15 вер.

Участок главных линий от Риги до Ремерсгофа и все участки, прилегающие к Рижскому узлу, переданы были в ведение Виленского Отдела Северо-Западных железных дорог.

Административное деление. Управление дороги в Витебске.

Пропускная способность. Теоретическая пропускная способность участка Полоцк—Двинск 40 пар, фактическая 34 пары при предельном составе поезда 55 вагонов и веса 50.000 пудов.

На участках главной линии Пост 14 вер.—Кокенхузен и Ливенгоф—Ницгаль движение не производилось, начиная с 18 сентября из-за обстрела неприятелем.

На участке Полоцк—Двинск постоянного вагонного и паровозного парка не было, но в необходимых случаях Р.-О.

ж. д. обеспечивала движение до 32 пар поездов, т.-е. до предела фактической пропускной способности.

Узкоколейные под'ездные пути.

Пернов-Ревельские пути состояли из ветвей Валк—Пернов протяжением 117 верст, Ревель—Мойзекюль 183 верст и Аленкюль Вайсенштейн—12 верст.

Пропускная способность. Пропускная способность определялась в 13 пар поездов, состав поезда 23 вагона.

Перновские пути имели 820 товарных вагонов и 42 паровоза; из числа последних откомандировано было на Лифляндские пути 5 паровозов, на Новосвенцянские 5 паровозов и 6 в распоряжение морской крепости императора Петра I.

Лифляндские под'ездные пути от станции Валк С.-З. до ст. Штокмансгоф Р.-О. ж. д. имели протяжение 197 верст.

Пропускная способность. Пропускная способность обеспечивалась до 12 пар при составе поезда в 14 вагонов. Лифляндские пути имели 226 товарных вагонов, 15 паровозов и сверх того 5 командированных с П. Р. п. п.

Вольмарский под'ездной путь имел в своем составе участки Вольмар—Зонеп длиной 59 верст и Вольмар—Смильтен—30 верст.

Участок от ст. Зонеп до ст. Гайнаш по требованию 6. армии был разобран.

Вагонный парк состоял из 103 вагонов, паровозов имелось 6 единиц.

Входившие в район фронта все Финляндские ж. д., начиная со ст. Белоостров, в военном отношении находились в ведении начальника Петроградского военно-дорожн. Отдела, которому было также поручено заведывание в военном отношении Петроградским железнодорожным узлом.

В отношении заведывания военными сообщениями Финляндии и удовлетворения зависящих от Петроградского узла нужд Северного фронта, начальник Петроградск. военно-дорожн. Отдела подчинен был Начвососеву.

Для Финляндских ж. д. передаточной станцией была назначена ст. Белоостров, состоявшая в ведении М. П. С. (см. особую главу о Финляндии).

ГЛАВА II.

Работа сети ж. д. северного фронта по главнейшим участкам в военном отношении.

Северо-Западные жел. дор.

Участок Гатчина—Ревель обслуживал части 6. армии, морскую крепость императора Петра I, город Ревель и в частности потребности заводов, эвакуацию больных и раненых 6. и 12. армии, которая производилась по направлению Рига—Валк—Тапс—Гатчина. (Курсировало 9 санпоездов).

По этому участку шли пополнения 12. армии из запасных баталионов, расположенных в районе Ямбурга и Нарвы; сверх того по этому участку пропускались военные эшелоны и грузы, следующие через Гатчину на Ригу в случае, когда участок Псков—Валк не мог быть использован по тем или иным причинам, имея в виду, что участок Валк—Рига являлся районом конечно-выгрузочным станций 12. армии. Воинские, людские, грузовые поезда разгружались преимущественно на станциях Валк, Венден, Рамоцкое, Лигат, Хинценберг, Зегевольд и Рига (при этих же станциях были расположены расходные продовольственные магазины). Как выше сказано, этот участок входил в путь эвакуации раненых и больных на Гатчину—Петроград (курсировало 7 санпоездов); в этом же направлении производилась эвакуация грузов из Риги.

Участок Псков—Валк обслуживал следовавшие пополнения и грузы всех видов снабжения для 12. армии и Усть-Двинской крепости. В направлении от Валка к Пскову шло эвакуируемое имущество заводов и фабрик Рижского района, а равно и лесной материал (напр., шпалы и шлиперы для строющихся дорог и мостов).

Участок Валк—Псков в свою очередь служил кружным направлением для движения санитарных поездов 12. армии в случае, если основное направление через Тапс почему-либо не могло быть использовано.

Участок Гатчина—Псков. С севера на юг по участку следовали пополнения и грузы преимущественно артиллерийского снабжения (на стан. Луга артиллерийский и инженерный склады). В направлении от Петрограда перевозились грузы и эшелоны, идущие на другие фронты в обход линии Петроград—Витебск, в обратном направлении циркулировали санитарные поезда из

района Двинска на север (курсировало 7 санпоездов), а также направлялось продовольствие и топливо, идущее с юга к Петрограду и направляемое кружностью в обход линии Витебск—Петроград.

Участок Псков—Двинск. По части его Псков—Режица шли продовольственные и интендантские грузы из Псковского промежуточного магазина в части 12. армии, расположенные в районе Штокмансгофа.

Для 5. армии по этому участку шли пополнения и грузы артиллерийского и инженерного снабжения (курсировало 7 санпоездов).

В виду прекращения сквозного движения по линии Двинск—Рига, участок Двинск—Режица—Псков обслуживал оперативные перевозки из 5. армии в 12. армию и обратно.

Здесь прилагается сравнительная таблица загруженности и использования пропускной способности [1]) по участкам в моменты наибольшей работы их.

УЧАСТКИ.	Фактическая пропускная способность.	Действит. в обращ:	
		Наибольш.	Среднее.
Гатчина—Нарва	18	17	—
Нарва—Тапс	18	12	—
Тапс—Ревель	17	15	—
Тапс—Валк	16	7	—
Гатчина—Псков	45	17	—
Псков—Режица	41	21	—
Режица—Двинск	41	14	—
Псков—Валк	18	15	—
Валк—Рига	16	14	—

Петроградская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

Участок Петроград—Витебск. Как уже было сказано, в направлении с севера на юг шли со стороны Петрограда эшелоны и воинские грузы, следующие на Западный и далее фронты; в обратном направлении из Витебска шли на Петроград продовольственные грузы и топливо.

Для нужд фронта эта линия не была использована.

Участок Медведево—(Бологое)—Дно—Псков. В Бологовском узле расположены были базисный продовольственный магазин, базисный инженерный склад, база к подготовлению к восстановлению ж. д. и база хранения и ремонта полевых дорог.

[1]) Указанные в таблицах фактические пропускные способности участков не могли быть использованы в полной мере и зачастую из-за несоответствия в развитии узлов с прилегающими к ним линиями.

Расположение базы в начале линии, а также вдоль ее и направление ее с востока на запад обусловливали особое значение последней в деле снабжения армии фронта.

Эта линия по схеме движения была отнесена, как питающая артерия, преимущественно для нужд 12. армии.

Через этот участок проходил также вспомогательный маршрут санитарных поездов, по которому шла эвакуация из 12. армии в случае заполнения госпиталей и лазаретов Петрограда.

Линия эта была совершенно не развита, со слабой пропускной способностью и должна была вызывать кружности для срочных грузов и эшелонов.

Сравнительная таблица.

УЧАСТКИ.	Фактическая пропускная способность.	Действит. в обращ.	
		Наибольш.	Среднее.
Семрино-Дно	15	10	—
Дно-Н. Сокол	15	8	—
Н. Сокол.-Витебск	11	8	—
Медведево-Дно	13	8	—
Дно-Псков	13	7	—

Николаевская жел. дор.

Участок Бологое—Великие Луки обслуживал часть перевозок интендантских грузов, идущих для 5. армии, а равно пропускал все воинские грузы и эшелоны, идущие через Бологое по назначению в эту армию или соседние фронты.

Участок В. Луки—Полоцк обслуживал перевозки интендантских грузов и движение санитарных поездов для Двинской группы 5. армии, а также транзит на Западный и Юго-западный фронты.

Сравнительная таблица.

УЧАСТКИ.	Фактическая пропускная способность	Действит. в обращ.	
		Наибольш.	Среднее.
Бологое — В. Луки	18	19	—
В. Луки — Полоцк	37	9	—

Московская сеть М.-В.-Р. жел. дор.

Участок Ржев—В. Луки являлся путем преимущественного потока интендантских грузов в магазины Ржев, В. Луки, Новосокольники и Ревель.

По этой линии происходила эвакуация раненых и больных из 5. армии. Курсировало 11 санпоездов.

Через линию Ржев—В. Луки поступали эшелоны, идущие со стороны Москвы в 5. армию.

Участок В. Луки—Режица. От Новосокольников к Режице шло продовольствие для Крейцбургской группы 5. армии; в обратном направлении происходила эвакуация раненых и больных той же группы, а с прибытием на фронт гвардейского отряда и продовольственные грузы для последнего."

Участок Режица-Зилан. По нему шли грузы всех видов снабжения Крейцбургской группы 5. и 12. армии и эвакуация больных и раненых; а также осуществлялись оперативные перевозки в обход Риго-Орловской ж. д.

Сравнительная таблица.

УЧАСТКИ.	Фактическая пропускная способность	Действит. в обращ.	
		Небольш.	Среднее.
Ржев—В. Луки	16	9	"
В. Луки—Режица	17	9	"
Режица—Зилан	16	8	"

Риго-Орловская жел. дор.

Участок Полоцк—Двинск обслуживал перевозки интендантских грузов и движение санитарных поездов Двинской группы 5. армии, а также часть 1. армии.

Со стороны Витебска, как выше сказано, шли продовольственные грузы и топливо на Петроград.

При фактической пропускной способности в 34 пары поездов на этом участке обращалось 21 пара поездов.

ГЛАВА III.

Состояние железнодорожной сети фронта к началу зимней кампании 1915—1916 года.

С задержкой неприятеля на З. Двине армия, оставив неприятелю относительно развитую железнодорожную сеть в Западном крае, оперлась на *слаборазвитую и малооборудованную ж. дорожную сеть*, каковая вследствие того, что весь первый год войны находилась в глубоком тылу, была соответственно сему слабо оборудована, линии входящие в нее имели малую пропускную способность и очень слабо развитые железнодо-

рожные узлы. Недостаточное развитие узлов, кроме понижения пропускной способности прилегающих к ним участков, также имело следствием крайне медленное движение эшелонов в пути; поезда не успевали за сутки пройти от одного продовольственного пункта до другого, чем вызывались большие осложнения с довольствием эшелонов.

Вслед за образованием Северного фронта к началу второй зимней кампании, когда сказалась общая неподготовленность России к войне и в частности железных дорог, по Высочайшему повелению комиссией г.-л. барона Роопа был произведен осмотр[1]) ряда дорог, значение коих при данном расположении дорог было первенствующим.

Общие причины нарушения правильности движения лежали, главным образом, в том, что пропускная способность перегонов и узлов, равно приемные и разгрузочные способности конечных станций не соответствовали тем заданиям, которые выпали на долю дорог в связи с изменением линии фронта.

Дороги, имевшие ранее преимущественно транзитное движение в сторону фронта и Петрограда, получали с Запада обратно поток эвакуироваемого имущества и населения и, одновременно должны были производить ряд оперативных перевозок.

Станции головных участков должны были принять на себя работу конечных выгрузочных пунктов, связанных с крупными операциями по выгрузке и с размещением на стоянки составов со штабами, с парками и прочими подвижными тыловыми учреждениями.

Усиленное производство работ по развитию пропускной и выгрузочной способности станций, по расширению вместимости их в свою очередь временно благоприятствовало росту затруднения в движении, так как производство новых работ потребовало обращение рабочих поездов с землею, балластом, материалами, а перерабатывающая способность узлов в период их переустройства уменьшалась.

Скопление вагонов в узлах, являвшееся следствием замешательства в движении, увеличивалось слабой выгрузкой интендантских и инженерных грузов и стремлением получателей держать грузы на колесах в ожидании их переадресовки. Сверх того, несоответствие размера работы дороги с их перерабатывающей способностью не регулировалось созданием общих

[1]) Отчет осмотра по высочайшему повелению воен. инжен. г.-л. барона Рооп сети ж. д.

планов перевозок по снабжению, эвакуации и т. д. и вместе с тем отсутствие общего руководительства не давало возможности отдельным дорогам наиболее легким и быстрым образом ликвидировать создавшиеся замешательства в движении.

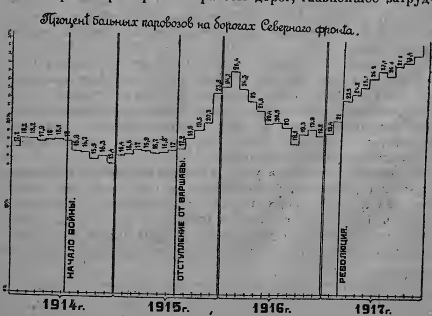
Прекращение одной из дорог приема грузов в затрудненных направлениях, останавливая поток грузов, создавало новые затруднения на соседних дорогах; распоряжения же о кружных направлениях вагонов, в таких случаях дающее решение вопроса, делались нередко разными учреждениями и противоречили одно другому, а потому и не достигали цели.

Телеграфная и телефонная сеть дорог оказалась недостаточно развитой и не могла обслуживать своевременную передачу донесений, распоряжений и во всяком случае не давала необходимых переговорных связей управляющих центров между собою и со станциями соответствующих участков.

Факторами, влиявшими на успешность работы, являлись также пользование дорогами топливом плохого качества, слабое использование грузопод'емной силы вагонов, незнакомство командированных служащих с условиями работы и пр.

В частности относительно Московской и Петроградской сетей М. В. Р. ж. д., главным образом, обслуживающих Северный фронт в направлениях наиболее важных, кроме указанных выше общих причин расстройства работы дорог, главнейшее затруд-

Процент больных паровозов на дорогах Северного фронта.

нение в движении по Московской сети обусловливалось скоплением вагонов с беженцами и эвакуированными грузами, шедших с запада при одновременном значительном притоке интендантских грузов с востока.

Движение на дороге осложнялось плохим состоянием паровозов, командированных с эвакуированных дорог.

Ремонт паровозов задерживался, как вследствие эвакуации Виндавского и Зиланского основных депо, так и отсутствием запасных частей для вновь прибывших паровозов так называемого нормального типа, тогда как на Московской сети инвентарь состоял из более мощных паровозов.

Недостаточно развитая телеграфная сеть препятствовала правильной постановке управления движения.

Те же причины серьезного замешательства в движении усматривались на Петроградской сети, главным образом, в полном расстройстве тягового хозяйства и отсутствии своевременной регулировки движения.

По количеству единиц паровозный парк при нормальном проценте числа паровозов в ремонте, должен был бы удовлетворять размерам перевозок, но массовый выход паровозов из строя внес расстройство в движение, [1]) граничащее с полной его остановкой; причины неудовлетворительного состояния подвижного состава лежали в целом ряде факторов: несоответствие ремонтных средств мастерских потребности в них, вызванной командировкой на сеть большого количества паровозов разных типов, отсутствие запасных частей к паровозам неинвентарного типа, недостаток ходовых материалов для ремонта, неудовлетворительное освещение мастерских и недостаточное водоснабжение. При столь неудовлетворительных средствах, отсутствие организации и должного надзора в деле ремонта паровозов со сплошным применением сменных бригад, когда паровоз лишается машиниста-хозяина, еще более ухудшали положение.

При всех этих обстоятельствах некоторое влияние на состояние паровозов и условия работы депо оказали также стоявшие в декабре и январе сильные морозы.

Неудовлетворительное состояние паровозов, имевшее следствием частые отказы депо в выпуске паровозов под поезда, повлекло за собой скопление неотправляемых поездов на узловых станциях. Между тем вследствие отсутствия должного руко-

[1]) Таблица ремонта паровозов.

водительства движением, продолжался прием вагонов от соседних дорог и погрузка в затруднительных направлениях.

Эти вагоны невозможно было продвинуть по назначению и их, в виде сформированных поездов, оставляли на промежуточных станциях.

Таким образом дорога оказалась переобремененной вагонами, причем количество вагонов превышало нормальное на 50%.

Независимо неправильной постановки общего руководительства движением, наблюдалось неудачное распределение участковых распорядителей, слабая телеграфная и телефонная связь со станциями соответственных участков, иногда граничащее с фактической невозможностью должного наблюдения за работой и отдачей срочных распоряжений.

Помимо общих причин на успешности работы линии Петроград—Витебск отразились условия работы ст. Петроград, путевое устройство коей и техническое ее оборудование оказались недостаточными.

ГЛАВА IV.

Перерыв сообщения по лини Рига—Двинск.

Сопоставляя работу железных дорог, вызванную сосредоточиванием войск на З. Двине и те неотложные и насущные потребности, требующие резрешения в первую очередь в связи с задачами, выдвинутыми оперативными соображениями, необходимо рассмотреть особо такой фактор, как перерыв сквозного сообщения по линии Рига—Двинск.

Как было уже выше сказано, первенствующее значение в деле снабжения армий приобрели три однопутные параллельные линии, идущие с востока, т.-е. глубокого тыла, на запад, т.-е. к фронту. А именно три слабо развитые линии: Гатчина—Ревель, Бологое—Рига и Ржев—Крейцбург.

Значение и работа их, в особенности второй линии, значительно возросли с момента нарушения неприятелем правильного сквозного движения между Ригой и Двинском по двупутной линии Рига—Двинск.

Перерыв сообщения последовал в ближайшие месяцы существования фронта [1]).

---

[1]) Перерыв всякого сообщения последовал 28/XII 1916 г. (Донесение комсибжелб. от 31/XII—16 г. за № 1531) после разрушения моста через ОГЕР. Правильное движение было прекращено из-за обстрела в сентябре 1915 года и только отдельные составы (с боевыми снарядами и припасами) проходили по ночам в условиях движения по передовым линиям.

Лишение фронта двупутной линии, параллельной фронту, соединяющей фланги, обороняемые такими укрепленными районами, как Рига—Двинск, влекло за собой огромные последствия, быть-может, даже неподдающиеся полному и всестороннему учету.

На железнодорожную сеть фронта ложилась работа, которая должна была протекать в невыгодных условиях и требовать огромного напряжения сети и затрат по доведению ее до степени, хотя бы отчасти заменяющей вышеуказанную потерю.

С потерей сквозного движения по линии Рига—Двинск, районы Двинска, Якобштадта и Риги оказались разобщенными и сообщение Рижского укрепленного района с Якобштадтом и Двинском могло совершаться только через Псковский узел, т.-е. на протяжении около 500 верст однопутной линии вместо 200 верст двупутной.

Таким образом на переброску головной боевой единицы требовалось времени свыше, чем в три раза; так, вместо 10 часов достаточных при средней нормальной по двупутному участку скорости воинского поезда в 20 верст, через Псков требовалось свыше 35 часов, причем половина пути совершалась при встречном направлении течения грузов на фронт по участку, на который только и опирался Рижский укрепленный район, по участку, который питал г Ригу и весь прилегающий к ней край.

Кроме этого, отсутствие линии Рига—Двинск в общей работе сети фронта значительно затрудняло оборону течения реки З. Двины, приковывая к различным пунктам ее значительные силы в виду изолированности их один от другого и тем самым заполняло грузами снабжения слаборазвитые подводящие линии. Противник же, в руки которого перешла ж. д. линия Крейцбург—Митава, пользовался неизмеримо более выгодными условиями, вследствие которых он имел возможность с большей для себя безопасностью ослаблять свои силы на этом фронте.

ГЛАВА V.

Развитие и сооружение железных дорог фронта.

В соответствии с вышесказанным надо иметь в виду, что фронт опирался на сеть ж. д., которая в основе своей схемы,

помимо того, что отдельные участки были слабо развиты, узлы не соответствовали пропускной способности подходящих к ним линий и пр., таила в себе такие недостатки, что требовала безотлагательного реконструктирования, дабы дать с одной стороны гибкость и подвижность с точки зрения оперативных перевозок фронту, а с другой стороны, чтобы меры, параллельно принимаемые к усилению существующей сети, достигли цели и гармонично сливались с созданием рациональной в военном отношении схемы дорог фронта.

Вопрос о потере сквозного движения по линии Двинск—Рига выше рассмотрен, а также и последствия, вытекающие из этого. Неоспоримым является тот факт, что фронт с начала своего существования не имел параллельной фронту рокировочной линии.

Одна сторона треугольника Рига—Псков—Двинск, образуемого линиями отчасти заменяющими рокировочную линию, была единственной в то же время линией, привязывающей правый фланг фронта к дорогам тыла, а сверх того, эта же сторона треугольника являлась участком (Рига—Псков С. З ж. д.) наименее оборудованным с тяжелым профилем и слабой пропускной способностью и одновременно с этим была единственной линией снабжения всего Рижского укрепленного района и гор. Риги с прилегающими к ней местностями.

Связь Риги с Ревелем, хотя достигалась линией Ревель—Тапс—Валк—Рига, но от Валка до Риги имелся участок, входящий с одной стороны, как сказано, в треугольник, заменяющий рокировочную линию, с другой стороны, слаборазвитый и загруженный, использование коего для оперативных перевозок могло быть только за счет грузов снабжения. Само побережье Рижского залива обслуживалось слаборазвитыми и недостаточными узкоколейными линиями.

При господстве в Рижском заливе нашего флота, опирающегося на морскую крепость императора Петра I, охрана побережья между Ригой и Ревелем не требовала сосредоточивания крупных сухопутных сил на нем и поэтому на первый взгляд казалось, что узкоколейная сеть, обслуживающая побережье до известной степени, была достаточной. С потерей Рижского укрепленного района и нашего господства на Рижском заливе, выдвинулся вопрос об обороне восточной части Рижского побережья при развертывании войсковой группы по линии Пернов—Валк.

Помимо обслуживания оперативных перевозок, на узкоколейную сеть ложилась задача снабжения целой армии, опери-

рующей в этом районе, и из производимого далее расчета видно, насколько не соответствовала узкоколейная сеть выпавшим на нее задачам.

В таком же положении находилась и Якобштадтская группа, опиравшаяся на единственную подводящую перпендикулярную к фронту линию Режица—Крейцбург, пропускная и провозная способность коей оказалась с увеличением численного состава фронта совершенно недостаточной для удовлетворения нужд армии [1]).

В более благоприятных условиях находилась Двинская группа и части армий южнее Двинска, опирающиеся на две двухпутные линии Псков—Двинск и Полоцк—Двинск, хотя и не лежащие в направлении течения грузов на фронт, но могущие быть использованы для оперативных перевозок в размерах, определяемых наличием парков подвижного состава без ущерба для грузов снабжения.

Неудовлетворительными по своей пропускной и провозной способности являлись также главнейшие артерии питания фронта линии Бологое—Псков и Ржев—Режица. Настойчивым проведением мероприятий по усилению пропускной способности железнодорожной сети в течение первого года существования фронта, главнейшие подводящие линии к фронту были настолько развиты, что по мнению Совещания представителей дорог фронта от 24 окт. (6 ноября) 1916 года развитие пропускной способности, напр., участка Псков—Валк—Рига до 21 пары являлось предельным и дальнейшее устройство раз'ездов, а также части вторых путей, уже не могло увеличить общей пропускной способности этого участка, т. к. средняя коммерческая скорость становилась бы очень пониженной.

Тем не менее в виду сложности переустройства узлов таковое не могло быть доведено до степени пропускной способности подводящих линий.

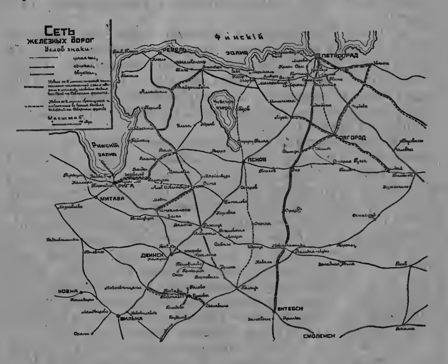
Одновременно с этим производились работы для возможности пропуска по всем линиям фронта однотипных воинских поездов 52 вагонного состава при весе в 40.000 пудов.

Одновременно с тем, как усиление означенных линий и создание в кратчайший срок новых линий вблизи данного фронта являлось задачей насущной, первой необходимости, высшему командованию необходимо было обеспечить фронт в более глубоком тылу, имея в виду срок потребный для соору-

---

[1]) Телегр. главкосева Куропаткина наштасеву Алексееву № 15 от 23/III 1916 года.

жения новых линий в 6—12 и более месяцев, сетью дорог обслуживающей впоследствии в соответствии с тыловыми укрепленными линиями будущие возможные линии фронтов, а, также, главным образом, основные тыловые позиции, обороняющие подступы к Петрограду—столице государства, где было сосредоточено до 60% предприятий, работающих на оборону.

Линия Псков—Нарва.

Возвращаясь к моменту сформирования фронта в хронологическом порядке, расширение сети дорог фронта началось с конца лета 1915 года, когда линия фронта еще определенно не была обозначена, и не было известно, где будет задержано наступление противника—на З. Двине или далее на восток на Чудских позициях, [1]) обороняющих подступы к Петрограду и когда было решено [2]) соорудить в 6-месячный срок линию Псков—Нарва, параллельную фронту позиций, прикрытую Чуд-

[1]) Письмо главкосева от 8 сен. 1915 г. за № 30253 наштасеву и М-у П. С.
[2]) Особый журнал Совета Министров от 16 (29) августа 1915 г. выс. утв. 30 авг. (12 сент.) 1915 года.

ским озером и связывающую оба фланга позиции кратчайшим путем.

Из-за краткости срока ее сооружения, линия должна была быть построенной в облегченных условиях, допускающих предельные уклоны в 0, 015, радиусы в 150 саж. при ширине полотна 2,40 саж. с соответственно уменьшенным слоем балласта в 0,15 саж. Искусственные сооружения все деревянные (свайные и ряжевые), причем ряжевые клетки были сооружены без фундаментов на песчаном основании и отверстия мостов назначены без точного расчета [1]).

Линия была спроектирована при пониженых скоростях (до 15 вер.) с наибольшей пропускной способностью в 12 пар воинских поездов и в 21 пару поездов при нормальных скоростях, после смягчения уклонов. Водоснабжение временного типа.

Имея в виду, что задачи отчета не обнимают технического описания производства работы каждой из строившихся линий на фронте, в дальнейшем таковые описания будут опущены. Краткое же описание хода работ и технических условий этой линии вызывается тем обстоятельством, что в текущей войне, чуть ли не впервые, если не считать постройку Бендеры—Галацкой линии в кампанию 1876—1877 г., был уложен рельсовый путь через 6 месяцев со дня приступа к работе или в 100 рабочих дней на протяжении около 180 верст, причем сооружение таковой производилось зимой при самых неблагоприятных условиях.

К работам было приступлено 15 (28) сентября; по условиям времени и расположения линии в районе, примыкающем к театру военных действий, не представлялось возможным в то время использование труда военнопленных, воинских команд и все работы исполнены были вольнонаемными. Суточное количество рабочих было 6.000 человек и 1.500 подвод. Специальных орудий при производстве земляных работ применено не было. Вообще оборудование линии инструментами встретило серьезные затруднения. Готовых материалов, как и продовольствия, на месте не оказалось, и пришлось доставлять из отдаленных линий поездами в Псков и Нарву и оттуда гужом вдоль линии.

Ранняя зима в связи с требованием фронта [2]) сомкнуть линию в январе 1916 года потребовала от строителей чрезвы-

---

[1]) Описание линии (на правых рукописи) правления Общества М. В. Р. ж. д.
[2]) Письмо главкосева г.-ад. Рузского министру п. с. от 29 авг. (11 сент.) за № 186.

чайных усилий в виду значительного понижения с наступлением холодов производительности труда. Мороз доходил до 30°. В числе серьезных препятствий для пропуска укладки со стороны Нарвы являлась р. Плюсса в 7 верстах от Нарвы, ширина коей в межень 40 саж., при глубине воды 4 саж., со скалистым дном, покрытым слоем глины в 1.33 саж.

Препятствие это было преодолено постройкой временного моста на баржах, просуществовавшего до окончания постройки постоянного, по которому после ряда испытаний и особых приспособлений для сопряжения берега с баржами были пропущены полногрузные организованные поезда.

К назначенному сроку [1]) в марте 1916 года был произведен осмотр линии комиссией в целях выяснения, возможен ли пропуск при данном состоянии линии, воинских поездов. Причем выяснилось, что после окончания подсыпки насыпи на 1 версте к 14 (27) марта возможен пропуск до 7 поездов одного направления в сутки весом брутто 21.000 пуд. одиночной тягой.

Кроме того, комиссия постановила не открывать движения без чрезвычайных обстоятельств по линии в течение еще месяца с тем, чтобы предоставить Строительному Управлению произвести неотложные работы, как-то:

1. Смягчить уклон на 34 версте.
2. Забалластировать всю линию, т. к. к моменту осмотра линия была забалластирована на первый слой только до 50% и
3. Обеспечить отвод воды.

Последнее обстоятельство было особо важно, т. к. в целях ускорения постройки, линия была запроектирована с минимальными земляными работами и отсутствие сооружений для отвода воды грозило на мелких местах, в связи со снежной зимой, весной прервать сообщения по линии.

Как и надо было ожидать, весна особенно сказалась для линии, сооруженной в столь краткий срок зимой, частью из мерзлого грунта, и недостаточно обеспеченной в смысле отвода воды.

После проезда министра п. с. по этой линии в конце марта 1916 года, сообщение по ней было прервано.

Затем, последующая комиссия установила сроки, когда возможен будет пропуск поездов полного графика [2]).

---

[1]) Телегр. начвососева от 2 (15) марта 1916 г. за № 76317 и протокол Ком. от 6 (19) марта 1916 года.

[2]) Телеграмма комиссии НУ от 15 (28) мая 1916 года.

После осмотра линии главным инспектором М. П. С. 6 (19) июля 1916 г. линия была передана в эксплоатацию Петроградской сети М. В. Р. ж. д.

Линия эта, однако, не могла быть по состоянию пути и своему оборудованию открытой под правильное движение, кроме экстренных случаев, когда возможен был пропуск 2—3 поездов в сутки.

Работы по приведению этой линии в состояние, допускающее правильное движение, продолжались, правда с перерывами, в течение целого года, и из акта освидетельствования линии, произведенного старшим инспектором, при товарище М. П. С., на театре военных действий 2 (15) мая 1917 года, видно, что:

1) На насыпях, возведенных на торфяных болотах, заметны осадки.

2) Водоотвод мало удовлетворителен.

3) Путь требовал тщательной выправки и усиленной вывозки балласта и замены негодного глинистого балласта хорошим песком.

4) На некоторых участках линии требовалось уменьшение хода поезда до 10 верст.

Пропускная способность 12 пар поездов могла быть осуществленной по мнению комиссии только во второй половине мая 1917 года, и к маю этого года линия могла пропускать при одиночной тяге в четном направлении поезда весом 24.000 пудов и в нечетном 27.000 пудов.

При установке толкачей на двух перегонах состав поезда в обоих направлениях мог быть доведен до 36.000 пуд. и наибольшая пропускная способность линии при открытии всех раз'ездов не превышала бы 8 пар поездов.

Таким образом, указанная линия, построенная в зимний период на облегченных условиях, потребовала продолжительного времени для приведения ее в проезжее состояние.

С другой стороны, наличие крутых под'емов, неподдающихся смягчению без больших переустройств, и оборудование линии временным водоснабжением не позволяло пользоваться этой линией в пределах выдвигаемых воинских перевозок.

Затрата денежных сумм, а также вложенный труд для соединения в 6-ти месячный срок рельсовым путем по данному направлению флангов Чудских позиций, не принесли действительных результатов. Линия эта фактически находилась свыше 2-х лет в периоде постройки, и облегченные условия постройки ее сказались только в том, что впоследствии потребуется много

времени и средств для приведения ее к типу магистрали, работающей полным практическим воинским графиком.

Рассматривая вопрос этот с точки зрения коммерческих интересов, связанных с сооружением этой линии, надо сказать, что таковые ничтожны.

В особом журнале совета министров, правда, указано, что эта линия, проходя по местности, лишенной ж. д., имеет некоторое экономическое значение и в виду этого оказывается возможным передать сооружение ее надежному частному предпринимателю, но в журнале узловой комиссии по вопросу примыкания новой линии от 7 (20) января 1916 года указано, что вынести какое-либо заключение по вопросу об ожидании влияния примыкания новой дороги на движение грузов по старой дороге представляется затруднительным и в частности, имея в виду постройку Обществом М. В. Р. ж. д. новой линии от Пскова до Юрьева, ожидать транзитных грузов по направлению к Нарве нельзя, и потому по линии Псков—Нарва возможна лишь передача местных грузов новой линии, в зависимости от чего приток или отвлечение грузов новой от старой не предвидится.

С точки зрения удовлетворения военных интересов, для обеспечения оперативных и других перевозок, ниже при определении рациональной схемы новых ж. д. фронта будет указано, что сооружение этой линии не являлось решением наилучшим и даже наиболее скорым, ибо в последнем случае можно было и не искать наилучшего решения вопроса. Обеспечение правого фланга Чудских позиций достигалось сооружением линии Валдай—Тапс с временным примыканием к Нарве, имея в виду, что независимо от сооружения линии Нарва—Псков сооружалась линия Валдай—Луга в две очереди.

Линия Петроград—Рыбинск.

В связи с отступлением линия Петроград—Витебск превратилась в военно-тыловую дорогу, отнюдь не могущую выполнять задания по снабжению Петрограда. С постройкой же линии Венев—Узловая, донецкий уголь, который до этого шел на Петроград через Витебск, должен был принять направление через Москву, загружая Николаевскую дорогу угольными перевозками, следствием чего нельзя было не ожидать чрезвычайного недостатка в Петрограде продуктов питания и развития необычайной дороговизны и резкого недовольства и волнения среди населения [1]).

[1]) Письмо предс. Ц. В. ПР. К. Гучкова от 28 авг. (10 сент.) 1915 года за № 5534 на имя главкосева г.-ад. Рузского.

Для удовлетворения потребностей Петрограда требовалось прибытие зимой грузов увеличить на 1.300 вагонов в сутки, закрытие же для невоенных перевозок линии Петроград—Витебск понизило прибытие в Петроград на 600 вагонов в сутки.

Основываясь на этих соображениях Ц. В. Пр. К. возбудил в августе 1915 года ходатайство, для снабжения Петрограда продуктами питания, о сооружении линии, соединяющей Волжский район с Петроградом, Петроград—Рыбинск.

Соображения эти получили одобрение штаба фронта при условии срочного сооружения головного участка этой линии Мга-Волхов, т.-е. до пересечения ее с намеченной тогда же штабом фронта ж. д. линии Чудово—Званка.

С сооружением же ветви от линии Чудово-Званка на Тосно, проектированной М. П. С. [1]) штаб фронта признал, что интересы обороны будут удовлетворены в равной степени сооружением только головного участка линии Петроград—Рыбинск, оставляя однако в силе соображения по поводу сооружения линии Петроград—Рыбинск в полном об'еме.

Вышеуказанное ходатайство было поддержано военным министерством, [2]) М. П. С. и штабом верховного главнокомандующего и м. М-р. П. С. внес 17 (30) сентября 1916 года в Совет министров [3]) представление о производстве в трехмесячный срок изысканий [4]) означенной линии. И по мере выяснения трассы линии было предложено М. П. С. строителям приступить немедленно к сооружению линии [5]).

Осенью 1916 года головной участок был уложен и открыто временное движение. За все время войны означенная линия была в периоде постройки и в деле снабжения продуктами первой необходимости Петрограда роли не играла и Петроград не избежал участи в феврале 1917 года резкого недовольствия и волнения среди населения. Параллельно с этим, имея в виду затруднения, происходящие в районе Петроградского узла, вырабатывались меры, при которых положение названного узла могло бы быть значительно улучшено, а также намечена была сеть дорог, которая давала бы выход грузов на фронт, минуя Петроградский узел. Так для грузов Белого моря и из Сибири сооружалась линия Буй — Данилов и второй путь Данилов — Ярославль — Александров (вне пределов фронта), благодаря чему

---

[1]) Письмо М. П. С. 29 сент. (22 окт.) за № 18135.
[2]) Письмо В. М. на имя главкосева от 12 (25) сент. за № 29543.
[3]) Представление М. П. С. от 17 (30) сент. за № 17361.
[4]) Письмо М. П. С. на имя главкосева от 10 (23) сент. за № 16891.
[5]) Письмо М. П. С. главкосеву от 15 (28) окт. за № 19326.

грузы без захода в Петроград получали направление через Вологду, Ярославль на Бологое.

Линия Мга—Лисино.

Для передачи грузов с Северных дорог на Николаевскую сооружалась линия Мга—Лисино [1]) каковая должна была быть закончена к концу осени 1915 года, намеченная в соответствии с пожеланиями законодательных учреждений и одобренная начальником генерального штаба.

Линия Званка — Чудово — Шимск.

Однако штаб фронта, признавая необходимость сооружения линии Мга—Лисино, считал [2]) что эта линия недостаточно сильно разгрузит Петроградский узел и взамен намеченного М. П. С. направления Волхово — Мшинское — Старая Русса настаивал на сооружении линии Званка—Чудово—Шимск, как более соответствующей целям обороны государства и дающей выход грузам сибирским и с Ледовитого океана, грузам в данное время почти исключительно воинским и особой важности.

Первая же линия, слабо разгружая Петроградский узел, давала выход грузам к портам Балтийского моря, т.-е. к портам, в коих обмен грузов был прекращен.

В сентябре 1915 года М. П. С. [3]) внесен в Совет Министров вопрос о переустройстве на широкую колею участка Чудово — Шимск и о постройке линии Званка — Чудово — и Шимск—Сольцы и об укладке второго пути на участке Сольцы—Дно—Витебской линии.

Весной 1916 года был уложен путь для временного движения Званка — Чудово, переустроена линия Чудово — Шимск, сооружена линия Шимск—Сольцы и начата укладка второго пути Сольцы—Дно.

Линия Волосово — Мшинская.

Тогда же распоряжением М. П. С. была сооружена лесовозная ветвь Волосово—Мшинская, весной 1916 года открыто движение по ней.

Что касается сооружения линии Званка — Чудово и Шимск—Сольцы, то сооружение этих линий производилось в спешном порядке в течение особо неблагоприятного зимнего периода и как и по линии Псков — Нарва, спешность соору-

[1]) Письмо М. П. С. от 29 авг. (11 сент.) за № 22359.
[2]) Письмо главкосева на имя М. П. С. от 2 (15) сент. за № 30129.
[3]) Представление в С. М. от 11 (24) сент. 1915 г. за № 17364.

жения сказалась после открытия движения перерывом движения на них свыше чем на два месяца. Насыпи на поймах р. Тигоды и Мшага, возведенные частью из мерзлого грунта (глина и др.), сопряженные с высокими и, в целях ускорения работ, запроектированными без подводящих эстокад мостами, с началом таяния начали деформироваться и произвели частичное разрушение готовых уже мостов. Потребовалось продолжительное время для удаления ближайших к мосту частей насыпи, сооружения взамен этого подводящих эстокад и перестройки поврежденных мостов.

Иначе говоря, все ожидаемые выгоды от срочного открытия движения на сооружаемых линиях фактически не имели места.

Кроме этого, окончание сооружения линии Званка—Чудово для выполнения прямого ее назначения задерживалось, т. к. к осени 1917 года не был еще сооружен путепровод через Николаевскую ж. д.; однако, по условиям транзитного движения ни в коем случае не могло быть допущено примыкание в одном уровне линии к Николаевской дороге.

Линия Петроград—Новгород—Орел.

В сентябре 1915 года управляющий М. П. С. внес [1]) на утверждение в Совет министров доклад о предложении Обществу М. В. Р. ж. д. приступить к сооружению линии Петроград—Новгород, головного участка линии Петроград—Орел. Линия эта, разгружая Николаевскую и Витебскую линии, облегчала бы подвоз топлива к Петрограду.

Штаб фронта [2]) не придавал особого значения с точки зрения государственной обороны линии Петроград—Новгород и настаивал на сооружении линии Луга—Новгород, дающей выход с правого фланга Чудских позиций на восток в обход Петроградского узла и дающей второй обход Петроградского узла (Званка—Новгород—Луга).

По соображениям как М. П. С., так и штаба фронта обе линии Советом Министров были разрешены. К сооружению их приступлено, и весной 1917 года была уложена линия Луга—Новгород и начата укладка линии Петроград—Новгород [3]).

Однако общий недостаток рельс в полевом управлении заставил начать разборку этих линий, но в связи с неудачами на Северном фронте и возможностью отхода войск на Чудские

[1]) Предотавление М. П. С. в Совет Министров от 17 (30) сентября за № 17861.
[2]) Телеграмма главкосева от 22 сент. (5 окт.) за № 270 на имя М. П С.
[3]) Дальнейшее изложение составлено по заметкам записной книжки.

позиции, разборка линии Луга—Новгород была приостановлена и осенью 1917 года открыто временное движение по ней.

Штабом верховного главнокомандующего в январе 1916 года был возбужден вопрос о постройке в обход Двинска линии Остров—Полоцк, которая в своем меридиальном направлении представляла бы весьма значительные выгоды движению.

Штаб фронта находил, что проектируемая линия в случае потери сообщения через Двинск не будет безопасна от ударов неприятеля и считал предпочтительнее сооружение второй колеи от Витебска до Новосокольников и линии Новосокольники—Остров.

Штаб верховного главнокомандующего, считая, что постройка второй колеи сопряжена с большими трудностями, и что построечные грузы обременят предельно работающую слабую магистраль Дно—Витебск, а с другой стороны, в виду одобрения наштаверхом постройки линии Полоцк — Остров (Псков), настаивал на сооружении этой линии.

Произведенные зимой 1916 года изыскания не дали верной картины грунтов. Многочисленные провалы насыпей, перепроектировка и перенос трассы вызывали большие затруднения и задержки в работе. Укладка рельс не па проектной отметке и последующая балластировка и под'емка пути не дали каких-либо результатов в смысле ускорения открытия движения по линии, но значительно задержали его, создавая большие трудности в производстве работ. Открытие движения состоялось в июне 1917 года. Для нужд фронта эта линия значения не имела и на совещании в штабе фронта было решено в случае потери Двинска и необходимости отхода войск на тыловые позиции разобрать часть линии от Полоцка до Опочки.

Возможность потери сообщения через Двинск сильно озабочивала командование.

На случай обстрела Двинского узла была срочно сооружена весной 1916 года Юзефовская ветвь, дающая прямой выход с Риго—Орловской ж. д. на Сев.-Зап. ж. д. без захода на станцию Двинск.

Обстрел станции Двинск весной 1917 года вызвал необходимость устроить на этой ветви особую станцию, куда предположено было вынести интендантские и санитарные операции.

Однако работа этой ветви была обеспечена только тогда, когда выходы ее, особенно северный—пост № 11, не находились под обстрелом.

С задержкой армий на З. Двине возник вопрос об обеспечении их рельсовыми путями. В связи с разобщенностью укрепленных районов в виду особого значения, которое приобрели с остановкой наших армий на З. Двине слабо оборудованные Лифляндские под'ездные пути, было решено срочно перешить на широкую колею эти пути и в первую очередь от Штокмансгофа до Альтшваненбурга, т.-е. до пересечения с намеченной к сооружению Пыталовской ветви Сито—Альтшваненбург.

Вопрос этот о соединении подымался еще при отходе наших армий в штабе Северо-Западного фронта, но не получил разрешения.

С перешивкой Лифляндских путей к однопутной линии Валк—Рига, единственной соединяющей дороги тыла с Рижским укрепленным районом, примыкали бы три линии: Штокмансгоф—Валк, Псков—Валк и Тапс—Валк. Естественно выдвигался на очередь вопрос о сооружении второго пути от Валка до Риги. Параллельно с перешивкой южной части Лифляндских путей был рассмотрен утвержденный главным начальником военных сообщений проект перешивки от Альтшваненбурга до Валка.

Перешивка северной части, на которой встречались под'емы до 0,020, не поддающиеся смягчению и радиусы до 80 саж., не являлась решением, обеспечивающим нужды фронта, так как для эксплоатации представляла большие трудности и не допускала движения поездов нормальными составами, и сверх того удлинение в 25 верст на Мариенбург было вызвано удовлетворением частных интересов владельцев предприятий и при перешивке требовало лишних затрат рельсового материала, в котором ощущался острый недостаток на всех фронтах. В виду этого прямой подсчет показал, что если примыкание к Валку является безусловно необходимым, выгоднее с затратой тех же средств соорудить линию магистрального типа по долине реки Аа (Лифляндской), и эта линия будет короче намеченной к перешивке на 25 верст.

Такие соображения заставили штаб верховного главнокомандующего отменить первоначальное решение, но, с другой стороны, настоять по соображениям недостаточно об'ективным на перемене примыкания. Примыкание к Рамоцкому вместо Валка с одной стороны уменьшало пробег между Ригой, Крейцбургом и Двинском и в своем направлении входило в будущую магистраль Нижний-Новгород — Рига, но с другой стороны, линия проходила вблизи Венденских позиций, в своем направлении была не параллельна фронту и тем самым не давала

исчерпывающего решения. В виду необходимости иметь соединение во всяком случае, штаб фронта согласился на направление Альтшваненбург—Рамоцкое.

В средине июля 1916 года перешивка южной части Лифляндских путей и сооружение продолжения Пыталовской ветви были закончены. Настоятельно необходимо было приступить к сооружению линии Альтшваненбург—Рамоцкое той же строительной организацией, которая освобождалась с окончанием работ южной части, дабы не потерять строительного сезона. Имея в виду благоприятную первую половину зимы 1916 года (морозы начались в последних числах декабря) можно было открыть в начале 1917 года движение по этой линии.

Однако распоряжением управления Путей Сообщения, заведующий перешивкой южной части в конце июля был командирован со всем штатом срочно на южный фронт. Переписка по этому вопросу затянулась и только к октябрю были закончены изыскания командированными из Петрограда лицами и в ноябре Полевое Строительное Управление приступило к постройке, имея в своем распоряжении до морозов не много более месяца. Благодаря этому, движение по линии Альтшваненбург—Рамоцкое было открыто с опозданием более чем на полгода, т.-е. в середине августа 1917 года.

Как было сказано выше, попутно с сооружением линии Альтшваненбург—Рамоцкое, был выдвинут вопрос о постройке второго пути от Рамоцкого до Риги, встретивший противодействие со стороны Управления Путей Сообщения. На совещании в Управлении Путей Сообщения представителями его приводились мотивы о невозможности уложить второй путь из-за отсутствия рельс, указывая на шоссе Псков — Рига, идущее параллельно линии Рамоцкое — Рига и „могущее заменить в случае переброски войск необходимость сооружения второго пути“.

Имея опыт оперативных перевозок в направлении Риги, штаб фронта настоял на необходимости немедленного сооружения второго пути на всем протяжении от Валка до Риги. При работе линии Валк—Рига полным практическим графиком в 16 пар поездов, а при открытии раз'ездов и частей вторых путей до 18 пар в сутки этот участок, главным образом обслуживая нужды снабжения, не мог обеспечить срочных оперативных перевозок и последние совершались за счет поездов снабжения, создавая недовоз его. Ярким доказательством сего служила декабрьская операция (1916 года), в течение которой войска Рижской группы пережили крайнюю продовольствен-

ную нужду, несмотря на то, что к началу операции был сосредоточен 15-дневной запас. Было решено в первую очередь, по освобождении рабочей силы с линии Альтшванепбург—Рамоцкое, соорудить второй путь от Рамоцкого до Риги, и план работ определил возможность окончания—конец июля для линии Альтшваненбург—Рамоцкое и конец августа для второго пути. Таким образом вместо того, чтобы иметь к началу 1917 года двойной путь, соединяющий Рижский укрепленный район с дорогами тыла, можно было ожидать создание его не ранее сентября того же года.

События 19—21 августа показали [1]), насколько правильными были опасения оставить Рижский укрепленный район на однопутной линии Валк—Рига, хотя пропускная способность ее и была доведена до 18 фактических пар поездов в сутки.

Правый фланг Северного фронта отошел на Венденские позиции в конце августа; одновременно с этим вновь был поднят вопрос, своевременно не получивший осуществления из-за наличия массы еще более неотложных потребностей, о перешивке Пернов—Ревельских под'ездных путей. Для возможности обеспечения снабжением войсковой группы, которой предстояло развертывание по линии Ревель (Пернов)—Валк, необходимо было предвидеть, что грузы спабжения могли вливаться или со стороны Ревеля и Тапса по линиям Ревель—Мойзекюль или Тапс—Гапсаль—Вейсенштейн—Мойзекюль и со стороны Валка по линии Валк—Мойзекюль.

Исходя из расчета, что для корпуса потребуется в сутки 26 вагонов продовольствия и фуража, 18 вагонов артиллерийского, инженерного имущества и прочих грузов, 10 вагонов артиллер. парка (считая один парк в 40 вагонов на армию в 4 корпуса) и считая, что расчет должен исходить для войсковой группы в 4 корпуса, намеченных к оперированию на восточном побережье, определилось, что всего потребуется кругло 250 вагонов или 8 поездов весом в 30.000 пудов каждый или 250.000 пудов и без тары чистого веса 160—170.000 пудов.

Пропускная способность участка Валк—Пернов определялась в 10 пар поездов, весом в 20.000 пудов каждый, участок Мойзекюль—Алленкюль—12 пар, весом 11.000 пудов каждый, участок Алленкюль—Ревель—в 10 пар весом 18.000 пудов каждый, и участок Гапсаль—Вайсенштейн (пол. паров. ж. д.) 22 пары, весом 3.000 пудов каждый.

---

[1]) Оставление Риги с потерей огромной ценности невывезенного военного и железнодорожного имущества.

Провозная способность в среднем указанных линий определялась в 7 пар поездов или 77.000 пудов в сутки одного направления и чистого веса 45—57.000 пудов.

Таким образом, непосредственно в район оперирующей группы по железным дорогам через Ревель—можно было доставлять одну треть потребных грузов снабжения, а две трети должны были быть доставляемы с района участка Тапс—Валк по грунтовым дорогам, т.-е. гужем потребовалось бы доставлять свыше 100.000 пудов, что при наличных транспортных средствах и состоянии грунтовых дорог представлялось совершенно невозможным.

С доведением провозной способности до пропускной, путем командировок паровозов с Лифляндских и Вольмарских под'ездных путей, возможно было бы доставлять около $^1/_2$ потребного количества грузов и для остальной потребовалось бы при наличии надежных грунтовых дорог свыше 500 грузовиков в сутки.

В случае же операций против Ревельской крепости, отсутствие непосредственного примыкания, помимо района крепости, к широкой сети (пол. паров. ж. д. между Тапс—Вайсенштейн) и еще более понижало возможность снабжения по железным дорогам и настоятельно требовало перешивки указанной узкоколейной сети на широкую, что, однако, не было выполнено.

Выяснившаяся неустойчивость войск заставила штаб фронта вновь обратить серьезное внимание на обеспечение тыловых позиций железнодорожными путями. Была остановлена начатая разборка линии Луга—Новгород и линия эта спешно приводилась в состояние, обеспечивающее пропуск 12 пар поездов в сутки.

Одновременно с проведением линии Петроград—Новгород Обществом М. В. Р. ж. д. было приступлено к сооружению линии Валдай—Новгород, дающей прямой выход по сооружении линий Луга—Тапс грузам с востока к портам Балтийского моря и обеспечивающей правый фланг Чудских позиций. Сооружение линии Валдай — Новгород задержалось, с одной стороны, в виду протеста Археологического Общества по поводу проведения трассы линии вблизи древнейших зданий близ Новгорода и имеющих громадную историческую ценность, с другой стороны, отсутствием потребного количества железа. При современном состоянии работ движение по линии могло быть открыто не ранее весны 1918 года, благодаря чему до сооружения этой линии правый фланг тыловых позиций был обеспечен линией Чудово—Новгород—Луга—Мшинское—Волосово— Нарва—в обход Петрограда.

ГЛАВА VI.

Финляндская ж. д. сеть.

В район Северного фронта вошла Финляндия, железнодорожная сеть которой была слабо развита для удовлетворения требований, пред'явленных к ней с открытием военных действий. Существующая сеть допускала движение составов, при грузопод'емности вагонов 600 пудов, в 27 вагонов, за исключением линии Петроград — Гельсингфорс — Таммерфорс, на которой обращались нормальные составы.

Паровозный и вагонный парки были слишком незначительны. Русские тяжелые паровозы могли обращаться только до станции Коувола из-за наличия моста через реку Кюмень, верхнее строение коего не допускало пропуска тяжелых паровозов. С первого момента войны через Финляндию потекли, скопляясь в портах и на стан. Торнео, из-за границы грузы, непосредственно имеющие отношение к обороне. Сеть требовала усиления и срочного окончания сооружаемых линий. С продвижением неприятеля на восток обеспечение Финляндии в железнодорожном отношении вызывалось настоятельной необходимостью. Возможность развития боевых действий со стороны противника в районе Финляндии настойчиво требовало обратить внимание на Финляндские железные дороги. В конце 1916 года был поднят вновь вопрос о скорейшем окончании строющихся дорог и развитии пропускной способности главнейших участков.

Для ускорения и облегчения сосредоточивания наших войск в трех главнейших направлениях, необходимо было довести к весне 1917 года в первую очередь пропускную способность до 14 пар поездов 44 вагонного состава участков Выборг—Иоенсу Элисенвара — Пиексемяки и развить ряд станций; во вторую очередь довести до указанной пропускной способности участки Коувола—Куопио и в третью очередь участок Рихимяки—Сейняйоки до 17 пар с соответствующим развитием посадочно-выгрузочной способности ряда станций. Указанный порядок с востока на запад вызывался недостаточностью времени и возможностью в случае развития интенсивных действий отхода нашего на восток для обороны подступов к Петрограду со стороны Финляндии.

Таким образом в случае окончания строющихся линий Петроград — Рассули — Хиттолаи — Пиексемяки — Ювяскюля, с

переустройством участка Ювяскюля—Хаопамяки, была бы завершена вторая северная магистраль Петроград—Хиттола—Элисенвара—Пиексемяки—Ювяскюля—Хаопамяки—Николайстадт.

Магистраль Хаопамяки—Сейняпоки—Торнео должна была иметь пропускную способность, обеспечивающую сосредоточивание по ней войск, идущих по магистралям Петроград—Выборг—Рихимяки—Хаопамяки и Петроград—Хиттола—Пиексемяки—Ювяскюля—Хаопамяки. Равным образом эта магистраль должна была пропускать грузовой поток из Торнео с прекращением навигации, принимая во внимание напряженность движения по ней в период приостановки навигации в Архангельске и вследствие неготовности Мурманской ж. д.

Вспыхнувшие внутренние события отразились на Финляндской ж. д. сети и к сентябрю 1917 года развитие железных дорог в районах, намеченных к развертыванию войск в случае высадки неприятеля, наполовину не было выполнено.

Участки северной магистрали Петроград—Николайстадт, Петроград—Хиттола, Пиексемяки—Ювяскюля закончены летом 1917 г. Однако наличие горного участка Хаопамяки—Ювяскюля не позволяло в полной мере использовать эту магистраль для транзита. Участок Торнео—Таммерфорс, на котором обращалось 9 пар поездов 27 вагонного состава, требовал затраты не более 150.000 рублей для повышения пропускной способности почти вдвое. Для этого требовалось только удлинить раз'ездные пути. Однако до окончания войны русские железные дороги связаны были с дорогами Швеции линией, пропускная способность коей $4^1/_2$ пары поездов нормальных составов.

Из этого краткого обзора строительства и усиления железнодорожной сети Северного фронта видно, что, с одной стороны, несмотря на все усилия штаба фронта, главнейшие насущнейшие задачи, поставленные требованиями войны, не были своевременно решены, с другой стороны, не видно определенного плана во всем строительстве, как, например, постройка линии Петроград—Новгород, совершенно ненужной фронту, и параллельно с этим задержка в сооружении столь нужных линий Альтшвапенбург—Рамоцкое и второго пути Валк—Рига; далее оставление без особого внимания Рижского побережья между Ревелем и Ригой, слабо обслуживаемого железнодорожными путями, и вообще медленный темп сооружения таковых, порой на условиях, неотвечающих пред'являемым требованиям к намеченным линиям.

Карта
Финляндских
жел. дор.
однокол.
двухкол.
узкокол.
строющ.
Ботническій залив
Торнео
Кеми
Рованіеми
УЛЕАБОРГ
Брагестад
Лаппи
Каяна
Якобстад
НИКОЛАЙСТАД
Сейнеіоки
Перейя
КУОПІО
Сурнеіоки
Ювяскюля
Пиексемяки
Іоэнсу
Таммерфорс
С. МИХЕЛЬ
Сердоболь
ТАВАСТГУС
Лахти
АБО
Хювинкя
Керава
ВЫБОРГ
Кексгольм
Ладожское озеро
ГЕЛЬСИНГФОРС
Финскій залив
Райвола
Терiоки
Белоостров
Токсово
ПЕТРОГРАД
РЕВЕЛЬ
Балт. Порт

Северный фронт на третий год своего существования не имел ни одной законченной сооружением дороги настолько, чтобы к ней можно было пред'явить требование немедленного использования пропускной способности до 12 пар. Как было выше сказано, Северный фронт имел три параллельных линии, значение коих было в деле снабжения первенствующее: Званка—Ревель, Бологое—Рига, Ржев—Крейцбург. Все эти линии однопутные и затребовали больших затрат для доведения пропускной способности до максимума, какой можно пред'являть к однопутной линии. Двупутная магистральная линия Петроград—Двинск, лежащая не в направлении течения грузов, была слабо использована. Линия Петроград—Витебск, являвшаяся в тылу единственной параллельной фронту и кратчайше соединяющей с другими фронтами, была перенапряжена работой. Для доведения до максимальной пропускной способности ее, потребовались большие затраты и нельзя было избежать загрузки ее построечными грузами [1].

Приблизительно следующая схема сооружения и усиления сети фронта представляется более рациональной и более приспособленной к требованиям военной обстановки.

Взамен линии Петроград—Новгород и Псков—Полоцк—соорудить второй путь от Петрограда до Витебска.

В течение того же времени с меньшими затратами имелась бы двухпутная линия, сейчас же по сооружении второго пути могущая работать двухпутным графиком для оперативных перевозок и грузов снабжения. Сооруженная же линия Псков—Полоцк не могла дать более 8 пар поездов, а линия Петроград—Новгород не была открыта. Далее, соорудить второй путь от Бологое до Валдая и продолжить линию Валдай—Луга до Тапса взамен сооружения линии Мшинская—Волосово; в этом случае можно было бы отказаться от сооружения линии Псков—Нарва.

Затем соорудить второй путь от Валка до Риги.

Взамен линии Альтшваненбург—Рамоцкое—соорудить линию Валк—Альтшваненбург и Режица—Дрисса, благодаря чему имелась бы ближайшая параллельная фронту рокировочная линия Полоцк — Дрисса — Режица — Пыталово — Альтшваненбург—Валк—Тапс, заменяющая также при потере Двинска линию Полоцк—Двинск—Режица. Входящий в эту линию участок Сев.-Зап. ж. д. Режица—Пыталово, пропускная способность коего не была использована в полной мере, при надлежащем развитии станции Режица и Пыталово, мог бы принять на себя

---

[1]) См. стр. 162.

движение грузов и эшелонов линии Дрисса—Тапс, не нарушая движения по главной линии Сев.-Зап. ж. д. Двинск—Петроград. Кроме этого, для доведения сети ж. д. в районе побережья Риги и Ревеля до развития, отвечающего нашим стратегическим задачам в Лифляндии, необходимо было усилить Пернов—Ревельские под'ездные пути, каковому усилению соответствовала вполне перешивка их на широкую колею.

При выполнении указанной схемы, можно думать, пасущные интересы фронта в железнодорожном отношении были бы в достаточной мере обеспечены. *Казалось бы, что обеспечение театра военных действий железными дорогами должно соответствовать своевременному сооружению нужных линий в предвидении военных событий, а нельзя его приурочивать к моменту развития действия.* События на юге (однопутный участок Унгени—Яссы) и на севере показали, насколько верны эти соображения.

Повторяю, чтобы использовать опыт минувшей войны действительным образом, надо немедленно заняться разборкой и обследованием всех материалов, и чтобы не повторять ошибок прошлого, необходимо коренным образом изменить существовавший взгляд на создание сети железных дорог в военном отношении.

Не останавливаясь ни перед какими затратами, несравненно меньшими, чем те, какие приходится затрачивать на приведение сети ж. д. к соответствующей схеме во время военных действий, не говоря уже об общих затратах страны в связи со слабой ж. д. сетью во время войны, необходимо развить ряд линий и соорудить новые с тем, чтобы вопрос обороны страны в железнодорожном отношении был поставлен на первое место.

Причем основными положениями при создании и развитии сети надо считать:

1) Заблаговременное сооружение ж. д. линий на театре военных действий, в соответствии с будущими рубежами военных действий на случай отхода наших войск вглубь страны.

2) В целях уменьшения затрат страны возможная замена сооружения стратегических линий эквивалентными экономического значения.

3) В случае необходимости сооружения ж. д. линии с началом военных действий, сооружать таковые на условиях, соответствующих пред'являемым к ним с момента сооружения требованиям срочности и густоты воинских перевозок, причем желательно сооружать вторые пути взамен проведения новых параллельных линий.

4) Развитие существующих должно вестись в предположениях использования подводящих линий не только для транзитных заданий, но и для возможности использования их для быстрого сосредоточивания и развертывания войск в известных районах.

5) Пропускная и перерабатывающая способности узлов должны соответствовать в полной мере таковым подводящих к ним линий.

Инженер Гонзаль.

Москва июнь, 1919 г.

О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1917 г. по 1 июня 1918 года.

(Историческая справка).

В конце мая 1917 года в Петрограде состоялся первый Всероссийский с'езд военных поляков. На с'езд прибыло 374 делегата с решающим голосом от частей фронта и тыла, успевших до того времени сорганизоваться. Однако этот с'езд нельзя было считать выразителем желаний и мнений солдатской массы, так как выборы были произведены от частей независимо от числа поляков, состоявших в них на службе.

Главным вопросом, подлежащим решению, из-за которого и раскололся с'езд, было отношение к созданию польских национальных войск. Социалистические партии, народники и т. п. прогрессивная демократия по тем или иным мотивам выступали против национальных польских войск, доказывая при этом реакционный характер проекта. Однако, вследствие умелого использования обстоятельств, дипломатических эффектов, агитации, а также деклассированности оторванных в течение трех лет от реальной жизни солдатских масс, считавших национальные части средством отделаться вообще от армии, отсутствие польской социалистической прессы и литературы— победителями оказались национал-демократы, за лозунгами которых пошло большинство (230 делегатов) с'езда. Меньшинство, опозиция, около 80 делегатов, не дожидаясь постановления, покинули с'езд и образовали польскую военную левицу.

Большинство, приняв резолюцию о необходимости добровольного выделения поляков из русской армии и создания польской вооруженной силы, не вмешивающейся в русские внутренние дела, зависимой от русского верховного командования только в стратегическом отношении, избрало исполнительный орган—Верховный Польский Военный Комитет, которому и поручило практическое осуществление пожеланий с'езда.

В. П. В. К., пользуясь широкой материальной поддержкой польской буржуазии, об'единившейся около национал-демократов, имеющих в своем распоряжении еще со времен царского режима хороший организационный аппарат, а также связями с высшим командным составом и ставкой, смотревшими на национальные части, как на ударников, вскоре, при активном содействии б. союзников, добился у тогдашнего временного правительства разрешения на сформирование одного польского корпуса; для этой цели при Генштабе была создана комиссия г. Осинского.

Таким образом деятельность национал-демократов, начатая еще в 1914 году и выразившаяся первоначально в сформировании польских легионов, стрелковых дружин, а потом бригады и дивизий, увенчалась успехом.

Находящиеся в киевском военном округе и районе юз-фронта польские воинские части, в состав которых вошли и остатки дореволюционных польских легионов, получили определенную конструкцию и возможность дальнейшего развертывания.

Протесты польской военной левицы не возымели никакого действия у правительства, и деятельность последней направилась на агитацию среди солдатских масс.

Командующим I. польским корпусом назначен был в августе 1917 года г.-л. Довбор-Мусницкий. Польские воинские части, подчиненные ему, отличались от общероссийских тем, что не пользовались войсковым самоуправлением, не имели комитетов, сохраняли дореволюционную дисциплину, безусловное подчинение начальству; от солдат, поступающих в корпус, требовали особой подписки о подчинении всем требованиям и распоряжениям командиров.

Несмотря, однако, на сильную агитацию В. П. В. К. и национал-демократов, среди солдатских масс корпус особым авторитетом не пользовался. В августе месяце внутри корпуса началась серьезная неурядица. Солдаты 1. польского запасного полка, находившегося в Белгороде, не подчинились приказу Довбор-Мусницкого, выбрали комитет и заставили оставить полк ком. полка и других офицеров. Довбор-Мусницкий потребовал для усмирения вооруженный отряд, т. к. собственными силами не мог справиться с полком, насчитывающим около 10.000 человек, т. е. приблизительно столько, сколько было в самом корпусе. Попытка вооруженного подавления не удалась. Корниловское восстание, во время которого Довбор-Мусницкий издал приказ о защите ставки и двинул части к Могилеву,

подорвало авторитет последнего. Даже В. П. В. К., понимая всю безрассудность этой авантюры, не согласился с Довбор-Мусницким и корпус ставку не защищал. Военный министр оставил без последствий телеграмму о необходимости посылки карательного отряда в Белгород.

Тем временем 1. польский запасный полк, благодаря вмешательству военной левицы и содействию Ц. И. К. первого созыва, был из'ят из подчинения польского ком. корпуса и образовал самостоятельную часть, получившую после октябрьского переворота название 1. польского революционного полка. Полк увеличился до 10.000 человек., польский корпус, расположенный главным образом в районе западного фронта до октябрьской революции, развертывался постепенно, но довольно медленно.

После октября 1917 года, воспользовавшись революционным моментом, обостренной гражданской войной и приказом т. Сталина, В. П. В. К. и буржуазные партии,—тогда уже все, не исключая прогрессивных демократов, развили очень энергичную деятельность, разослали по всем армиям и округам агитаторов и стали набирать солдат в корпус, об'ясняя, что в виду прекращения войны Россией, надо об'единиться для планомерного возвращения на родину. По всей России были созданы (еще до октября) отделы вербовщиков; организующих из пленных и солдат команды и роты и отправляющие их в польский корпус.

В. П. В. К., опасаясь за свое существование в Петрограде, переехал в Минск, центр шовинистской военной агитации.

Тогда же стали переводиться в корпус офицеры и юнкера. Первые, потеряв привилегированное положение в армии, вторые, оставшись, после закрытия военных училищ и школ прапорщиков, без мест.

И в конце декабря польский корпус состоял уже из 12 стрелковых полков, 3-х уланских полков и тяжелой артиллерии.

Этим, однако, не кончились попытки создать польскую армию. На румынском и юз-фронтах создаются новые воинские части, зачатки II. и III. польских корпусов. В конце декабря на румынском фронте, расформированная 166. пех. див. передается формирующейся при 9. армии польской дивизии. В отдельных случаях эти части носили более демократический характер, но в общем они служили средством отмежевать польского солдата от революции, дать свежее и послушное орудие борьбы в руки империалистов.

Солдатская масса, недоверчиво и недружелюбно относившаяся к проискам националистов, вследствие стихийной „демобилизации“, начинает искать выхода из тяжелого положения. Тяжесть работы, после ухода русских и украинских товарищей, легла во многие частях на плечи беженцев и под влиянием раз'езжавших по всему фронту вербовщиков дала себя увлечь в польские части.

Подобное явление имело место по всему фронту. Выделялись украинские, польские, армянские и другие части, забирая друг у друга обозы, продовольствие и т. п.

Тем временем назревал серьезный конфликт между высшим командным составом польского корпуса и В. П. В. К. с главковерхом Крыленко и революционными властями.

Из мест расположения корпуса, еще при Ц. И. К. первого созыва, стали появляться делегации и заявления от местных Советов о том, что солдаты польских частей, исполняя приказание своих начальников, защищают интересы помещиков, не позволяют волостным комитетам управлять отобранными имениями, вступают в сделки с самими помещиками, забирают хлеб и фураж—вообще являются орудием борьбы в руках аграриев против крестьянства.

27 ноября 1917 года главковерхом издан был приказ о демократизации польского корпуса, т.-е. введении войсковых комитетов и выборного начала, о неисполнении революционными властями распоряжений В. П. В. К. и об упразднении комиссии г. Осинского.

Командный состав корпуса и В. П. В. К. не только не подчинились приказу, но решительно запротестовали, совместно со многими союзами военных поляков против вмешательства во внутреннюю жизнь корпуса и посягательств на право самоопределение нации.

Результатом протеста и занятого корпусом положения был целый ряд арестов среди членов правлений союзов военных поляков (правых), а в начале января 1918 года в г. Минске арестовано было несколько членов В. П. В. К. Кроме того, был издан приказ о том, что в виду неподчинения польского корпуса требованиям ставки, последний лишается всех видов довольствия.

В это же время, согласно распоряжения главковерха, корпус концентрировался в районе Быхов, Жлобин, Бобруйск. Однако, отправляющиеся туда части по дороге останавливались революционными войсками, разоруживались, офицеры арестовывались, а солдаты отпускались как демобилизованные. Несмотря

на то, что главкозапом был отдан приказ о демобилизации поляков, большинство частей все же успело соединиться с корпусом.

В конце января 1918 г. общее положение настолько ухудшилось, что вооруженное столкновение стало неизбежным. Польская социалистическая делегация, отправившаяся в I. корпус, к солдатам допущена не была; командный же состав решительно отказался сделать какие бы то ни было уступки. Делегация уехала в ставку ни с чем. В районе Быхова, Жлобина, Бобруйска разгорелась борьба между I. польским корпусом и революционными войсками, которая длилась до германского наступления. В.П.В.К. было выпущено воззвание о мобилизации поляков для защиты польских граждан от насилий большевиков.

Среди солдат корпуса началось брожение и массовые побеги. Под влиянием агитации военной левицы еще в конце декабря тяжелый артиллерийский дивизион, находившийся в Витебске, при содействии местного совдепа революционизировался, избрал комитеты и отказался подчиняться Довбор-Мусницкому. Во время самой борьбы солдаты сотнями бросали оружие, являлись в Минск, Жлобин и другие пункты и демобилизировались; благодаря, однако, особым легионам, состоящим из офицеров и юнкеров, а также обилию буржуазных элементов, корпус продержался до прихода немцев.

В январе месяце В.П.В.К., желая упрочить положение польской армии, найти материальные средства для формирования, заключил в Киеве договор с Советом Междупартийного Об'единения, за спиной которого стояли правительства коалиции. В.П.В.К., не ожидая с'езда, распустил себя, передав всю власть вновь образованному совету польских вооруженных сил. Довбор-Мусницкий по некоторым сведениям отнесся отрицательно к новоявленному Совету и 25 февраля 1918 года вошел в соглашение с германским командованием. Польский корпус как „нейтральный отряд" получил занимаемый им раньше район, охранял порядок и производил реквизиции для своих и германских частей.

На украинской территории остались формирующиеся II. и III. польские корпуса. В марте 1918 г. польский вспомогательный корпус в Галиции, находившийся при австро-венгерской армии, находясь под влиянием событий политического характера, оторвания от Польши Холмской губернии, германского насилия над Польшей и т. п., решил перейти на сторону русских революционных войск. Вторая бригада с боем

прорвалась через австрийский фронт, соединившись со вторым польским корпусом, высказавшимся против Довбор-Мусницкого, заняла позиции на Днепре против Канева.

В Русской Республике остались небольшие разоруженные части, пытавшиеся несколько раз неудачно развернуться. Об'единяющим центром являлась Москва, где находилась так называемая комендатура В.П.В.К. В подчинении комендатуры состояли польские воинские части в Москве и запасный батальон, сформированный В.П.В.К., переименованный после октябрьской революции в польский стрелковой полк имени „Бартоша Гловацкого“, в составе около 1000 человек, при коем стали составляться зачатки кавалерии и железнодорожных войск. Об этом знал штаб московского военного округа. До половины марта никаких препятствий указанной части не чинил. Комендатура, некоторые члены коей в декабре 1917 года были арестованы в связи с событиями в I. польском корпусе, перестала существовать в феврале 1918 года.

В начале марта 1918 года полк имени „Бартоша Гловацкого“ согласно решения штаба московского военного округа, должен был переименоваться в интернациональную красноармейскую часть, при чем в случае неисполнения этого требования лишался всех видов довольствия, получаемых им из московского интендантства. Требование штаба исполнено не было. Благодаря суммам, полученным от Совета Междупартийного Об'единения (в марте мес. 10.000 рублей), часть просуществовала до апреля месяца, когда по распоряжению В.Ч.К. несколько чинов командного состава с командиром полка, полковником Маевским, во главе были арестованы, а полк расформирован.

Последняя попытка создать польскую вооруженную силу заключалась в том, что при 4. армии южных республик начали формироваться: 1. польский пехотный и 1. кавалерийский полки советских войск и южных республик. После расформирования армии и штабов южных республик и вследствие вмешательства польского комиссариата, пехотный полк был упразднен, а люди откомандированы в Революционный Варшавский Красный полк, кавалерийский полк был преобразован в Мазовецкий Уланский эскадрон и прикомандирован к названному Варшавскому полку.

Национал-демократы, не будучи в состоянии создать польскую армию на русской территории, особенно после перехода войск Довбор-Мусницкого к немцам, повели агитацию среди солдат поляков пленных за отправку их на французский фронт и в Америку. Агитация эта не только не пользовалась успехом, но даже в частях, созданных В.П.В.К. и субсидируемых С.М.О.,

встретила враждебное отношение и не принесла почти никаких результатов.

Кроме Совета Международного Объединения целью создать польскую армию задалась и другая организация, фактически отделение первой, возникшая в декабре 1917 года, под названием „Лига Боевой Готовности“ с базами в Киеве и Москве. Организация эта отличалась военной дисциплиной, безусловным подчинением правлению „Лиги“ и должна была приготовлять в польском обществе почву для его милитаризации.

Из польских революционных воинских частей некоторые были демобилизованы, остальные же составили кадр для красноармейских интернациональных частей. Белгородский полк, разделенный на 1. и 2. революционные полки—для революционного Варшавского Красного полка, тяжелый артиллерийский дивизион в Витебске—для революционного баталиона. Части, формированные в Финляндии, носившие характер караульных команд, демобилизовались во время боев с красногвардейцами.

После Брестского мира на территории, окупированной австро-германцами, остались два корпуса: I. под командой Довбор-Мусницкого и II., в состав коего вошла бригада Галлера, под командой Осинского. Последний, заняв позицию на правом берегу Днепра у Канева, собирался перейти на территорию российской республики, чему, однако, помешали немцы, заняв предварительно все переправы и окружив постепенно расположение корпуса своими войсками. На судьбу корпуса повлияла и нерешительность командного состава, пытавшегося войти в сношения с польским Регенционным Советом, отсутствие определенного плана действий и, самое главное, международное положение, отсутствие базы, на которую корпус мог бы опереться, как активная боевая сила: 12—13 мая, после горячего боя II. корпус, окруженный германцами, сдался и сложил оружие. Люди частью разбежались, частью попали в плен.

Одновременно германцы стали готовиться и к разоружению I. корпуса, правда, не представлявшего пока для них угрозы, но в будущем, под влиянием агитации, могущего причинить много неприятностей. При активном содействии Довбор-Мусницкого, знавшего и державшего до последней минуты планы немцев в тайне, корпус был разоружен около 21 мая 1918 г., солдаты были отправлены на родину партиями.

Группа офицеров-радикалов попыталась помешать разоружению: захватив штаб и арестовав самого Довбор-Мусницкого, она объявила борьбу с германцами. Благодаря инертному отношению солдатской массы и большинства офицеров, искавших

в корпусе только убежища перед революцией, затея эта кончилась неудачей заговорщиков и победой Довбор-Мусницкого.

На разоружении корпусов решили сыграть национал-демократы. Разбежавшиеся солдаты обоих корпусов, среди которых находилось много военно-пленных и подданных Австро-Венгрии и Германии, коим угрожала опасность быть преданными своими правительствами суду за измену, пробрались на территорию Украйны. Тут-то, пользуясь тяжелым положением беглецов, национал-демократы развили энергичную деятельность и стали набирать солдат для отправки на запфронт к союзникам. Имея в своем распоряжении большие средства, они организуют, преимущественно в Киеве, партии, вручают офицерам деньги и таким образом, не опасаясь побега солдат в дороге, продолжают свою работу по отправке пушечного мяса империалистам.

Настоящая справка является, к сожалению, слишком краткой, так как обширный материал, касающийся данного вопроса, находится частью в окупированной территории, частью же в разных местах российской республики:

Некоторыми дополнительными материалами для будущих работ могут послужить:

1) *Журналы:* а) „Военные Известия", выходившие в Киеве, орган польских легионов.
б) «Польские вооруженные силы», орган верховного польского комитета.
в) «Революционная армия», орган А. Скобейко.
г) «Польский Солдат», временный орган В.П.В.К.
д) «Солдатское Дело», орган главного комитета (левицы).
е) «Пост Пляцвука», орган группы Н.-Д. в польском корпусе.

2) *Ежедневные издания:* «Дзенник Польский», «Газета Польская», «Дзенник Минский», «Дзенник Народовы» (бывш. «Дзенник Петроградский») «Эхо Польское», «Дзенник Киевский».

3) *Партийные Органы:* С.-Д. «Трибуна», П.П.С. (левица)—«Работники в России». П.П.С.—(бывш. Рев. Фр.)—«Голос работника и солдата».

4) *Приказы по корпусу:* приказы по полку имени Бартоша Гловацкого, приказы по 1. запасному польскому полку (1. и 2. революционным полкам).

5) *Циркуляры и телеграммы:* союзов военных поляков, особенно фронтовых.

6) *Протоколы* 1 Всероссийского с'езда военных поляков, заседаний совета делегатов (Военной Левицы).

7) *«Известия Ц.И.К.»*, выходивший до октябрьского переворота листок «Солдат Гражданин» и др.

Слушатель академии генштаба рабоче-крестьянской красной армии

Вацлав Дашкевич.

Февраль 1920 г. Москва.

3. Башкирский кавалерийский советский полк на петроградском фронте.

3. Башкирский кавалерийский советский полк, входящий в состав Отдельной Башкирской кавалерийской дивизии, прибыл вместе с остальными полками дивизии в Петроград в сентябре месяце 1919 г. В начале октября, когда наступающие белые войска Юденича начали уже угрожать Петрограду, по приказанию коменданта петроградского укрепленного района тов. Аврова, в распоряжении которого находилась вся дивизия, из дивизии был выделен один кавалерийский полк—3 кавалерийский Башкирский советский, от стрелковой Башкирской бригады, тоже прибывшей в Петроград,—3. стрелковый Башкирский, который вместе с приданной артиллерией составили группу войск под общей командой тов. Алишева. 15 октября в 17 час. 30 мин. 3. кавалерийский Башкирский советский полк силой двух конных эскадронов 1. и 2.—250 сабель, двух пеших—3. и 4.—375 штыков, пулеметной командой—4 пулемета „Максима", команда связи, полкового околодка и обоза I разряда, после торжественных проводов, устроенных штабами и политотделами петроградского укрепленного района и отдельной башкирской кавалерийской дивизии, отправился походным порядком на петроградский фронт по маршруту г. Петроград—д. Лигово—д. Старое Паново—д. Новое Паново—д. Сосновка—д. Чухонское Койерово—д. Венерязи—д. Новое Сузи—д. Подгорное Пулково, куда прибыл 16 октября в 18 часов [1]).

С 16 по 18 октября полк, сосредоточившись в д. Подгорное Пулково, ведет разведку в конном и пешем строю в районе д.д. Чухонское Койерово, Русское Койерово, Большие и Малые Пики, Хамалайне, Хумалиеты, Мендухары, Нуркаборы, Новая, Кюльма, Таликово, Большое Карлино, Солози, Николаевская, Лотто и держит конную связь с соседними частями. Противник закреплялся на Шутоловских высотах восточнее г. Красного Села и держался пассивно. 18 октября полк перешел из д. Подгорное Пулково в д. Кюльму, установил связь слева с 6. стрелковым, справа с 3. стрелковыми башкирскими полками, и вы-

[1]) Названия населенных пунктов согласованы с 2-х и 3-х верстной картой. *Автор.*

сылает в сторону противника разведывательные дозоры и конные раз'езды; всю ночь происходили столкновения наших разведчиков с разведывательными партиями противника, и ружейный и пулеметный огонь с обеих сторон не прекращался до самого утра, но потерь у нас не было. Утром 19 октября был получен приказ, предписывающий полку перейти в наступление, овладеть позицией противника: д. Новая—д. Лотто, и в случае дальнейшего развития успеха двигаться на г. Красное Село. Помкомполка тов. Гагрин отправился с 2. и 3. эскадронами и пулеметной командой из д. Кюльма на д. Таликово и далее па д. Солози, выслав в обход левого фланга противника 4. эскадрон и оставив 1. эскадрон для прикрытия нашей батареи, к тому времени начавшей обстреливать позиции противника, но задачу выполнить из-за превосходных сил противника не удалось, и полк с потерями убитыми и ранеными отступил в д. Кюльму, а оттуда, согласно полученного приказа, в д. Подгорное Пулково. 20 октября полк занял позицию д. Большое (чухонское) Койерово — д. Веперязи — д. Новое Сузи, имея соседями: справа 3. стрелковой башкирский полк и слева 6. стрелковой полк. Около 18 ч. противник после сильного артиллерийского огня перешел в наступление на участке 6. стрелкового полка, который под натиском противника отступил и закрепился на Пулковских высотах, что заставило нас для обеспечения нашего левого фланга, выяснения создавшегося положения и установления прерванной было связи с 6. стрелковым полком, выслать конные раз'езды в сторону д. Новое Сузи под командой красных офицеров. Наступление противника было остановлено и остаток дня и ночь прошли спокойно. К 13 часам 21 октября полк сосредоточился в д. Венерязи и получил приказ прорвать фронт противника и занять д. Хамалайне; по получении приказа нами была выслана пешая разведка, которая, обнаружив расположение противника, его силы и большое количество пулеметов и ручных автоматов, была обстрелена и, потеряв одного убитого и трех раненых, возвратилась обратно в д. Венерязи.

Весь день по всему фронту и у нас и у соседей шла ружейная, пулеметная и артиллерийская перестрелка. В 8 ч. 22 октября началось наше наступление на д. Хамалайне. В начале наше наступление увенчалось полным успехом; мы выбили противника из деревни, закрепились в ней, а на правом фланге, совместно с 3. стрелковым Башкирским полком, ворвались в д. Николаевскую, но, продержавшись в ней 11 часов, вы-

нуждены были, под натиском превосходных сил противника перешедшего в контр-атаки и открывшего сильный артиллерийский огонь, отойти и занять исходное положение у д. Венерязи, потеряв убитыми и ранеными 45 ч.

23 октября был снова получен категорический приказ прорвать фронт противника и занять д. Хамалайне.

В 8 ч. сводный пеший эскадрон (сформированный из 4 пеших эскадронов) под командой красного офицера тов. Малиновского, имея на флангах спешенный 2. эскадрон под командой пишущего эти строки, после упорного боя занял д. Хамалайне, и, развивая успех дальнейшего наступления, д. Хумалисты, Мендухары, Кюльму, Б. Карлино, Таликово, пол-эскадрона 2. эскадрона, преследуя отступающего противника по красносельскому шоссе, в конном строю, ворвались и в д. Солози, но противник, расположенный на Шутоловских высотах, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, и пол-эскадрона отступили в д. Таликово, куда подошли остальные эскадроны и остановили начавшиеся контр-атаки противника. Тов. Малиновский, раненый еще утром, не покинул своего эскадрона до самого окончания боя. Вечером подошел 162. стрелковый полк, который сменил нас на нашем боевом участке, и мы отошли в д. Кюльму. С утра 24 октября противник обстреливал д. Кюльму ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем; во избежание излишних потерь, конные эскадроны были отведены в район д. Большое Виттолово, а по восстановлении положения пехотными частями, полк перешел и занял боевой участок на красносельском шоссе у д. Таликово—Большое Карлино. Около 8 ч. 25 октября противник выслал разведку силой в одну роту, которая, наткнувшись на левый фланг нашего сторожевого охранения, была отогнана ружейным и пулеметным огнем, и отступая оставила одного раненого белогвардейца, из опроса которого выяснилось, что к противнику, расположенному на Шутоловских высотах, на подкрепление подошел Ревельский пех. полк. В 17 часов мы совместно с 162. стрелковым полком перешли в наступление на д. Солози, которую заняли после упорного сопротивления противника и, продержавшись до 20 ч., по смене нас 3. стрелковым Башкирским полком отошли в резерв в д. Таликово и в д. Кюльму. 26 октября полк перешел в резерв башгруппы и расположился в. д. Большое Виттолево, выслав 1. и 2. эскадроны в распоряжение начальника башкирской группы; по его указанию эскадроны расположились в районе д.д. Пейколадзе, Пельгола, Пайюла, выставив охранение на флангах и держа связь между полками. 27 октября весь полк перешел из д. Большое Вит-

толово в д. Пельгону. 28 октября наши наступающие части по всему фронту успешно продвигались вперед, и для преследования отступающего противника за полотно балтийской жел. дороги в д. Большую и Малую Истинку был выслан 1. эскадрон, который оттеснил противника и восстановил связь в образовавшемся прорыве между 162. стрелковым и 3. башкирским стрелковым полками. К 10 часам 29 октября весь полк сосредоточился в д.д. Большая и Малая Истинка, спешенными эскадронами, заняв сторожевое охранение в лесу западнее д. Малая Истинка и вел конную и пешую разведку в направлении на д. Иля и „хутора" севернее д. Пурсково. 31 октября полк отошел в д. Б. Тайцы в резерв башгруппы, а утром 1 ноября выступил опять в д. Малую Истинку и перешел в распоряжение командира 162. стрелкового полка. По прибытии полка в д. Малая Истинка, когда выяснилось, что западнее деревни, между расположенными на позиции 478. стрелковым и коммунистическим отрядом, прорыв и нашему полку приказано было в пешем строю занять этот прорыв, то большинство несознательных красноармийцев, под влиянием преступной агитации белогвардейских агентов, отказались исполнить боевой приказ, мотивируя свой отказ различными ничем не обоснованными причинами и начали устраивать что-то в роде митинга, несмотря на все усилия комсостава, политработников и коммунистов прекратить лишние разговоры и двинуть эскадроны к месту прорыва. Между тем в прорыве появляются наступающие цепи противника. Коммунистический отряд, занимающий высоты, западнее д. Малой Истинки, с боем начинает отходить к деревне, отходит и левый фланг 478. стрелкового полка... противник начинает обстреливать деревню и собравшиеся беспорядочной толпой эскадроны, все еще обсуждающие „идти на позицию занимать прорыв или не идти", ружейным и пулеметным огнем. При первых выстрелах противника началась паника; пешие стали поспешно разбегаться по деревне и прятаться в отдельных домах и сараях, часть конных поскакала обратно по дороге на Большие Тайцы. Видя создавшееся тяжелое положение,—прорыв фронта, отступление соседних частей, накопление противника в прорыве его с заходом в тыл соседним частям, угрожая в случае дальнейшего развития наступления д.д. Большой и Малой Истинкам, Малым Тайцам и линии Балтийской жел. дороги, командир 1. эскадрона тов. Гайнанов, по собственной инициативе, один направился к месту прорыва для выяснения сил наступающего противника; выяснив силы противника, которого было не больше баталиона, тов Гайна-

нов доложил об этом вридкомполка тов. Кедрову и по его приказанию все же собрал 1. и 2. эскадроны, спешил их и занял прорыв, остановив дальнейшее наступление противника ружейным и пулеметным огнем. В 23 ч. 1. и 2. эскадроны сменил на позиции 3. пеший эскадрон, которые отошли в д. Малую Истинку и расположились в резерве. С 1 по 4 ноября полк занимал позицию у д. Малой Истинки, а 4 ноября перешел в д. Большие Тайцы, составляя армейский резерв 7. армии.

8 ноября был получен приказ о присоединении полка к конной группе тов. Пылаева (2. конный полк и 3. кавалерийский Башкирский советский полк)—и о переходе в д. Онетопель для соединения с 21. конным полком. С 9 по 12 ноября полк двигался походным порядком в д. Онетополь по маршруту: д. Большие Тайцы—д. Коноховицы—д. Колотицы—д. Онетопель, куда прибыл в 10 ч. 12 ноября и сразу получил отдельную задачу. Между тем общее положение на фронте было следующее: противник, отступивший к Ямбургу, упорно удерживался на заранее укрепленных позициях у д. Керстово—д. Ямсковицы—ст. Веймарн; и группе войск тов. Одинцова, в состав которой вошел 3. кавалерийский башкирский советский полк, было приказано прорвать фронт противника и овладеть г. Ямбургом, имея справа наступающие части 6. стрелковой дивизии и слева 19. стрелковой дивизии, наступающей из района д. Юрка—д. Поречье.

Полк получил задачу: выслать один эскадрон в конном строю с 2 пулеметами из д. Онетопель на д. Пустомерта, д. Мануйлово и далее лесными тропинками и проселками на „стеклянный завод“, что в 3 верстах южнее г. Ямбурга, имея задачей отрезать противнику пути отступления при переправе через р. Лугу, 3. пешему эскадрону было приказано двигаться на „стеклянный завод“ по мере продвижения конного эскадрона, а другому конному эскадрону с двумя пулеметами двигаться с наступающими на Ямбурге хотными частями. Во исполнение приказа 2. эскадрон с двумя пулеметами и 3. пеший эскадрон под общей командой помкомполка тов. Гайнанова в 12 ч. выступили из д. Онетопель на „стеклянный завод“, в 16 ч. заняли д. Азика, в 20 ч. д. Кряково, а в 12 ч. 13 ноября эскадроны расположились в лесу в районе „стеклянного завода“, который был уже занят пехотными частями 19. стрелковой дивизии. От эскадронов была выслана конная и пешая разведка, а на фланги для поддержания связи и наблюдения за местностью конные раз'езды под командой красных офицеров. Вридкомполком тов. Грязнов с 1. эскадроном и двумя пулеметами

отправился из д. Онетопель на Тикопись, где установил связь с 15. стрелковым полком, наступавшим на Ямбург от полотна Балтийской жел. дороги до петроградского шоссе, и 14 ноября в 14 ч. 20 м. наша пехота выбила противника из окопов, расположенных в двух вер. восточнее Ямбурга, эскадрон в конном строю ворвался в город, занял станцию жел. дороги, преследует отступающий Талабский полк противника, захватывает обоз, походные кухни, шанцевые инструменты, патроны, а 15. Стрелковый полк, при содействии эскадрона, захватил в плен две роты Талабского полка в полном составе. Помкомполка тов. Гайнанов с эскадронами одновременно вместе с частями 19. Стрелковой дивизии занимает переправы через р. Лугу, д. Порховскую колонию и южную окраину г. Ямбурга. 15 ноября в 12 ч. полк перешел в д. Поречье и вел конную и пешую разведку на д. Монастырск и к озеру Самро, охраняя раз'ездами левый берег реки Луги от д. Поречья до г. Ямбурга. 16 ноября противник отходил на Нарвском направлении, ведя упорные арьергардные бои. Правее нас 6. Стрелковая дивизия, наступая 15 ноября, прорвала фронт противника в Озерном районе и успешно продвинулась к р. Луге и далее к побережью Финского залива; левее 19. Стрелковая дивизия двигалась на д. Монастырск с целью удара по тылу частей противника, группирующихся к северу от г. Гдова. Группе войск тов. Одинцова было приказано выдвинуться на линию р. Наровы от истоков ее до устья, не переходя на ее левый берег. С 16 по 19 ноября полк, расположившись в д. Лошголово, вел разведку на д. Черново, д. Замонье, д. Данилово, д. Чудки. Противник упорно оборонялся на подступах к г. Нарве, а правее нас 6. Стрелковая дивизия продвинулась к побережью Финского залива и вела упорные бои у д. Новая и д. Куровицы, левее же 19. Стрелковая дивизия вышла на линию Нарва—Гдовской жел. дороги, заняв своими правофланговыми частями д. Усть-Черново и д. Низы. Вся 15. армия оттеснила противника к р. Нарове, выслав для содействия продвижению частей 7. армии кавалерию и часть наступающих пехотных полков в направлении на „форштадт Ивановский“. Согласно приказа по 7. армии, полк перешел в распоряжение начдива 2. Стрелковой и, сменив 630. Стрелковый полк, занял его боевой участок от северной окраины болота „Пятницкий мох“ по восточной окраине болота до мызы Прилуга, выделив 1. эскадрон для поддержания конной связи с частями 19. Стрелковой дивизии. К 22 ноября противник занимал укрепленную позицию на левом берегу р. Луги от мызы Рарской до д. Анненской, имея укрепленные

опорные пункты на правом берегу р. Луги у д. Орлы, Манновки, Кошкина и у Жабино. Правее 6. Стрелковая дивизия продолжала наступать и вела бой у „дома рыбаков", что западнее д. Большое Куземкино, и после упорного сопротивления противника заняла д. Ропшу.

Полк перешел в подчинение командира 189. Стрелкового полка и, высылая раз'езды и разведку в сторону противника, охраняя левый фланг 11. Стрелковой дивизии, держал связь с частями 19. Стрелковой дивизии, освещая местность в направлении на д. Тербника, д. Монастырск, что и продолжалось до 28 ноября. 28 ноября противник все еще продолжал оказывать упорное сопротивление нашему наступлению на заранее укрепленных позициях на линии д. Манновка—д. Кошкино—ст. Салаполумыза —Анково—д. Дубровка—д. Анненская и далее по течению р. Пяты, в то время как правее 6. Стрелковая дивизия заняла д. Фитенку и вела бой у д. д. Коростель-Федоровки, Орлы, слева 11. Стрелковая дивизия 15. армии после упорного сопротивления противника заняла д. Усть-Черново и д. Низы, отбив все контр-атаки противника, который закрепился в 5 вер. севернее д. Усть-Черново.

Полк перешел в подчинение комбрига 3. бригады 21. Стрелковой дивизии и спешенными эскадронами занимал позицию по северной и восточной окраине болота „Пятницкий мох", имея резерв, расположенный на хуторах „9. квартала" и штаб полка в д. Монастырске.

К 6 декабря противник продолжал сопротивляться нашим наступающим войскам, беспрерывно укрепляя занимаемую им позицию д. Дубровка—д. Анненская—правый берег р. Пяты—устье р. Плюсы—левый берег р. Плюсы—д. Большая Тердянка—д. Усть—Тердянка—д. Долгая Нива—д. Пустой Конец—д. Криуши. Правее нас 56. Стрелковая дивизия обстреливала, с применением химических снарядов, позиции противника на всем участке дивизии, сильным артиллерийским огнем, разрушая окопы противника и расстраивая его живую силу. Левее 11. Стрелковая дивизия наступала на фронте д. Долгая Нива—Пустой Конец—Криуши. Полк продолжал охранять прорыв не заполненный пехотой—болото „Пятницкого мха".

7 декабря выяснилось, что общее положение на фронте осложнилось т. к. эстонские войска заняли русскую территорию на правом берегу р. Наровы, сильно укрепились и не дали нам возможности дойти до нашей государственной границы с Эстонией, чем воспользовалась большая часть северо-западной армии белых, перейдя на левый берег р. Наровы на террито-

рию Эстонии и расположившись в районе г. Нарвы—г. Невве-Радна—Пунгерне. Правее 56. Стрелковая дивизия атаковала противника в районе д. Кошкино—полумызка „Дом"—правобережной части р. Наровы, а левее 11. Стрелковая дивизия наступала на д. Криуши, д. Долгая Нива, переправилась частью на левый берег р. Наровы. 2. Стрелковая дивизия выставила заслон в направлении на Нарву по жел. дороге к Гдовскому шоссе и наступала на д. Большая Жердянка и Усть-Жердянка; полк же, занимая старый участок, вел разведку, неоднократно сталкиваясь с разведкой противника и держа конную связь постами летучей почты между штабами полков, бригад и дивизий. Из многочисленных и неоднократных опросов пленных и показаний перебежчиков выяснилась ценная картина полной деморализации белых войск противника: число штыков в ротах не превышало 70—80, большинство солдат только ждали удобного случая, чтобы перейти на нашу сторону, но этому сильно мешало бдительное наблюдение офицеров; среди людей была большая смертность из за эпидемии сыпного тифа, и падеж лошадей, из-за бескормицы.

18 декабря полковой боевой участок увеличился. Два спешенных эскадрона с пулеметами, имея один эскадрон в резерве на хуторах „9. квартала", занимали позицию от слияния р. Щучки с р. Пятой до „Лисьих гор", которую занимали до 22 декабря, когда согласно полученного приказа командира 499. Стрелкового полка, в распоряжении которого находился полк, была произведена следующая перегруппировка: пол'эскадрона 1. эскадрона спешенные были переданы командиру 3. эскадрона, который с своим эскадроном и пол'эскадроном 1. эскадрона сменил роту 499. Стрелкового полка, стоящую в сторожевом охранении на „Лисьих горах", и установил связь с 504. Стрелковым полком, расположенным на „острове Каска Саари"; пол'эскадрона 2. эскадрона установили посты летучей почты от штаба 499. Стрелкового полка из д. Монастырска до штаба 3. бригады в д. Порхово и оставшиеся пол'эскадрона 1. и 2. эскадронов, команды, околодок и штаб полка переходят на мызу Прилуга.

В ночь на 23 декабря совершенно неожиданно был получен приказ о смене нас 503. Стрелковым полком; смена закончилась к 14 часам 23 декабря и эскадроны и команды перешли и расположились в д. Ново-Пятницкое. Штаб полка перешел на „лесопильный завод" западнее д. Франкфуртская колония. Полк составил армейский резерв 7. армии и держал связь с штармом 7. через штадив 56. Стрелковой. В армейском резерве полк пробыл до 28 декабря, когда был получен приказ коман-

дарма 7., предписывающий в виду бескормицы, отсутствия фуража и непрекращающегося падежа лошадей, полк спешить, лошадей с коноводами отправить в пределы ястребинской волости, Ямбурского уезда, оставив в полку только необходимое число конных для связи и лошадей для комсостава и политработников, и по исполнении приказа полк был передан в распоряжение начдива 56. Стрелковой и вошел в состав частей 2. бригады.

В ночь на 30 декабря полк совместно с 501. Стрелковым полком занял позицию западнее г. Ямбурга от „дома арендатора", что севернее нарвского шоссе до линии Балтийской жел. дороги. Штаб полка и команды перешли в д. Ново-Пятницкое. На этом участке полк находился до 8 января 1920 г., наступая за это время (до 3 января включительно, когда был получен приказ о приостановке военных действий в виду начавшегося перемирия с Эстониею) на укрепленную позицию противника у д. Дубровки и отбивая неоднократные атаки противника.

8 января полк вместе с 501. Стрелковым полком сменился с позиции, отошел в бригадный резерв 56. Стрелковой дивизии и расположился в районе д. д. Ново-Пятницкое, Порховская колония, Франкфуртская колония. С 9 по 15 января полк был в бригадном резерве и в скором времени должен был снова выступить на позицию, но 16 января был получен приказ Командарма 7. о возвращении полка в Петроград в распоряжение начдива отдельной Башкирской кавалерийской. 18 января в 9 ч. 30 м. полк выступил походным порядком из Ямбурга по маршруту Ямбург — д. Тикопись—д. Юхонова—д. Ополье—д. Свялицы—д. Гурлева—д. Кут—д. Большия Озерицы—д. Прутица—д. Большие Карганы—д. Чирковцы—поселок Брединка—д. Гомонтово—д. Бегуницы—д. Большое Тошково—д. Каськово—д. Анташи—д. Шумкорово—д. Виттино, где полку для отдыха была назначена одна дневка,—д. Виттино—с. Кипен—с. Высоцкое — д. Телези — г. Красное Село — д. Константиновка—д. Горелово—д. Сосновка—д. Новое Паново—д. Старое Паново—д. Лигово—Петроград, куда полк возвратился 23 января 1920 г. в 12 час.

Красный офицер 3. кавалерийского Башкирского советского полка Отдельной Башкирской кавалерийской дивизии

Иван Слатин.

25 марта 1920 г.
Муравьевские казармы,
Новгородской губ.

Работы Военно-Исторической Комиссии за 1919 и 1920 года.

I. НАПЕЧАТАНО:

1. Стратегический очерк войны 1914—1918 годов. Часть 5. Сост. *В. Н. Клембовский.*
2. Боевое Снабжение Русской армии. Часть 1. Сост. *Маниковский.*
3. Сношение с союзниками по военным вопросам. Часть 1. Сост. *Валентинов.*
4. Краткий очерк гражданской войны по Южному фронту за период январь—май 1918 г. Сост. *А. А. Свечин* (на правах рукописи).
5. Военно-Исторические Сборники №№ 1, 2 и 3.

II. ПЕЧАТАЕТСЯ:

1. Боевое Снабжение Русской армии. Части 2 и 3. Сост. *Маниковский.*
2. Русские военно-пленные в мировой войне. Части 1, 2 и 3. Сост. *Жданов.*
3. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. Часть 3. Сост. *А. А. Незнамов.*
4. Потеря нами Галиции в 1915 г. Сост. *Бонч-Бруевич.*
5. Военно-Исторический Сборник № 4.

III. ГОТОВО К ПЕЧАТИ:

1. Военно-Исторический Сборник № 5.
2. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. Часть 1. Сост. *Я. К. Цихович.*
3. Рижская операция 1917 г. Сост. *Д. П. Парский.*
4. Краткая История Красной армии.
5. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. по Кавказскому фронту. Сост. *Корсун.*
6. Первое наступление 1-ой Русской армии в Восточную Пруссию. Сост. *Радус-Зенкович.*
7. Прорыв 11-ой армии в 1916 г. Сост. *П. В. Черкасов.*
8. Австро-Венгрия в мировую войну. Сост. *С. А. Котляревский.*
9. Моонзундская операция. Сост. *Васильев.*

IV. В РАБОТЕ:

1. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. Части 2 и 4.
2. Краткий стратегический очерк по Румынскому фронту.
3. Революционный период войны от февральского переворота до заключения Брестского договора.
4. Общественные организации в войну 1914—1918 г.
5. Численность армии, пополнения и убыль в войну 1914—1918 г.
6. Развитие регулирующих органов под влиянием империалистической и гражданской войн.
7. Тактика русской полевой артиллерии за время войны 1914—1918 г.
8. Действия полевого штаба за время командования Красной армией главком Вацетиса.
9. Коммунисты и ком. ячейки в армии.
10. Влияние внешних политических факторов на ход гражданской войны.
11. Первоначальная стратегически организационная работа Центра (от Ставки к Высшему Военному Совету).
12. Онежская военная флотилия.
13. Лодзинская операция.
14. Военное министерство за период июнь 1915 - март 1916 г.
15. Русский воздушный флот во время войны 1914—1917 г.

V. ПУБЛИЧНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

№№ по пор.	Год, число и месяц.	Фамилия докладчика.	Название докладов.
	1919 г.		
1	21 ноября.	Вацстис И. И.	Строительство вооруженных сил во время войны и влияние этого на стратегию.
2	28 „	Троцкий Л. Д.	Милиционная система.
3	5 декабря.	—	Обмен мнений по вопросам: 1) Перспектива перехода Красной армии к милиционной системе. 2) Вопрос о создании благоприятных условий для составления истории Красной армии.
4	12 „	—	Обмен мнений по вопросам: 1) Во что выльется милиция при международном соревновании в боевой готовности. 2) Почему Красная армия построена по принципу постоянной армии, а не милиционной системы. 3) Мыслимо ли введение милиционной системы без начальника генерального штаба.
5	19 „	Свечин А. А.	Милиция как тенденция.
6	26 „	„	Продолжение обмена мнений о переходе к милиционной системе.
	1920 г.		
7	23 января.	Букшпан Я. М.	Стадия регулирования в условиях военного хозяйства (от такс к трудовой повинности).
8	30 „	Сазонов Л. И.	Культурный труд воинских частей в русской истории.
9	6 февраля.	Капустин Н. Я.	Некоторые вопросы управления высшими войсковыми соединениями при наступлении в условиях позиционной войны.
10	20 „	Лукирский С. Г.	Действия русских конных масс перед фронтом Ю.-з. и с.-з. армий в сентябре и октябре 1914 г.
11	27 „	Свечин А. А.	Основы военной доктрины.
12	5 марта.	Лукирский С. Г.	Продолжение сообщения 20 февраля.
13	13 „	Свечин А. А.	Продолжение сообщения 27 февраля.
14	19 „	Радус-Зенкович Л. А.	Наступление 1 русской армии в В. Пруссию в августе и сент. 1914 года.
15	26 „		
16	2 апреля.	Цихович Я. К.	Операция 2 армии в В. Пруссию в августе 1914 года.
17	16 „		
18	23 „	Снесарев А. Е.	Поход Тамерлана в 1391 г. против Тохтамыша.
19	30 „	Цихович Я. К.	Параллель между вторжением русских армий в В. Пруссию и в Галицию в августе 1914 г.
20	7 мая.	Проф. Виппер Р. Ю.	Вечность войны.
21	14 „	Свечин А. А.	Мировая война в воспоминаниях Людендорфа.
22	21 „	Проф. Яковлев А. И.	Борьба с Польшей в Русской истории.
23	28 „	Проф. Пичета В. И.	Польский вопрос в Русской истории в XVIII и XIX вв.
24	4 июня.	Владиславский Н. Л.	Наступление французов под Верденом 24 окт. 1916 года.

25	11 июня.	Проф. Котляревский С. А.	Польский вопрос в международной истории Европы в XIX и XX вв.
26	18 „	Парский Д. П.	Рижская операция 19—26 августа (1—8 сентября) 1917 г.
27	25 „	Проф. Котляревский С. А.	Мемуары адмирала Тирпица.
28	2 июля.	Колосов А. Н.	Военная реформа в первых месяцах февральской революции.
29	9 „	Букшпан Я. М.	Особое совещание по обороне и наша военная промышленность.
30	16 „	Колосов А. Н.	Вторая половина доклада 2-го июля.
31	23 „	Проф. Виппер Р. Ю.	Гражданские войны в древнем Риме.
32	30 „	Уайт Д. Н.	Развитие и гибель германской морской силы по мемуарам Тирпица.
33	6 августа.	Проф. Котляревский С. А.	Борьба за Дарданеллы и Палестину по воспоминаниям Лимана фон-Сандерса.
34	13 „	Незнамов А. А.	Петроградская операция Юденича в октябре 1919 года.
35	20 „	Свечин А. А.	Эволюция германского плана войны.
36	27 „	Свечин А. А.	Луцкий прорыв (май—июнь 1916 г.).
37	3 сентября.	Свечин А. А.	Некоторые выводы из операции ю.-з. фронта в мае—июне 1916 г. Продолжение прений по докладу о Луцком прорыве.
38	10 „	Проф. Котляревский С. А.	Сумерки Австро-Венгерской империи.
39	17 „	Проф. Виппер Р. Ю.	Фукидид, как военный историк.
40	24 „	Васильев Ф. Н.	Монзундская операция 1917 г.
41	1 октября.	Васильев Ф. Н.	Продолжение доклада 24 сент.
42	8 „	Муравьев В. Н.	Стратегия и политика в мировой войне.
43	15 „	Снесарев А. Е.	Бернгарди о войне будущего (его последняя книга 1920 г. февраль).
44	22 „	Букшпан Я. М.	Конец войны (1914—1918 г.) начало революции в Германии.
45	29 „	Свечин А. А.	Оперативное искусство генер. Алексеева в Галицийской битве.
46	5 ноября.	Восканов Г. П.	Операция по овладению Киевом и окружению Киевской группы противника в 1920 г.
47	12 „	Лебедев Д. К.	Германский воздушный флот во время мировой войны 1914—18 г. (аэростаты и воздушные корабли).
48	19 „	Лебедев Д. К.	Авиация и противовоздушная оборона Германии во время мировой войны 1914-1918 г.
49	26 „	Проф. Котляревский С. А.	Всемирная война в оценке Гельфферихта.
50	3 декабря.	Морозов Н. А.	Исторический очерк системы пополнений постоянных и милиционных армий.
51	10 „	Рябинин А. А.	Швейцарская армия, как тип современной милиции.
52	17 „	Колосов А. Н.	Отчет о 2-летией работе В. И. Комиссии.
	„ „	Свечин А. А.	Задачи и значение военной истории.
53	24 „	Свечин А. А.	Шлиффен, начальник Прусского Генерального штаба.

Правитель дел Военно-Исторической Комиссии

Д. К. Лебедев.

ТРУДЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Стратегический очерк войны 1914—18 г. г. Часть 5. Период с окт. 1915 г. по сент. 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. Составил *В. Н. Клембовский.* 123 стр., 19 схем. Цена 75 руб.
2. Военно-Исторический Сборник № 1. 178 стр., 16 схем (распродано).
3. Военно-Исторический Сборник № 2. 223 стр., 10 схем. Цена 45 руб.
4. Военно-Исторический Сборник № 3. 190 стр., 21 схема. Цена 70 руб.
5. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 г.г. Часть I. Составил *А. А. Маниковский.* 123 стр. Цена 75 р.
6. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 г.г. Составил *Н. Валентинов.* 136 стр. Цена 75 руб.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

7. Обзор положения русских военно-пленных в мировой войне. Ч. I, II, III. Составил *Н. М. Жданов.*
8. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. Составил *М. Д. Бонч-Бруевич.*
9. Военно-Исторический Сборник № 5.
10. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 г.г. Части 2 и 3. Составил *А. А. Маниковский.*
11. Стратегический очерк войны 1914—18 г. г. Часть 3. Составил *А. А. Незнамов.*

